

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



У 2023
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 5 (452) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Ирвин Дэвид Ялом* (1931) — американский психолог и психотерапевт, доктор медицинских наук, профессор психиатрии Стенфордского университета, писатель.

Ирвин Ялом родился в семье выходцев из России. Родители Ирвина эмигрировали в США за пятнадцать лет до его рождения. Юноша жил среди бедных слоев черного населения, где было небезопасно. Много времени он проводил в центральной библиотеке. Его страстью были художественные романы — то, что никогда не произойдет в жизни, можно создать с помощью книг.

Выбор профессии для людей, живущих в гетто, был ограничен — или казался ограниченным. Все ровесники Ирвина, идя по стопам отцов, поступали либо в медицинские училища, либо в бизнес-школы. Медицинское училище казалось Ялому ближе к Толстому и Достоевскому, и он начал обучение медицине, заранее зная, что отдаст предпочтение психологии.

После окончания высшей школы Ирвин посещал Университет Джорджа Вашингтона (он окончил его в 1952 году), а потом — Школу медицины Бостонского университета. Интернатуру он проходил в госпитале «Маунт-Синай» в Нью-Йорке и в клинике «Фипс» госпиталя Джонса Хопкинса. После окончания обучения Ялом два года служил в армии в больнице общей практики «Триплер» в Гонолулу.

После службы Ялом начал карьеру в Стэнфордском университете, где занимался экзистенциальной психологией.

Психология показала себя с очень интригующей стороны: все истории, услышанные Ирвином Яломом от его пациентов, казались ему восхитительными. Он считает, что каждый пациент требует отдельного подхода, индивидуального терапевтического метода, основанного на уникальности его истории. С годами данное представление о психологии отводило его все дальше и дальше от самого центра профессиональной психиатрии, в ко-

торой на первый план выступают методы, зависящие от экономической составляющей науки, а именно — деперсонализация (в основе которой лежит симптоматика), инициативное протоколирование и краткость самого психиатрического метода для всех.

Как считают некоторые авторы, в своих работах Ялом прошел путь от психоанализа до экзистенциально-гуманистического терапевта. Большое место в его трудах («Мамочка и смысл жизни», «Лжец на кушетке», «Дар психотерапии») отводится преодолению экзистенциального страха смерти. В последней своей работе («Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти», 2008) он подводит итог изучению этой проблемы и пишет: «Как только мы оказываемся способными противостоять факту своей собственной смертности, мы становимся способны перестроить наши приоритеты, общаться более глубоко с теми, кого мы любим, ценим более остро красоту жизни и увеличиваем свою готовность взять на себя риски, необходимые для самореализации».

В 2000 году американская психиатрическая ассоциация наградила Ирвина Ялома премией Оскара Пфистера за важный вклад в религию и психиатрию.

В ноябре 2009 года по приглашению Института повышения квалификации практикующих психологов Ирвин Ялом и его супруга приехали в Россию, где ученый выступил перед широкой аудиторией читателей и профессиональных психологов.

По некоторым его книгам были сняты документальные фильмы, в которых он сам принял участие.

Писатель женат на филологе Мэрилин Ялом, с которой познакомился еще в старших классах в Вашингтоне. Супруги вместе уже более 60 лет, у них четверо детей.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Абдулова А. Р.**
Проблемы правового регулирования в законодательстве о специальных видах хранения75
- Албулатов Б. Х.**
Судебный прецедент в конституционном праве России77
- Аль-гхарбави А. Д., Сизько И. А.**
Международное сотрудничество по борьбе с информационной преступностью в интернете79
- Аль-гхарбави А. Д., Сизько И. А.**
Предупреждение и профилактика информационных преступлений в сети интернет80
- Аль-гхарбави А. Д., Сизько И. А.**
Причины информационной преступности: понятие и виды82
- Бакланов А. Ю.**
К вопросу о правомерности вменения совокупности преступлений, предусмотренных статьями 199 и 327 Уголовного кодекса РФ, в случае подделки счетов-фактур налогоплательщиком84
- Беляев И. Р.**
Участие иностранных граждан в российском уголовном процессе86
- Биче-оол В. Б.**
Правовое регулирование деятельности мировых судов Республики Тыва: проблемы и решения88
- Биче-оол В. Б.**
Исторические этапы становления мировых судов в России90
- Брусенцева В. А., Яньков Д. Р.**
Основные отличия Федерального закона № 44-ФЗ от Федерального закона № 223-ФЗ92
- Бычкова А. В.**
Использование результатов специальных психофизиологических исследований в процессе доказывания по уголовным делам93
- Валовенко М. В.**
Разумный срок уголовного судопроизводства как один из ключевых принципов его осуществления95
- Ванесян М. В.**
Актуальные проблемы деятельности органов дознания в уголовном процессе Российской Федерации98
- Габайдулина Я. Т.**
Образование юридического лица 100
- Глыбина И. В.**
Участие помощника судьи в уголовном (гражданском, административном) судопроизводстве 103
- Давыдов И. Д.**
Основания применения доктрины *Lis Alibi Pendens* как средства борьбы с параллельными судебными разбирательствами 106
- Жилин С. Е.**
Клевета, распространяемая в сети «Интернет» 107
- Жилин С. Е.**
К вопросу о клевете, повлекшей тяжкие последствия 110
- Жуковская Д. А.**
Административная ответственность за правонарушения, посягающие на права несовершеннолетних 112
- Искендерова А. З., Басманова Н. В., Лебедева О. Н.**
Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе 113
- Мамаев И. М.**
Квалификация преступлений, совершенных военнослужащими 116
- Мокина А. И.**
Законность как правовая категория 118
- Морозов М. И.**
Разбой: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации 119

Нерсиян А. В. Исторический аспект существования упрощенной процедуры принятия судебного решения 124	Учаев А. А. Правовая природа и развитие института субсидиарной ответственности в деле о банкротстве 136
Папшев А. С. Проблема выбора договора по предоставлению доступа к базам данных на интернет-сайтах.... 126	Харитоновская Е. С. Особенности правовой природы предварительного договора 140
Папшев А. С. Проблема признания права изготовителя базы данных 128	Хисайнова Ф. А. Особенности проведения муниципального контроля..... 141
Парамонова Д. А. К вопросу о сущности понятия «общественный порядок» 129	Шебунина Т. С. Этапы возникновения, становления и развития нормативно-правового регулирования налогообложения добавленной стоимости в России 143
Резкин И. В. Методика определения вероятности преступного поведения и виктимности отдельных категорий военнослужащих на примере нарушений правил уставных взаимоотношений..... 130	Штейникова Л. В. Классификация сделок по видам и формам ... 145
Устинова И. А. История развития коррупционной преступности в сфере военной службы..... 134	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы правового регулирования в законодательстве о специальных видах хранения

Абдулова Азалия Рузалиновна, студент
Уфимский университет науки и технологий

В настоящее время сфера применения договора хранения достаточно широка. Целью заключения данного договора является обеспечение сохранности вещи, которую поклажедатель сдает хранителю на хранение.

Правовое регулирование договора хранения осуществляется главой 47 ГК РФ, а также иными законами, регулирующими специальные виды хранения. Законодательство о хранении достаточно развито, однако на практике при применении норм права, регулирующих эту сферу отношений, выявляется наличие пробелов и коллизий.

Данная статья посвящена изучению законодательства о видах хранения, выявлению проблем в нормативно-правовом регулировании в сфере этих правоотношений, а также способам устранения этих проблем

Ключевые слова: договор хранения, поклажедатель, хранитель, хранение в ломбарде, хранение в гардеробах организаций, секвестр, хранение ценностей в банке, хранение в гостинице, хранение в камерах хранения транспортных организаций.

Согласно статистике за 2021 год было рассмотрено 1342 спора по договору хранения. Доля удовлетворённости исков составила 921 (68%) [1]. Наличие споров свидетельствует об актуальности развития правоотношений, возникающих в результате заключения договора хранения.

В соответствии с п. 1 ст. 886 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ [2]): договор хранения — это обязательство, в силу которого одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной (поклажедателем), и возвратить эту вещь в сохранности.

Суть хранения состоит в том, что поклажедатель передает хранителю вещь во владение с возвратом на определенный срок или до востребования вещи собственником.

В соответствии с ГК РФ к специальным видам хранения относятся: хранение в камере хранения транспортной организации, гардеробе, ломбарде, банке, гостинице, а также секвестр.

Существует также договор хранения автотранспортных средств, который не закреплён в ГК РФ. Данные правоотношения регулируются Постановлением Правительства РФ от 17.11.2001 № 795 «Об утверждении Правил оказания услуг автостоянок» [3]. М. С. Гонифанидов и М. В. Крестинский считают необходимым законодательное закрепление в § 3 главы 47 ГК РФ хранения автотранспортных средств на автостоянках и предлагают внести следующую дефиницию данного вида договора хра-

нения: «По договору хранения на платных автостоянках хранитель — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие гражданам платные услуги по хранению их автотранспортных средств в качестве постоянной предпринимательской деятельности для удовлетворения исключительно личных, семейных нужд, обязан принять такие средства на хранение от поклажедателя и возвратить их в сохранности, а поклажедатель обязан оплатить хранение и по истечении установленного срока хранения получить указанное имущество обратно» [5, с. 200–201]. Я согласна с ними, так как законодательное закрепление данного вида хранения устранил споры, связанные с отнесением автотранспортных средств к объектам хранения, так как существует также точка зрения, согласно которой эти правоотношения следует относить к оказанию охранных услуг, а не услуг по хранению.

Обратим внимание на пробелы и коллизии, возникающие при регулировании отдельных разновидностей договора хранения.

Договор хранения в гардеробе организации. Договор хранения в гардеробе организации — это договор, по которому организация (хранитель) обязуется безвозмездно или возмездно с использованием гардероба хранить вещь, переданную ей гражданином (поклажедателем), и возвратить эту вещь в сохранности.

В соответствии с п. 2 ст. 887 ГК РФ одним из способов подтверждения заключения договора хранения является выдача номерного жетона (номера). Прежде всего эта норма относится к заключению договора хранения в гардеробе организации.

На практике часто возникают споры, связанные с выдачей вещей, переданных на хранение, по похищенным жетонам. При этом, в законе не указано, что хранитель вещи обязан проверять полномочия предъявителя на получение вещей. И возникает вопрос: обязан ли хранитель возмещать стоимость вещи, выданной по похищенному жетону?

Я думаю, необходимо дополнить ст. 924 ГК РФ следующим положением: «хранитель вещи несёт ответственность за выдачу вещи поклажедателя третьему лицу, в том числе в случае похищения у поклажедателя жетона, выданного при передаче вещи на хранение только если будет доказано, что он действовал умышленно или с грубой неосторожностью».

Также часто возникают споры, связанные с потерей ценностей, оставшихся в переданных на хранение в гардероб вещей, например, телефон в кармане куртки. В действительности гардероб должен отвечать только за сохранность переданных вещей, а не за их содержимое. Думаю, необходимо также дополнить ст. 924 ГК РФ следующим положением: «Гардероб не несет ответственности за ценности, оставленные в вещах, переданных на хранение».

Договор хранения в банке. Есть две разновидности данного договора: договор хранения ценностей в банке и договор хранения ценностей в индивидуальном банковском сейфе.

Договор хранения ценностей в банке — договор, в соответствии с которым банк принимает на хранение ценные вещи, в том числе документы.

Договор хранения ценностей в индивидуальном банковском сейфе — это договор хранения ценностей в банке, по которому хранение ценностей осуществляется с использованием клиентом (поклажедателем) или с предоставлением ему охраняемого банком (хранителем) индивидуального банковского сейфа (ячейки сейфа, изолированного помещения в банке).

Е. А. Суханов считает, что договор хранения ценностей в индивидуальном банковском сейфе — это смешанный договор. Он сочетает в себе элементы аренды (сейф предоставляется в пользование клиенту без контроля банка за его содержимым) и охранных услуг (банк обязан обеспечить невозможность доступа к сейфу всякого лица, кроме клиента). Так как в этом случае отсутствует такой важный признак хранения, как передача объекта хранения во владение хранителю, к договору о предоставлении банковского сейфа должны применяться положения о договоре аренды [6, с. 111]. Я согласна с данной точкой зрения. Ячейка является собственностью банка, комнатой с охраной, а при аренде оно передается во владение и пользование, арендодатель проверяет только сохранность имущества.

Также важно упомянуть, что на практике банк не выдаёт по доверенности деньги с банковского сейфа, если этот пункт не оговорен отдельно в доверенности. Таким образом банк обеспечивает безопасность лица, выдавшего доверенность, так как поверенный может взять деньги из банка, и лишь спустя какое-то время доверитель узнает об этом. Банк, налагая данное ограничение, обеспечивает защиту прав доверителя.

Хранение в камерах хранения транспортных организаций. Договор хранения в камерах хранения транспортных организаций — договор, по которому транспортная организация общего пользования, имеющая в ведении камеры хранения, принимает на хранение вещи пассажиров и других граждан независимо от наличия у них проездных документов (п. 1 ст. 923 ГК РФ).

Срок действия договора хранения определяется транспортными уставами и кодексами, если соглашением сторон не установлен более длительный срок. Вещи, не востребованные в указанные сроки, камера хранения обязана хранить еще в течение 30 дней. По истечении этого срока невостребованные вещи могут быть проданы хранителем. Однако в законе не оговорены случаи, когда, например, поклажедатель не мог забрать вещь, переданную на хранение, из-за непредвиденных обстоятельств, например, в случае болезни. Это является пробелом в праве. Я думаю, что стоит внести в ГК РФ положение о том, что «в случае возникновения непредвиденных обстоятельств (например, болезни поклажедателя) хранитель не должен возмещать ему ущерб, так как поклажедатель должен был предпринять меры для устранения отчуждения вещи в будущем». К примеру, поклажедатель должен был сказать кому-нибудь (другу, родственнику) о том, что он передал вещь на хранение. Это положение устранило бы споры, возникающие при указанных обстоятельствах.

Хранение в ломбарде. По условиям договора хранения в ломбарде поклажедатель сдает ломбарду на хранение принадлежащую ему вещь, а ломбард обязуется осуществить на возмездной основе хранение принятой вещи.

В соответствии с п. 3 ст. 919 ГК РФ: Вещь, сдаваемая на хранение в ломбард, подлежит оценке по соглашению сторон в соответствии с ценами на вещи такого рода и качества, обычно устанавливаемыми в торговле в момент и в месте их принятия на хранение. Ю. В. Сахарова считает, что оценка имущества, сданного в ломбард, имеет большое значение, так как сумма оценки влияет на реализацию невостребованных вещей, размер страховых выплат, на начальную сумму реализации невостребованной вещи с открытых торгов, на обязательства ломбарда перед поклажедателем, возникающие после продажи невостребованной вещи. Также Ю. В. Сахарова обращает внимание на то, что законодатель указывает, что вещь должна быть оценена ломбардом в соответствии с ценами на аналогичные вещи, «обычно устанавливаемыми в торговле». Рыночная стоимость вещи прямо в Законе о ломбардах [4] не упоминается [7, с. 162].

А. Э. Дорохова считает, что при передаче движимых вещей на хранение, их оценка должна носить профессиональный характер, но при этом законодательство не требует независимости такой оценки. Отсутствие нормативного акта, регламентирующего условия и порядок проведения независимой оценки рыночной стоимости вещи свидетельствует о том, что права залогодателя требуют защиты [8, с. 259]. Я с ней согласна и считаю, что в данном случае будут защищены права поклажедателя.

Хранение в гостинице. В соответствии с п. 1 ст. 925 ГК РФ: гостиница отвечает как хранитель и без особого о том соглашения с проживающим в ней лицом (постояльцем) за утрату, недостачу или повреждение его вещей, внесенных в гостиницу, за исключением денег, иных валютных ценностей, ценных бумаг и других драгоценных вещей. Внесенной в гостиницу

считается вещь, вверенная работникам гостиницы, либо вещь, помещенная в гостиничном номере или ином предназначенном для этого месте.

Гостиница отвечает за утрату, недостачу, повреждение вещей независимо от своей вины. Вместе с тем при этом учитывается и возможная вина клиента в необеспечении сохранности своих вещей (например, если он не закрыл номер на ключ).

Отдельно для хранения ценностей клиенту гостиницы может быть предоставлен индивидуальный сейф. Е. А. Суханов считает, что в данном случае имеет место «смешанный договор с элементами аренды и услуг по охране, а не договор хранения» (аналогично предоставлению сейфа в банке). Подразумевается, что ответственной за утрату вещей из сейфа будет гостиница, если не докажет, что доступ посторонних к сейфу был невозможен либо стал возможен в результате возникновения обстоятельств непреодолимой силы [6, с. 113].

Хранение вещей, являющихся предметом спора (секвестр). Секвестр — это передача вещей, являющихся предметом спора,

на хранение по договору спорящих сторон или на основании судебного акта третьему лицу, принимающему на себя обязанность по хранению имущества до разрешения спора, и возвращение этого имущества тому лицу, которому оно будет присуждено по решению суда либо по соглашению всех спорящих лиц.

Особенностью данной разновидности хранения является то, что объектом договора может быть не только движимая вещь, но и недвижимость. Е. А. Суханов считает, что в случае, когда объектом секвестра является недвижимость, «действия хранителя скорее можно отнести к услугам по охране» [6, с. 113]. Я согласна с данной точкой зрения, так как договор хранения прежде всего нацелен на обеспечение сохранности имущества, а договор охраны — на защиту объекта от противоправных посягательств.

Таким образом, существует множество пробелов, споров и коллизий в законодательстве о хранении. Для их устранения необходимо внести в законодательство поправки, чтобы устранить все разногласия между теоретиками.

Литература:

1. Судебная практика РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.xn——7sbqk8achja.xn — plai/stats/arb/t/42/s/1> (дата обращения: 23.01.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 года № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021 № 295-ФЗ) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 23.01.2023).
3. Постановление Правительства РФ от 17.11.2001 № 795 «Об утверждении Правил оказания услуг автостоянок» (ред. от 24.04.2007 № 248) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 23.01.2023).
4. Федеральный закон «О ломбардах» от 19.07.2007 № 196-ФЗ (ред. от 13.07.2020 № 196-ФЗ) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 23.01.2023).
5. М. С. Гонифанидов, М. В. Крестинский Договор хранения // Вестник Национального института бизнеса. 2017. № 28. С. 197–201.
6. Гражданское право: учебник: в 4 т. / Е. А. Суханов. Москва: Статут, 2020. Т. 4. 544 с..
7. Ю. В. Сахарова Хранение вещей в ломбарде как один из видов ломбардной деятельности // Экономика. Социология. Право. 2021. № 4(24). С. 159–165.
8. А. Э. Дорохова Договор хранения вещей в ломбарде как специальный вид хранения // Молодой ученый. 2022. № 15 (410). С. 256–259.

Судебный прецедент в конституционном праве России

Албулатов Бувайсар Хусейнович, студент
Волгоградский государственный университет

Российская правовая система формально не считает судебный прецедент источником права. Это связано с тем, что формально основным источником права в России считается закон, содержащий общеобязательные правила поведения для всех людей. Судебный прецедент таким признаком общеобязательности не обладает, а относится только к конкретному решению, поэтому он не является источником права.

Однако вопрос о признании за судебным прецедентом статуса источника российского права все еще является дискуссионным. Причин тому много: и научных, и практических. Отсутствует ясность в том, что такое «аналогичное» дело. Вопрос о том, по каким критериям определять существо дела, и как от-

личаются по «существу» два дела, либо почему они по «существу» похожи, в российском законодательстве никак не определен. Этот вопрос полностью отдается на субъективное усмотрение суда, прежде всего высшего суда.

В Федеральном законе от 09.12.2010 № 353-ФЗ указано, что правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ, изложенные в надзорных его решениях, могут служить основанием определения или изменения практики толкования и применения права. Решения нижестоящих судов, основанные на правовых позициях, отличающихся от изложенных выше, могут быть изменены или отменены; если они вынесены до принятия Пленума или Президиума, они подлежат

пересмотру по вновь открывшимся обстоятельствам. Хотя вопрос о том, можно ли считать «вновь открывшимся» новую практику понимания закона является крайне спорным. И многие с этим подходом не согласны [1]. Однако во всяком случае нельзя однозначно говорить, что Постановления Пленума Верховного Суда РФ выполняют законотворческие функции.

В целом в науке сформировалось несколько подходов к тому, что считать прецедентом. Одни ученые считают, что решения всех судов имеют прецедентное значение. Другие настаивают только на актах Конституционного суда.

В.Д. Зорькин считает, что Конституционный Суд РФ обладает самостоятельной правотворческой функцией, следует признать, что его решения приобретают прецедентный характер и становятся источниками права, при этом следует отметить тот юридический факт, что при решении конкретных дел Конституционный Суд РФ рассматривает свои предыдущие решения по аналогичным делам в качестве судебных прецедентов [2].

Решения Конституционного Суда РФ, в результате которых нормативные правовые акты, признанные неконституционными, утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения государственного нормотворческого органа, и, следовательно, такое же общенормативное значение, как и нормативные правовые акты [3].

Таким образом, решения Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов имеют, по сути, нормативный характер и приобретают прецедентное значение.

По-моему, мнению не только решения Конституционного суда являются прецедентом, но и решения судов общей юрисдикции, арбитражных судов. Поскольку даже в ряде нормативных актов отраслевого законодательства сказано о необходимости учитывания судебной практики. При этом если говорить о прецеденте как источнике конституционного права, то такими решениями будут выступать акты Конституционного суда РФ.

Кроме того, согласно действующему российскому законодательству если одна и та же правовая норма будет применяться судами по-разному или же если суды будут игнорировать свои прежние решения, то это может рассматриваться как нарушение требований Конституции РФ. На необходимость соблюдения данного правила обращает внимание сам Конституционный Суд РФ: «Возможность произвольного применения закона является нарушением провозглашенного Конституцией Российской Федерации принципа равенства всех перед законом и судом».

В современной российской литературе высказана также оригинальная и правильная точка зрения о невозможности и нецелесообразности сведения всего богатства судебной практики только к одним прецедентам толкования. Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнов считают, что правоприменительная практика формируется через целую «сеть» прецедентов, логически следующих друг за другом по мере анализа и обобщения судебной практики: прецедент толкования — прецедент применения — правоположение — деловое обыкновение [4].

Существуют положительные и отрицательные аргументы за признание судебного прецедента источником российского права.

Во-первых, несмотря на то, что Россия не является страной прецедентного права, любая страна должна обеспечивать применение закона равным образом и предсказуемо по отношению к разным лицам. В нашей стране всегда существовал на этот счет не судебный прецедент, а прецедент толкования закона. Однако, на наш взгляд, из положения ст. 19 Конституции РФ, что все равны перед законом, не следует однозначно обязанность российских судов следовать прецеденту по многим соображениям. Во-первых, имеются объективные различия в статусе лиц, во-вторых, имеются аргументы удобства и ясности, красоты выводов по делу и т.п.

Во-вторых, аргументы противников прецедента о том, что следование прецеденту несовместимо с независимостью судей и подчинением их только закону неверны. Следованием прецеденту принцип верховенства закона не нарушается; если прецедент закону противоречит, то судья может отказаться его применять точно так же, как не применяет противоречащий закону подзаконный акт. Кроме того, невозможно и не нужно отказываться от прецедента. Если мы под прецедентом понимаем постановление Пленума или решение Президиума, то ситуацию отказа реального российского судьи выполнять требования вышестоящих инстанций представить себе просто невозможно, иначе судья будет уволен за нарушение единства судебной практики.

На наш взгляд, судебный прецедент может рассматриваться как особый нетипичный источник российского права, в том числе конституционного, когда мы анализируем конкретные дела принципиальной важности и сложности. Актом прецедента в конституционном праве выступают определения и постановления Конституционного Суда. В дальнейшем при обобщении судебной практики источником права становится не сам отдельный судебный прецедент, а вся судебная практика в целом, если она позитивным образом воздействует на совершенствование законодательства.

Литература:

1. Васильев С. Л., Дроздова А. Д. Судебное правотворчество и будущее судебного прецедента в России // Образование и право. 2019. № 12. С. 103.
2. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. — 2004. — № 12. — С. 27–30.
3. Шелегов Ю. В. Конституционный суд Российской Федерации в механизме конституционно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России № 1 (96) 2021 г. С. 59–69.
4. Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции. Волгоград, 2004. С. 115, 116, 202.

Международное сотрудничество по борьбе с информационной преступностью в интернете

Аль-гхарбави Анас Джалил Рахимах, студент магистратуры;
Сизько Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассмотрены базовые нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность противодействия киберпреступности в интернет со стороны отечественных органов государственной власти, а также зарубежных. Сформулированы проблемы регулирования сотрудничества по борьбе с информационной преступностью в интернете.

Ключевые слова: киберпреступность, информационные преступления, борьба с киберпреступностью, преступность в интернете.

International cooperation on combating information crime on the Internet

The article considers the basic legal documents that regulate the activities of combating cybercrime on the Internet by domestic government authorities, as well as foreign ones. The problems of regulation of cooperation in the fight against information crime on the Internet are formulated.

Keywords: cybercrime, information crimes, combating cybercrime, crime on the Internet.

На сегодняшний день в направлении противодействия киберпреступности международное сотрудничество совместно с Интерполом реализует Управление «К» (МВД РФ) и НЦБ Интерпола [1]. Это, однако, не исключает потенциальной возможности участия и иных правоохранительных органов в расследовании (раскрытии) киберпреступлений (СК РФ, ФСБ РФ и др.).

Также и ЕС не остался в стороне от межгосударственной проблемы взаимодействия в сфере противостояния киберпреступности, в начале 2013 года создав Центр борьбы с современной киберпреступностью в рамках деятельности Европола.

Работа Центра ориентирована на противоборство развитию киберпреступности в ЕС, охрану информационных прав граждан, государственных структур и бизнеса Европы [2].

Приказом МВД РФ N8599 в структуре НЦБ Интерпола в 2004 году был организован Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европолом (сокращенно — РНКП), перед которым стояли задачи обеспечения информационного обмена между Европолом и такими компетентными органами РФ, как ФСБ, МВД, Росфинмониторинг, ФТС и ФСКН РФ в области превенции и противостояния киберпреступлениям, выработке эффективных мер, ориентированных на регулярное совершенствование механизмов и инструментов в данной области международного сотрудничества.

Невзирая на экономические, политические и научно-технические санкции стран С7 (ФРГ, Великобритания, Италия, США, Канада, Франция и Япония), а также ЕС в отношении РФ, наряду с враждебной политикой, проводимой в последнее время в отношении нашей страны, Россия от эффективного международного сотрудничества по проблеме противостояния распространению киберпреступности не отказалась [3].

Таким образом, важным этапом стало подписание Резолюции по вопросу разработки Конвенции о международном противодействии использованию ИКТ преступными способами 28.12.2019 [4], предложенной Россией несмотря на противостояние европейских стран и США.

Резолюция N74/247 от 27.12.2019 Генассамблеи ООН была поддержана 79 странами, против проголосовали 60 стран и воздержались — 33 государства). В результате под защитой ООН был сформирован открытый Межправительственный комитет, объединивший экспертов в данной области [5].

Назревшей необходимостью, официально признанной значительной частью развитых и развивающихся мировых держав, послужило принятие представленной выше Конвенции ООН.

Международное сотрудничество по проблеме противодействия киберпреступности имеет фрагментарный (блоковый) характер, обусловленный различными экономическими, геополитическими и национальными интересами стран и актуальностью разработки соответствующего правового акта международного уровня в исследуемой сфере.

Данный документ определит организационно-правовые, информационные, технические, политические, научные и другие аспекты противостояния киберпреступлениям, единые для всех мировых держав.

Таким образом, на основании анализа результатов нашего исследования, мы приходим к выводу, что в противостоянии глобальной киберпреступности и обеспечении международной ИБ для достижения высокоэффективных результатов необходима разработка ООН двух нормативно-правовых актов в форме Конвенций:

- о международной ИБ;
- о противодействии (противостоянии) киберпреступности.

На наш взгляд, один из перечисленных документов должен иметь уголовно-правовой и организационно-методический характер и включать в состав ряд следующих элементов:

- полный реестр составов киберпреступлений;
- организационно-правовые принципы;
- понятийно-терминологический аппарат;
- систему криминалистических (криминологических), уголовно-правовых, технических и организационных мер в сфере противодействия развитию киберпреступности;

— процедурный механизм межстранового взаимодействия правоохранительных органов.

В свою очередь, второй документ должен отличаться в большей степени выраженным организационным (техническим, политическим) характером, так как его положения направлены, главным образом, на регулирование широкого спектра следующих вопросов:

— международно-правовые акты, запрещающие политические преступные деяния (подготовка и планирование, ведение или развязывание военных действий в киберпространстве);

— правила (принципы) обеспечения в киберпространстве международной ИБ;

— создание (распространение, использование и т.п.). «кибероружия».

На наш взгляд, данная Конвенция должна обязательно предусматривать и другой, альтернативный механизм реализации правосудия за вышеуказанные преступления, разработанный международным судом и национальной юстицией, поскольку направленные на причинение безопасности человечества ущербы киберпреступления имеют выраженный международный характер (к примеру, в ситуации спора между судебными органами нескольких стран о юрисдикции, отказе отдельной страны вершить правосудие и др.)

Мы при этом не разделяем позицию ученых, предлагающих создание независимого международного трибунала по совершаемым в киберпространстве преступлениям, с целью достижения безопасности и мира. На наш взгляд, подобный трибунал международного уровня будет лишь дублировать

функции Международного уголовного суда, расположенного в Гааге.

Наряду с вышесказанным, возникают и различные проблемы правового, политического, организационного и процессуального характера, которые препятствуют эффективной деятельности подобного судебного органа. Среди них:

— разница в зарубежных уголовных законодательствах по проблематике дифференциации юридической ответственности за совершение киберпреступлений;

— нежелание некоторых развитых мировых держав признать юрисдикцию международного суда;

— вмешательство суверенных стран в информационное поле и юрисдикцию судов национального уровня;

— отсутствие двух- и многосторонних соглашений между странами о необходимости правовой помощи, в частности по вопросу экстрадиции киберпреступников и т.д.

Следовательно, формирование механизма наднационального сотрудничества и нормативно-правовой основы в области противодействия современной киберпреступности под покровительством ООН, с нашей точки зрения, выступает высокоэффективной формой противостояния этой разновидности высокотехнологичной преступности.

Это существенно расширит географию стран-участниц международного взаимодействия, предоставит в перспективе широкий спектр возможностей для получения квалифицированной нормативно-правовой (организационно-технической, информационной и другой) поддержки в пресечении киберпреступлений как развитым государствам Северной Америки и Европы, так и развивающимся странам Африки, Южной Америки и Азии.

Литература:

1. При участии МВД России в рамках международной полицейской операции ликвидировано вредоносное программное обеспечение. URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_K_MVD_Rossii/Publikacii_i_vistuplenija/item/7126918/ (29.11.2022).
2. Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/content/page/history-149> (29.11.2022).
3. НЦБ Интерпола МВД России. Взаимодействие с Европолом. URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Vzaimodejstvie_s_Evropolom (29.11.2022)
4. Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях: резолюция принята Генассамблеей ООН 27.12.2019 N74/247 // СПС КонсультантПлюс.
5. ГА ООН приняла резолюцию России по разработке конвенции для борьбы с киберпреступлениями. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7439717> (27.11.2022).

Предупреждение и профилактика информационных преступлений в сети интернет

Аль-гхарбави Анас Джалил Рахимах, студент магистратуры;
Сизько Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассмотрены факторы, оказывающие влияние непосредственно на совершение информационных преступлений, а также способы предупреждения и профилактики данного рода преступности в сети интернет.

Ключевые слова: киберпреступность, информационные преступления, борьба с киберпреступностью, преступность в интернете.

Prevention and prevention of information crimes in the network the Internet

The article discusses the factors that directly influence the commission of information crimes, as well as ways to prevent and prevent this kind of crime on the Internet.

Keywords: *cybercrime, information crimes, combating cybercrime, crime on the Internet.*

Как уголовно-правовое и социальное отрицательное явление преступность (система преступлений, которые совершаются в определенный период на конкретной территории) взаимосвязана неразрывно с обществом, подвержена воздействию динамического развития общества.

Главным образом, это выражается тем, что на определенном временном этапе самыми уязвимыми для преступных деяний являются новые области (сферы) взаимодействия субъектов социальных отношений, которые еще не освоены правоприменительной (правоохранительной) практикой. Преступники стремятся в общественно-правовой действительности найти наиболее уязвимые (слабые) места с целью реализации корыстных целей. Они для этого используют разнообразные изысканные и извращенные способы посягательств преступного характера.

На рубеже XX — XXI столетий с возникновением сети Интернет и распространением масштабной информационной кампании по всему миру у преступников появились огромные возможности осуществлять незаконную деятельность, тогда как криминологи и работники правоохранительных органов столкнулись с отсутствием возможностей им полноценно противостоять.

Сеть Интернет — это киберпространство для передачи (создания, распространения (трансляции), хранения, получения и др.) информации различного рода. Главная проблема «безграничности» (масштабности) данного киберпространства состоит в отсутствии возможности эффективно контролировать как использование данной информации, так и доступ к ней, регулировать социальные отношения, взаимосвязанные с ней.

Следующий отрицательный фактор основывается на том, что обычно правонарушители осваивают прикладные области и направления взаимодействия быстрее правоприменителей и законодателей.

Подобные причины включают новизну этой сферы социальных отношений, а также отсутствие научных подходов в современной криминалистике (криминологии), законодательной регламентации и правоприменительной практики, практики расследования анализируемых преступлений, социальных и технических ресурсов и возможностей. Суммируя все сказанное выше, выделим ряд предпосылок развития Интернет-преступности [1]:

- отсутствие должного контроля за реализуемой в сети Интернет работой юридических лиц и граждан;
- открытие доступа россиянам к ресурсам сети Интернет;
- информационная безграмотность (доверчивость) пользователей, их неспособность оценивать, как действия преступников, так и собственные, компетентно;
- неподготовленность к противостоянию киберпреступности со стороны правоохранительных органов;

- отсутствие нормативно-правовой регламентации пользователей сети Интернет (сайты знакомств, онлайн-форумы и др.);
- возможность взаимодействия в сети Интернет анонимно;
- низкий уровень охраны программного обеспечения;
- несовершенство парольных систем.

Можно и сегодня увидеть примеры отрицательной статистики в отечественной практике правоприменения. За последнее пятилетие, в соответствии с данными Генеральной прокуратуры, общее количество киберпреступлений увеличилось в одиннадцать раз, составив в 2020 г. свыше 510 000 случаев, тогда как раскрываемость подобных преступлений составила менее 25%. Однако, это не говорит о бездействии правоприменителя и законодателя.

Президентом РФ в 2016 г. утвердил Доктрину информационной безопасности РФ, в которой были утверждены ключевые направления и цели ИБ в современной России [1], среди которых:

- пресечение незаконной деятельности, угрожающей национальной безопасности РФ, реализуемой с применением информационных технологий (технических средств) отдельными лицами, специальными службами, иностранными организациями;
- противоборство применения информационных технологий в целях распространения ксенофобии, пропаганды экстремизма, идеи исключительности какой-либо нации с целью подрыва социальной (политической) стабильности, суверенитета, нарушения конституционного строя и территориальной целостности нашего государства;
- совершенствование способов безопасного применения и производства продукции, а также оказания услуг с применением удовлетворяющих требованиям ИБ отечественных разработок на базе современных информационных технологий;
- рост уровня эффективности превенции правовых нарушений с использованием различных информационных технологий (противоборства подобным правовым нарушениям);
- оценка (обнаружение, прогнозирование) информационных рисков, в частности угрожающих ВС РФ в сфере распространения информации.

На основании результатов анализа направлений взаимодействия, приходим к выводу, что руководство нашей страны перспективность совершенствования сети Интернет (информационной сферы) понимает, осознавая высокий уровень напряженности виктимологической картины, стремится оградить пользователей от незаконного вмешательства в личное Интернет-пространство каждого [3].

На наш взгляд, целесообразно на анализируемых интернет-ресурсах организовать контроль за совершаемыми операциями посредством совершения следующих действий:

— страхование рисков мошенничества через сеть Интернет (на основе внесения изменений в действующее отечественное страховое законодательство);

— введения обязательной регистрации и проверки паспортных сведений пользователей с помощью системы МВД.

Организационно-управленческие меры включают также виктимологическую профилактику совершаемых в сети Интернет преступных деяний. Это связано с тем, что жертвами мошенничества в сети Интернет, как правило, становятся субъекты, не компетентные в защите личной кибербезопасности.

Важно регулярно проводить беседы с пенсионерами, подростками и другими гражданами групп риска, активно распространять информацию о разнообразных способах реализации киберпреступлений в сети и СМИ, обязать ежемесячно Интернет-провайдеров рассылать пользователям актуальные правила безопасности [2].

Также и технические меры представляют широкий пласт мероприятий. Однако, они же и выступают наиболее ресурсоза-

тратными. Сущность их заключается в повышении уровня эффективности деятельности особых подразделений (отделов) правоохранительных органов, специализирующихся на расследовании, мониторинге и контроле совершаемых в Интернете правонарушений.

Система подобных мер предусматривает обеспечение данных органов высокотехнологичным оборудованием, а также его регулярным обновлением и наращиванием технических мощностей и иных характеристик, разработку нового ПО, устройств (гаджетов), обеспечение компетентными специалистами, организующими бесперебойную работу в системе мониторинга киберпреступлений.

Следовательно, необходимо учитывать тот факт, что информационные технологии современного общества по мере их развития и проникновения в различные сферы повседневной жизни, социум делают уязвимым перед угрозами преступности, однако, способствуют при этом совершенствованию инструментов и методов противостояния ему.

Литература:

1. Лобачёв Л. Л., Куцаков Ф. В. Предупреждение преступлений в сети интернет // Скиф. 2021. № 12 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupleniy-v-seti-internet> (дата обращения: 05.12.2022).
2. Леонов А. В., Назаренко А. Я. Проблемы предупреждения преступлений с использованием сети Интернет // Закон и право. 2018. N8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-preduprezhzh>. (06.12.2021).
3. Шматкова Л. П. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями: состояние и перспективы // Молодой ученый, 2016. — № 28. — С. 720–723. — URL <https://moluch.ru/archive/132/37021/> (дата обращения: 15.12.2022).

Причины информационной преступности: понятие и виды

Аль-гхарбави Анас Джалил Рахимах, студент магистратуры;
Сизько Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В рамках статьи рассмотрены основные причины информационной преступности, а также понятие термина «информационная преступность», и ключевые виды данного рода преступлений.

Ключевые слова: *информационная преступность, причины информационной преступности, виды информационной преступности, преступления в сети интернет.*

Causes of information crime: concept and types

Within the framework of the article, the main causes of information crime, as well as the concept of the term «information crime», and the key types of this type of crime are considered.

Keywords: *information crime, causes of information crime, types of information crime, crimes on the Internet.*

Ежедневно по причине активного развития в РФ и в мире в целом информационных технологий возрастает число применяемой электронно-вычислительной техники, а также численность Интернет-пользователей. Число преступных деяний в этой сфере повышается параллельно.

Проблематика причин преступного поведения — одна из центральных в криминологии. В причинный комплекс входят факторы преступности.

Под причинами преступности следует понимать определенные социально-психологические детерминанты, вызывающие и воспроизводящие преступность.

Условия преступности — явления социальной жизни, не порождающие преступность самостоятельно, а стимулирующие ее формирование и развитие.

Долгова А.И. пишет о том, что взаимосвязанные с процессом компьютеризации социума трансформации социальной

среды отличаются рядом криминологически значимых обстоятельств [1]:

- возникновение новых технологий преступной деятельности. Большинство так называемых «классических» преступлений сегодня невозможно совершать без угрозы разоблачения, если игнорировать высокие технологии. Следовательно, распространение различные мошеннические действия, взаимосвязанные с автоматизированной системой денежного безналичного обращения набирает обороты;
- внедрение современных технологий — причина высокого уровня технической оснащенности как преступных групп, так и отдельных преступников;
- образование единого информационного пространства с использованием достижений ЭВМ и соответствующие процессы развития социальных отношений — база возникновения новых форм преступной деятельности.

Сегодня выделяют два вида причинного комплекса компьютерной преступности. Первый включает причинный комплекс без какой-либо специфики, в сравнении с «некомпьютерной» преступностью.

Злоумышленники внедряют компьютерные технологии дополнительно, впоследствии чего трансформируются условия для совершения противоправной деятельности, а также ее масштабы. Проблеме детерминации преступности на сегодняшний день посвящено большое число научных трудов криминологов [2].

Второй вид определяет особую систему причин и состоит в формировании системы мотивации злоумышленника — его решении совершить преступление под воздействием новшеств, вызванных автоматизированными системами информационной обработки. Взаимообусловленность качественно новой общественной среды, а также социального контроля и личностных качеств злоумышленника формируют специфику причинной системы детерминации подобной преступности.

Минаевым В. А. и Курушиным В. Д. выделен ряд причин компьютерной преступности, а именно:

- несовершенства в юридических, политических и общественных структурах, отстающих от современного уровня телекоммуникационных и компьютерных систем;
- уязвимость компьютерных систем;
- рост зависимости новых технологий от телесвязи и компьютерных систем;
- дефицит ответственности (большинство факторов компьютерной преступности — следствия недостаточной защиты информации. Соответственно, есть необходимость в информировании социума о важности реализации эффективных мер безопасности вследствие высокой степени уязвимости современных компьютерных систем);
- острота проблемы для развивающихся и развитых стран (развивающимся державам с целью минимизации технологического отставания необходимо сконцентрировать усилия на повсеместном внедрении новых технологий, хотя это и взаимосвязано с потенциальной уязвимостью и огромными расходами на начальном этапе);
- несовершенства законодательства, взаимосвязанные с недостатком составов преступных деяний или со сложностью

норм, значительно ограничивает действия органов правовой охраны;

- рассогласованность национальных и международных нормативно-правовых актов;
- низкий уровень эффективности дополняющего уголовное гражданское законодательства;
- недостаток наднациональных соглашений в отношении процедурных аспектов, препятствующий эффективной работе уголовной юстиции;
- поставщики, обслуживающие компании и кадры телекоммуникационной и компьютерной отраслей не всегда несут полную ответственность перед пользователями;
- далеко не всегда в ходе реализации технологических новшеств соблюдаются права граждан, распространены нарушения правовых и этических концептов;
- пользователи систем обработки и передачи информации и в государственном, и в частном секторах бдительности в вопросе соблюдения правил информационной безопасности не проявляют;
- международная система стандартов информационной безопасности, связи и компьютерной техники за актуальными требованиями не успевает.

Подчеркивая криминогенность факторов, приходим к следующему выводу: они не выступают причинами преступных действий. Данные факторы влияют на общество, но далеко не каждый человек совершает преступные деяния.

Мы придерживаемся теории деформации сознания, обусловленной индивидуальной системой факторов, которая вызывает различные формы преступного поведения.

Ч. Беккариа [3] писал, что эффективный метод для минимизации преступлений состоит не в строгости наказания, а в бдительности власти за счет неотвратимости наказания. Вместе с тем, крайне высокая степень латентности преступных деяний в компьютерной среде служит прямым доказательством безнаказанности их совершивших лиц.

Низкая степень спецподготовки в правоохранительных органах, в сочетании с их низкой активностью в противостоянии компьютерным преступлениям, игнорирование руководством социальной опасности этой группы преступлений у людей с нестабильным уровнем правосознания вызывают чувство полной безнаказанности [4].

Веховым В. Б. [5] выделены ключевые условия, вызывающие совершение преступлений в компьютерной среде, а именно:

- дефицит контроля обслуживающего персонала (преступник применяют ЭВМ как инструмент совершения преступления);
- бесконтрольный доступ к клавиатуре (пульту управления) компьютера, применяемого автономно или в роли рабочей станции в сети для передачи информации из бухгалтерской документации дистанционно;
- крайне низкий уровень развития ПО, у которого нет обеспечивающей проверку правильности информации защиты;
- отсутствие лица, ответственного за конфиденциальность и безопасность коммерческой информации;

— отсутствие официальных договорных отношений с персоналом о неразглашении персональных данных, служебной тайны и другой подобной информации;

— недостатки парольной защиты от незаконного доступа, ее ПО, не гарантирующая достоверность при идентификации пользователей;

— отсутствие категоричности при допуске персонала к закрытой финансовой отчетности.

Необходимо выделить, что благоспособствующие совершению преступных деяний условия, главным образом, создают потерпевшие самостоятельно, проявляя неосмотрительность от потерпевших, которые без защиты информации могут допустить посторонних лиц к информационным системам.

Обычно используемое ПО не отличается высоким уровнем защиты от противоправного доступа. Именно это позволяет использовать полученные данные в незаконных целях.

Однако, Бессонов В. А. [6] пишет о том, что около 17% респондентов считают, что совершение компьютерных преступных деяний возможно и без ошибок потерпевших.

На основании его исследований, у данные в чужих компьютерах у 82,3% опрошенных вызывает любопытство. Следовательно, навряд ли мы согласимся с предложением автора ввести категорию «виктимность компьютера».

Под виктимностью следует понимать личностную характеристику, присущую исключительно людям. Мы можем говорить о виктимности собственника компьютера, но не о виктимности данных в нем. Последний Компьютер является только предметом, привлекательным для злоумышленников.

Одними из ключевых в системе причин компьютерной преступной деятельности являются экономические факторы. Изучая причины совершения указанных в ст. 272 УК РФ преступлений, суды отмечают многократное превышение цены лицензионного ПО над ценой контрафакта, чем обусловлен повышенный спрос на последний. Граждане, привлеченные к ответственности, как правило, признаются в том, что скачивали материалы из сети.

Опросы специалистов говорят о значительных трудностях, в которых сталкиваются государственные органы при противостоянии преступным деяниям, совершенным с внедрением информационных технологий и компьютерной техники.

Данные сложности обусловлены механизмом доказывания преступного мотива, недостатками обеспечения процедуры расследования подобных преступлений, что вызывает облегчающие совершение преступлений предпосылки. Нередко подобны преступления остаются и вовсе безнаказанными.

Литература:

1. Криминология / под ред. В. Н. Бурлакова. СПб., 2004. С. 85.
2. Долгова А. И. Криминология. М., 2002. С. 684.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 123.
4. Иванова И. Милиция с литерой «Р» // Милиция. 1999. №7. С. 17.
5. Вехов В. Б. Компьютерные преступления: Способы совершения, методики расследования. М., 1996. С. 114.
6. Бессонов В. А. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации. Н. Новгород, 2000. С. 122.

К вопросу о правомерности вменения совокупности преступлений, предусмотренных статьями 199 и 327 Уголовного кодекса РФ, в случае подделки счетов-фактур налогоплательщиком.

Бакланов Алексей Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Пережогина Галина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает несколько составов налоговых преступлений, посредством которых обеспечивает налоговая (финансовая) безопасность:

А) статья 198 Уголовного кодекса Российской Федерации — «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица»;

Б) статья 199 Уголовного кодекса Российской Федерации — «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации»

В) статья 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации — «Неисполнение обязанностей налогового агента»

Г) статья 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации — «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов».

Подделка документов финансовой (бухгалтерской, налоговой) отчетности является одним из распространенных способов совершения налоговых преступлений, посредством которых лицо занижает объем своих налоговых обязанностей, занижает полученные доходы либо завышает понесенные расходы (это обуславливает уменьшение налоговой базы по на-

логу на добавленную стоимость и по налогу на прибыль организаций соответственно).

Обратимся к вопросу привлечения лица к уголовной ответственности за налоговые преступления, выражающиеся в уклонении от уплаты налогов посредством подделки документов.

Уголовное законодательство рассматривает как самостоятельный состав преступления деяния, выражающиеся в подделке официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования.

При этом указанный способ совершения налогового преступления может образовывать совокупность преступлений, включая дополнительную квалификацию деяния по статье 327 Уголовного кодекса Российской Федерации. На практике встречаются случаи привлечения законного представителя организации к ответственности по статьям 199 и 327 Уголовного кодекса Российской Федерации за уклонение от уплаты налогов посредством представления в налоговый орган поддельных счетов-фактур и (или) иных документов бухгалтерской и (или) налоговой отчетности (в которых завышаются расходы налогоплательщика в целях уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль или в иных интересах) [6] [7].

Если обратиться к диспозиции статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации, то обнаруживается существенный признак уголовной ответственности по указанному составу преступления, требующий совершения действий по подделке в отношении официального документа. В этой связи для определения пределов уголовной ответственности необходимо дать исчерпывающее определение понятия официального документа.

Возможность привлечения лица к уголовной ответственности по вышеупомянутой совокупности преступлений вызывает обоснованные сомнения и требует анализа законодательных положений.

В соответствии с законодательством официальным документом признается документ, принятый органами законодательной, исполнительной и судебной власти, носящий обязательный, рекомендательный или информационный характер. Такой документ должен обладать присвоенными ему идентифицирующими реквизитами, в том числе печатью уполномоченного органа власти, составившего указанный документ [1].

Налоговый кодекс определяет счет-фактуру как документ, служащий основанием для принятия покупателем предъявленных продавцом товаров (работ, услуг), имущественных прав сумм налога к вычету в порядке, предусмотренном главой 21 настоящего Кодекса [2].

Правительством определены формы счетов-фактур и порядок их заполнения, что, однако, не подменяет собой того факта, что составителем данного документа являются сами хозяйствующие субъекты [3].

Сопоставляя вышеприведенные признаки официального документа с теми свойствами, которыми обладает счет-фактура, обнаруживаются следующие различия, существенные с точки зрения определения пределов уголовной ответственности:

– во-первых, счет-фактура составляется непосредственно хозяйствующими субъектами в рамках возникающих между ними гражданско-правовых отношений по движению (возмездному обороту) товаров, работ и услуг;

– во-вторых, действующее законодательство не обязывает налогоплательщика проставлять печать на счете-фактуре;

– в-третьих, счет-фактура не может носить обязательный характер в отношении третьих лиц — по итогам составления и подписания указанного документа одна из сторон приобретает обязательство по уплате согласованной в документе стоимости, невозможно говорить о предоставлении налогоплательщику по счету-фактуре каких-либо прав или льгот (освобождений от обязанностей), представляющих налоговое-правовое значение — счет-фактура как документ бухгалтерского (налогового) учета лишь удостоверяет события либо факты, имеющие юридическое значение и влекущие определенные юридические последствия сторон конкретного (вне)договорного правоотношения.

В ситуациях использования счета-фактуры в качестве предмета подделки и последующего его отражения в бухгалтерском и налоговом учете, дальнейшее уклонение от уплаты налогов посредством применения такого счета-фактуры не должно подразумевать возможность дополнительной квалификации деяния по части 1 статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Многочисленные исследователи подвергают сомнению обоснованность иного рода действий правоохранительных органов, когда действия лица включают дополнительную квалификацию по составу подделки официальных документов. Вероятно, в своих действиях они опираются на правовую позицию Верховного Суда, согласной которой «хищение чужого имущества или приобретение права на него, совершенные с использованием подделанного лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и соответствующей частью статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» [4].

Подобные разъяснения, как представляется с опорой на предшествующие доводы, не соответствуют отдельным положениям законодательства в той части, в которой определены признаки официального документа (которым — было нами указано — счет-фактура не соответствует), а также затрагивают вопросы квалификации преступных деяний против собственности, к которым относить налоговые преступления нелогично ввиду различия объектов уголовно-правовой охраны и правовой природы обязательных платежей. Обязательства налогового характера возникают исключительно из публичного (императивного) требования и не основываются на положениях права собственности и иных вещных прав лиц в отношении имущества, тогда как уголовная ответственность за преступления против собственности (мошенничество, присвоение, растрата и иные) строится совершенно иначе и в рамках уголовных дел по названным преступлениям в том числе устанавливается принадлежность имущества и характер его неправомерного перехода к виновному лицу. Повторно укажем, что, поскольку счет-фактура не отвечает признакам официального документа, привлечение лица, уклоняющегося от уплаты налогов при помощи такого поддельного (неофициального) документа, к ответственности по статье 327 Уголовного кодекса Российской Федерации неправомерно ввиду отсутствия события

преступления (подделки именно документа, в соответствии с законодательством считающегося «официальным»).

В этом смысле также необоснованным и противоречащим действующему законодательству представляется подход Судебной коллегии по уголовным делам, согласно которому «Для квалификации действий виновного лица по ст. 327 ч. 1 УК РФ не имеет значения, кем выдан официальный документ: государственным либо общественным учреждением или юридическим и физическим лицом» [5]. Толкование понятия официального документа в смысле, прямо противоречащем ранее принятому нормативно-правовому акту, не соответствует требованиям законности и определенности. Однако, поскольку подобная позиция сформулирована высшей судебной инстанцией страны, существуют значительные риски налогоплательщиков, в отношении которых возбуждены и рассматриваются дела о налоговых преступлениях, поскольку велика вероятность формирования судами своей позиции, исходя из доводов Верховного Суда.

Из всего вышеуказанного следует насущная необходимость проведения высшими судебными инстанциями разъяс-

нительной работы по данному вопросу и формирование иных правовых позиций, чем ранее представленные. Одновременное вменение по совокупности составов статей 199 и 327 Уголовного кодекса Российской Федерации необоснованно и неправомерно, поскольку счет-фактура не может быть признан официальным документом по действующему российскому законодательству. Содержательно же подделка счетов-фактур и (или) данных, содержащихся в них, соответствует способу совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации («уклонение от уплаты налогов, сборов... путем включения в налоговую декларацию (расчет) и иные документы, обязательные к представлению, заведомо ложных сведений»), и потому не требует дополнительной квалификации. Подобное будет правомерно и обоснованно лишь в тех случаях, когда налогоплательщиком будет подделан официальный документ органа власти, составление которого не является полномочием налогоплательщика и который предоставляет ему соответствующие налоговые преференции.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», дата обращения: 26.12.2022
2. Пункт 1 статьи 169 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», дата обращения: 26.12.2022.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2011 № 1137 «О формах и правилах заполнения (ведения) документов, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость»
4. Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», дата обращения: 26.12.2022
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2006 по делу № 44-о06-111 // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», дата обращения: 26.12.2022.
6. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска от 01.02.2019 по делу № 1-36/2019 (1-957/2018) // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», дата обращения: 26.12.2022.
7. Определение Верховного Суда РФ от 15.12.2010 № 7-Д10-5 // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», дата обращения: 26.12.2022
8. Пепеляев С. Г., Зарипов В. М., Кравчинский Л. В., Кошкин М. Г. Ответственность за налоговые преступления: официальные разъяснения и профессиональный комментарий (под ред. к. ю. н. С. Г. Пепеляева) // М.: Юстицинформ. 2021. 148 с.

Участие иностранных граждан в российском уголовном процессе

Беляев Илья Романович, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Количество преступлений, совершенных в Российской Федерации иностранными гражданами, в последнее время возросло. Так, согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2021 год иностранцами и апатридами было совершено 36420 преступлений, что на 5,9% больше, чем в 2020 году и составляет 3,5% от общего числа преступлений, совершенных в 2021 году [1]. Также в отношении самих иностранных граждан было совершено около 16 тысяч

преступлений [1]. Таким образом, исследование проблем уголовно-процессуального характера, связанных с привлечением иностранцев к уголовной ответственности, является актуальным.

Одним из принципов уголовного процесса в Российской Федерации является принцип государственного языка судопроизводства [2, с. 279]. Он определяет, на каком языке ведется производство по уголовному делу: на государственном языке Российской Федерации или на государственном языке респу-

блики, если соответствующий суд находится на ее территории. В большинстве случаев процесс ведется именно на русском языке, что позволяет обеспечить «единство судебной системы и судебной практики» [2, с. 279]. Для того, чтобы доступ к правосудию имели лица, не владеющие русским языком, в законодательстве предусмотрен ряд институтов.

Часть 2 статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) даёт участнику уголовного производства, не владеющему русским языком, возможность делать любые заявления (в том числе, устные в ходе судебного разбирательства) и знакомиться с материалами уголовного дела на собственном языке, а также бесплатно пользоваться услугами переводчика [3]. Именно институт привлечения переводчика в процесс является наиболее интересным в контексте участия иностранцев в уголовном процессе, а потому данному институту уделяется основное внимание в настоящей работе.

Участие переводчика в уголовном процессе сопряжено с рядом проблем.

В УПК РФ переводчику посвящена статья 59. Единственное требование (не считая обязанностей переводчика) к лицу — «свободное владение языком». При этом, никаких уточняющих критериев свободного владения закон не вводит. Похоже, эти критерии остается формировать на стадии предварительного расследования следователю (или дознавателю), которому в соответствии со статьей 169 УПК РФ надлежит «удостовериться в компетентности» переводчика. Но как быть, если следователь сам не владеет иностранным языком (вероятнее всего, так и будет) и не может оценить уровень знаний переводчика?

На наш взгляд, очевидным решением является закрепление в УПК РФ требования о наличии у переводчика диплома, сертификата или иного документа, удостоверяющего владение нужным языком. Здесь представляется дискуссионным вопрос об «уровне» документа — нужен ли «полноценный» диплом о высшем образовании или достаточно языкового сертификата? Нам представляется, что второй вариант более предпочтителен. Например, международные системы оценки знания английского языка (IELTS, TOEFL) позволяют сделать вывод о наличии достаточных навыков. Собственные российские стандарты также разрабатываются, например, НИУ ВШЭ [4]. Стоит добавить, что возлагать на следователя (дознавателя) бремя оценивания подлинности сертификата и его толкования кажется избыточным, в качестве альтернативы мыслимо ведение специального реестра по субъектам РФ региональными Управлениями Министерства Юстиции Российской Федерации. Тем не менее, подобная система трудно применима, когда иностранец владеет только редким языком — авторитетных систем оценки знания нет, да и хоть какое-нибудь лицо, владеющее языком, отыскать очень сложно. Одно дело, если подобный переводчик нужен в Москве — можно было бы обратиться, например, в МГИМО, а как быть следователю или суду в отдаленном регионе?

В поисках ответа на второй вопрос можно рассмотреть другой вариант подбора переводчика, изменив УПК РФ и переложив бремя выбора со следователя или суда на подозреваемого, как предлагается в ряде работ [5, с. 200] [6, с. 151]. Авторы в обоснование такого предложения отмечают, что лицо «должно свободно общаться с переводчиком на языке, которым оно владеет» [6, с. 151]. Нам такое предложение кажется несостоятельным.

Во-первых, для подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) искать переводчика практически невозможно. Одно дело, если речь идет о гражданине России, который по какой-то причине не владеет русским языком — предполагается, что он всё же какое-то время проживает в России, имеет социальные связи, которые позволили бы ему найти себе переводчика. А вот что в такой ситуации делать впервые оказавшемуся в России иностранному гражданину — неясно. Очевидно, бремя поиска перейдет на защитника, который вместо того, чтобы тратить время на юридическую работу (для которой он, собственно, нужен), отправится искать переводчика.

Во-вторых, если переводчика будет выбирать сам подозреваемый (обвиняемый, подсудимый), может быть нарушено такое требование к переводчику, выводимое из статей 61 и 69 УПК РФ, как его незаинтересованность в исходе дела. Очевидно, что при самостоятельном выборе переводчика подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) отдаст предпочтение потенциально наиболее лояльному.

Еще одна тема для дискуссии — наличие или отсутствие необходимости для переводчика быть компетентным по вопросам права — уголовного, уголовно-процессуального и т.д. В пользу необходимости таких навыков свидетельствует то, что большое количество юридической терминологии в материалах уголовного дела, выступлении обвинителя в суде и т.д. просто не может быть корректно пересказано переводчиком без соответствующих навыков. Тем не менее, на мой взгляд, требование к переводчику знать право слишком избыточно и необоснованно, поскольку он является вспомогательным участником процесса наравне со специалистом и экспертом, к которым подобные требования не предъявляются. Опытный переводчик, неоднократно участвовавший в судебных процессах, сам по себе будет помнить процедуру, больших знаний о праве от него требовать не стоит. Что касается аргумента о переводе юридической терминологии, в крайнем случае, достаточно было бы требования о наличии языкового сертификата — например, о знании юридического английского языка.

Разумеется, существуют иные проблемы, связанные с участием иностранцев в уголовном процессе в России. Так, отдельные проблемы есть в реализации норм части 5 УПК РФ о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства, в частности, о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

Одной из таких проблем является длительное нахождение под стражей лица, в отношении которого между Россией и иностранным государством было достигнуто соглашение о выдаче. В практике есть случаи, когда такие лица находятся под стражей больше полугода [7, с. 206], а запрашивающее государство объясняет задержку нехваткой средств на снаряжение железнодорожного вагона (или иного транспортного средства для перевозки лица), формирование конвоя и т.д. При этом Российская Федерация продолжает нести расходы на содержание этих лиц под стражей. В качестве решения предлагается расширить соответствующие полномочия Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН), обеспечить возможность самостоятельной транспортировки ФСИН лица, подлежащего экстрадиции, в государство назначения, а также разработать

механизм взыскания денежных средств с принимающего государства в качестве компенсации расходов, которые Российская Федерация понесла, осуществляя транспортировку [7, с. 206].

Таким образом, по итогам исследования участия иностранцев в уголовном процессе в Российской Федерации нами сделан ряд выводов:

1) Регулирование участия переводчика в уголовном процессе в УПК РФ является недостаточным. Закон необходимо расширить требованиями к уровню профессиональных навыков переводчика, создать механизм проверки навыков.

2) При этом привлечение к переводу людей исключительно с лингвистическим высшим образованием избыточно, уровень знаний достаточно подтвердить сертификатами.

3) Подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не должен сам выбирать себе переводчика, иначе есть вероятность, что последний будет ангажирован. Вместе с тем, следователь или суд должен удостовериться, что подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) может взаимодействовать с переводчиком.

4) Переводчик не обязан разбираться в вопросах уголовного, уголовно-процессуального или любого другого права, однако понимание им основной юридической терминологии крайне желательно.

5) Нормы УПК РФ об уголовно-процессуальном сотрудничестве с другими странами должны быть значительно переработаны, особенно остро в изменениях нуждается институт выдачи (экстрадиции).

Литература:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года // Сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> Просмотрено: 31.05.2022.
2. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017. 1280 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Российская газета», N249, 22.12.2001 (первоначальный текст).
4. НИУ ВШЭ переходит на собственную модель независимого экзамена по английскому языку // Сайт НИУ ВШЭ. 17 мая 2022. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/624027604.html> Просмотрено: 02.02.2023.
5. Гриненко А. В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях уголовного процесса: Дис... д-ра юрид. наук. — Воронеж, 2001. — 465 с.
6. Ишмухаметов Я. М. Требования, предъявляемые к переводчику в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2006. № 5 (60). — С. 150–152.
7. Шестакова Т. Д. Об участии иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 205–207.

Правовое регулирование деятельности мировых судов Республики Тыва: проблемы и решения

Биче-оол Виктория Белековна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Монгуш Азияна Сарыг-ооловна, кандидат юридических наук, доцент
 Тувинский государственный университет (г. Кызыл)

В указанной статье представлено правовое регулирование деятельности мировых судов Республики Тыва, изучены проблемные вопросы и предложены их решения.

Ключевые слова: Республика Тыва, мировые судьи, нормативно-правовые акты, проблемы, решения.

Legal regulation of the activities of magistrates courts of the Republic Tyva: problems and solutions

This article presents the legal regulation of the activity of the magistrates' courts of the Republic of Tyva, examines problematic issues and suggests their solutions.

Keywords: Republic of Tyva, justices of the peace, regulations, problems, solutions.

В настоящее время основные положения судебной власти в Республике Тыва отражены в нормах глава XI Конституции Республики Тыва [2]:

- органы правосудия (ст. 115);
- судебная система (ст. 116);
- самостоятельность судов и независимость судей (ст. 117);

- разбирательство в судах (ст. 118);
- мировой судья (ст. 120).

Указом Главы Республики Тыва от 21 сентября 2022 года № 280 «Об утверждении структуры Министерства юстиции Республики Тыва» [4] штат Министерства юстиции РТ составляет 130 единиц, их них:

- 54 мировых судей; 26 помощника мирового судьи; 26 секретарей судебного заседания; 2 секретаря суда.

В своей деятельности мировые судьи Республики Тыва руководствуются следующими нормативно-правовыми актами:

- Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями от 01 июля 2020 года);
- Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (редакция от 16.04.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023 года);
- Федеральный закон от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (редакция от 01 июля 2021 года);
- Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в РФ» (редакция от 19.12.2022 года);
- Конституция Республики Тыва (принята Референдумом Республики Тыва 6 мая 2001 г.) (редакция от 12 апреля 2019 года);
- Закон Республики Тыва от 4 ноября 1999 года № 363 «О мировых судьях Республики Тыва» (редакция от 10 ноября 2021 года);
- Закон Республики Тыва от 16 ноября 2020 года № 642-ЗРТ «О судебных участках и должностях мировых судей Республики Тыва»
- Закон Республики Тыва от 08 декабря 2022 года № 874-ЗРТ «О внесении изменений в Закон Республики Тыва »О судебных участках и должностях мировых судей Республики Тыва (принят Верховным Хуралом (парламентом) Республики Тыва 30 ноября 2022 года);
- и др.

Так, в соответствии со ст. 120 «Мировой судья» Конституции РТ [2]:

- мировой судья в пределах своей компетенции рассматривает гражданские, административные и уголовные дела;
- полномочия и порядок деятельности мирового судьи устанавливаются федеральным законом и конституционным законом Республики Тыва.

Правовое регулирование деятельности мировых судов Республики Тыва имеет проблемы по вопросам обозначения территории соответствующего судебного участка, поскольку на постоянной основе строятся жилые дома и принимаются в эксплуатацию и изменяются размеры участков, находящиеся на новых площадях, улицах и переулках.

Решение проблем правового характера, то есть законодательного закрепления положений мировых судов, автором видится в следующем:

- проверка издаваемых законов Республики Тыва относительно мировых судов Республики, и внесение правовых предложений по их устранению, то есть законодательно закрепить необходимые изменения.

Например, внести в Закон Республики Тыва от 16 ноября 2020 года № 642-ЗРТ «О судебных участках и должностях мировых судей Республики Тыва» следующие изменения:

- 1) статью 1 дополнить частью 3 следующего содержания:

«3. В границы судебного участка включаются также примыкающие к жилым домам территории, на которых расположены коммерческие и некоммерческие организации, объекты строительства, площади, сады, парки, скверы, учебные заведения, дороги, мосты, леса, поля, водоемы, реки, иные объекты и территории.

Жилые дома, построенные и принятые в эксплуатацию после вступления в силу настоящего Закона и находящиеся на указанных площадях, улицах и переулках, относятся к территории соответствующего судебного участка»;

- 2) в приложении 1 [3]:

а) в позиции «Судебный участок № 1» после слова «Красноармейская» слова «(четная сторона)» исключить;

б) в позиции «Судебный участок № 3» слова «Заводская», «Пальмбаха» исключить;

в) позицию «Судебный участок № 4» после слов «Ооржака Лопсанчапа» дополнить словами «(четная сторона)»;

г) в позиции «Судебный участок № 5» слова «Баян-Кольская», «Шагонарская» исключить;

д) позицию «Судебный участок № 7» после слов «Оюна Курседи» дополнить словами «Ооржака Лопсанчапа (нечетная сторона)»;

е) позицию «Судебный участок № 8» дополнить словами «, автодорога Кызыл — Эрзин от 5-го до 9-го км»;

3) в позиции «Судебный участок № 2 Улуг-Хемского» приложения 2 слова «с. Эйлиг-Хем» заменить словами «с. Иштии-Хем».

Кроме того, необходимо законодательно обеспечить достойный уровень гарантий и оплаты труда мировых судей Республики Тыва, а также формирование профессионального судебного корпуса.

Одним из ключевых механизмов, обеспечивающих эффективность мировых судов Республики Тыва, является прозрачная, публичная и понятная процедура отбора судей. Служебный рост мировых судей должен зависеть от их личных заслуг и базироваться на квалификации, моральных качествах и эффективности работы.

Приведем пример. Донгак А. А. Постановлением Верховного Хурала (парламента) РТ от 30 ноября 2022 года № 1665 ПВХ-III назначен на должность мирового судьи судебного участка Тандинского кожууна Республики Тыва сроком на 3 года.

С 2007 по 2012 год Донгак А. А. работал в Кызылском городском суде на должности ведущего специалиста отдела кадров, далее начальником отдела государственной службы и организационного обеспечения, а с 2012 года был помощником председателя Кызылского городского суда [5].

В подтверждение сказанному отметить, что от эффективной и справедливой процедуры исполнения судебных решений зависят законность, доверие общества к судам и авторитетность судебной власти.

Мировые суды Республики Тыва сталкиваются с попытками оказать на них давление вопреки действующим законам и положениям Конституции РФ и РТ, как со стороны исполнительной власти, так и законодательной.

Исполнительная власть часто предпринимает попытки сокращения финансирования судебной системы в целом, так и отдельных статей денежного содержания мировых судей.

Так, известны случаи, когда мировые судьи некоторых кожуунов Республики Тыва были вынуждены за свой счет покупать бумагу, канцелярские товары, а такие ситуации абсолютно неприемлемы.

Решение проблем финансового обеспечения мировых судей Республики Тыва в следующем:

— подготовить и направить на принятие законопроект в Верховный Хурал РТ с целью согласования с Правительством РТ о своевременном и достаточном финансировании мировых судов Республики Тыва.

Вышеизложенный обзор рекомендуемых мероприятий или задач мировых судов Республики Тыва завершим выводом о том, что в этом массиве новых задач важно помнить о том, что любые нововведения, действия по развитию мировых судов Республики Тыва должны полностью отвечать базовым принципам правосудия.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (редакция от 01 июля 2021 г.) / Российская Федерация. Законы.— Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 21.11.2022).— Текст: электронный.
2. Российская Федерация. Конституция (2001). Конституция Республики Тыва: принята Референдумом Республики Тыва 6 мая 2001 г. (редакция от 12 апреля 2019 г.) / Российская Федерация. Конституция.— Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 21.01.2023).— Текст: электронный.
3. Российская Федерация. О судебных участках и должностях мировых судей Республики Тыва: Закон Республики Тыва от 16 ноября 2020 года № 642-ЗРТ / Российская Федерация. Законы.— Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 17.10.2023).— Текст: электронный.
4. Российская Федерация. Указ. Об утверждении структуры Министерства юстиции Республики Тыва: Указ Главы Республики Тыва от 21 сентября 2022 года № 280 / Российская Федерация. Указ.— Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 21.01.2023).— Текст: электронный.
5. Кадры: сайт // Управление Судебного департамента в Республике Тыва // http://usd.tva.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1247 (Дата обращения — 12.01.2023).

Исторические этапы становления мировых судов в России

Биче-оол Виктория Белековна, студент магистратуры

Научный руководитель: Монгуш Азияна Сарыг-ооловна, кандидат юридических наук, доцент
Тувинский государственный университет (г. Кызыл)

В указанной статье представлена история становления мировых судов в России, изучены этапы становления мировых судов.

Ключевые слова: история, мировые суды в России, судебная реформа, Конституция Российской Федерации

Historical stages in the formation of world courts in Russia

This article presents the history of the formation of magistrates' courts in Russia, the stages of the formation of magistrates' courts are studied.

Keywords: history, magistrates' courts in Russia, judicial reform, Constitution of the Russian Federation

Судебная власть в России имеет богатую историю своего развития.

В Киевской Руси, далее в Московской Руси функцию правосудия осуществлял князь, в Новгородской республике — вече. Как отмечает В. М. Гессен [4], особенностью того времени является совмещение в одном лице административных полномочий и властных судебных приказов.

Представим исторические этапы становления мировых судов в России:

Первый этап. В 1713 году в губерниях был учрежден институт профессиональных судей, а также созданы Сенат и Военный суд, надворные и городские суды, независимые от воевод и губернаторов. В общих чертах первые мировые суды стали появляться при Петре I: были образованы в 1719–1720 годах такие суды, как надворные, провинциальные и городские.

По мнению Л. А. Воскобитовой [5], первое более существенное развитие судебной системы было осуществлено при императрице Екатерине II — Судебная реформа 1775 года, при

которой для дворян был суд, для горожан — магистрат, а для крестьян — расправа. При этом аналогом мировых судов считались суды в уезде:

— нижний земский суд, уездный магистрат и нижняя расправа. По нашему мнению, созданная Екатериной II уникальной для своего времени система судебной власти существовала более 100 лет.

Второй этап.

До 1861 года помещик мог осуществлять суд над крепостными, которые проживали на его земле, поскольку имел вотчинные права.

Далее в 1861–1899 годах судебная реформа проводилась императором Александром II. Так, судебная реформа изложена была в 1861–1863 годах, утверждена в 1864 году и проведена в 1866–1899 годах — «Судебный устав».

Как отмечает М.Г. Коротких [6], мировые судьи в 1866–1899 годах рассматривали гражданские иски на сумму не свыше 500 рублей.

Иски были связаны с личными обидами и оскорблениями, с восстановлением нарушенного владения, с проступками. Наказание — выговор и штраф на сумму до 300 рублей, арест до 3-х месяцев, заключение до одного года. Иными словами, основные уголовные дела, попадавшими к мировым судьям, это были кражи.

Важно отметить, что «мировой судья — единоличная власть», которая была выборной на 3 года (избирались в земских избирательных собраниях: например, в Санкт-Петербурге и Москве городскими думами), что отличало их от коронных судей. Мировой судья — это участковый судья, поскольку его полномочия распространялись на вверенный участок.

Были еще и «почетные мировые судьи», служившие без жалования, так как были внештатные. Иными словами, они не имели своего непосредственного участка, а были прикреплены к мировому округу, совпадавшему с его уездом. К почетным мировым судьям обращались добровольно, при этом они не рассматривали уголовные дела.

Кроме того, почетные мировые судьи активно участвовали в различных заседаниях мировых съездов. Также кроме мировых судей и почетных мировых судей, действовали выборные и дополнительно оплачиваемые мировые судьи, так называемые «добавочные», которые замещали участковых судей в случае их непосредственного отъезда куда-либо или же болезни.

Интересен тот факт, что мировым судьей мог стать только мужчина и обязательно подданный Российского государства до 25 лет и имеющий специализированное образование.

Третий этап.

С первой октябрьской революции 1917 года по 1925 год судебная система фактически претерпела существенные изменения.

Так, на основании положения Декрета СНК РСФСР от 24 ноября 1917 года «О суде» вместо мировых судов в судебной системе страны появились местные суды. Иными словами, Декрет «О суде» 1917 года [3]:

— приостановил действия существующего института мировых судей;

— местные судьи рассматривали гражданские дела до 3000 рублей и уголовные дела, предусматривающие лишения

свободы не более 2 лет. Местные судьи при этом избирались прямыми выборами, а прежние мировые судьи в принципе не были лишены права избираться на данные должности.

После издания декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 года «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и постановления ВЦИК от 10 июля 1923 года «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР»:

— были учреждены Народные суды.

В их компетенцию переданы были:

— все уголовные дела;

— споры об личных и имущественных правах и интересах;

— дела бесспорного производства, где требуется для определенного учреждения Республики или лица, установление факта или же события.

Также отметим, что гражданским процессуальным кодексом РСФСР фактически устанавливалась единая судебная система, состоящая из Народного Суда, Губернского Суда и Верховного Суда, то есть прообраз современной судебной системы судов общей юрисдикции.

Четвертый этап.

В 1930–1953 годах подсудимые лишались возможности защищаться от предъявленных им обвинений, то есть фактически не могли обжаловать приговоры и иметь защитников. Так, например, с началом Великой Отечественной войны, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 была «О военном положении» деятельность судебных органов перестроена в местах, где было объявлено военное положение, то есть это были дела о преступлениях [7]:

— против обороны страны, общественного порядка и государственной безопасности, а также против шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников и т.д.

Таким образом, дела передавались на рассмотрение военно-полевых судов (военных трибуналов), а приговоры утверждались командиром дивизии и приводились в исполнение немедленно.

По нашему мнению, система юстиции вполне соответствовала своему времени, политической ситуации в стране и в целом в мире.

Пятый этап.

И только принятие в 1992 году Конституции Российской Федерации послужило завершению работы над многими важными проектами, в число которых входили разнообразные кодексы и законы, направленные на проведение реорганизации судебной системы.

В настоящее время Конституция Российской Федерации 2020 года воплотила в себе такие выработанные веками ценности, как положение о справедливом социальном и правовом государстве, разделении властей и верховенстве закона. Так, статья 118 Конституции Российской Федерации гласит, что при осуществлении своих полномочий суды подчиняются только Конституции РФ и федеральным законам, в том числе Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Мировой судья — часть единой системы судов общей юрисдикции.

Термин «мировой судья» употребляется в Федеральном законе от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [2].

Так, в соответствии со статьей 1 указанного Закона:

— «Мировые судьи в РФ являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ и входят в единую судебную систему РФ.

Следовательно, полномочия, порядок деятельности и создания должностей мировых судей устанавливаются Консти-

туцией РФ, Законом о судебной системе РФ, иными федеральными конституционными законами, и другими федеральными законами, а порядок назначения и деятельности мировых судей устанавливается также законами субъектов РФ.

Из приведенного обзора следует вывод о том, что историческое развитие мировых судей России, начиная со времен Петра I (в 1719–1720 годах), привело к его более современному законодательному закреплению.

Литература:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года / Российская Федерация. Конституция (1993).— Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 08.11.2022). текст: электронный
2. Российская Федерация. Законы. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (редакция от 01 июля 2021 г.) / Российская Федерация. Законы.— Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 21.11.2022).— Текст: электронный.
3. Белковец, Л.П. История государства и права России. Учебное пособие 4 изд. // Л.П. Белковец, В.В. Белковец, М.: Юрист. 2021.— 328 с.— Текст: непосредственный.
4. Гессен В.М. Общее учение о государстве: Лекции, чит. в С.-Петербур. политехн. ин-те / В.М. Гессен.— СПб., 1912.— 190 с.— Текст: непосредственный.
5. Воскобитова Л.А. Судебная власть: возникновение, развитие, типология: учеб. пособие / Л.А. Воскобитова.— Ставрополь: Сев. Кав. ГТУ; СКСИ, 2001.— 128 с.— Текст: непосредственный.
6. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования) / М.Г. Коротких. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994.— 240 с.— Текст: непосредственный.
7. Христофоров, В.С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. / В.С. Христофоров.— М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2013.— 960 с.— Текст: непосредственный.

Основные отличия Федерального закона № 44-ФЗ от Федерального закона № 223-ФЗ

Брусенцева Василина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;

Яньков Даниил Романович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье авторы пытаются определить различия осуществления закупочной деятельности в соответствии с Федеральным законом о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее 44-ФЗ) и Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (далее 223-ФЗ). А также разобраться, какой закон наиболее прост для начинающих специалистов, собирающихся работать в направлении закупок.

Ключевые слова: связующее звено, электронный аукцион, закупка компаний, запрос котировок, запрос предложений, заказчик

Федеральные законы № 44-ФЗ и № 223-ФЗ — это единая законодательная база регулирования государственной контрактной системы.

Для начала выясним связующее звено 44-ФЗ и 223-ФЗ.

Федеральный закон № 223-ФЗ называется так: ««О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». А Федеральный закон № 44-ФЗ: «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Можно сделать вывод, что связующим звеном являются заказчики.

Рассмотрим заказчиков по 44-ФЗ:

- государственные внебюджетные фонды;
- бюджетные учреждения и унитарные предприятия;

- государственные и муниципальные органы власти;
- и др.

Следует отметить, что бюджетные учреждения и унитарные предприятия не могут провести закупки в соответствии с 223 Федеральным законом.

Рассмотрим заказчиков по 223-ФЗ:

- автономные учреждения;
- федеральные унитарные предприятия из перечня, которое утверждено Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2016 № 2931 в редакции от 30.09.2019.
- государственные компании;
- государственные корпорации;
- и др.

Участники и по 44-ФЗ, и по 223-ФЗ одинаковые: юридические, физические лица и ИП. Отличительной чертой является ограничение 44-ФЗ на запрет участвовать в закупках офшорным предприятиям, в 223-ФЗ таких ограничений нет. По мимо прочего, 223-ФЗ предусматривает возможность коллективного участия на стороне одного участника, что в 44-ФЗ не допускается.

Забегая вперед, коснемся темы практического применения этих двух Федеральных законов. Работа по 44-ФЗ легче. Например, в государственных закупках требования, условия и процедуры детально прописаны, и абсолютно равны для всех. Но при этом в законодательстве зачастую нет четких и однозначных позиций по многим вопросам, что осложняет работу в нем и увеличивает сроки подготовки соответствующего извещения на закупку.

Основная сложность в применении 223-ФЗ на практике заключается в том факте, что нужно обращаться к дополнительному постановлению. То есть основных положений данного ФЗ знать мало. Также при взаимодействии с каждым заказчиком предстоит изучение положений о закупке.

Способы закупочных процедур 44-ФЗ:

- электронный аукцион;
- запрос предложений;
- запрос котировок;
- открытый конкурс;
- аукцион в закрытой форме;
- конкурс с ограниченным участием;
- многоэтапный конкурс;
- закрытая форма конкурсов;

Литература:

1. Грачева, Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. Учебник / Е. Ю. Грачева. М.: Юриспруденция, 2000. 378 с.
2. Кичик, К. В. Государственный (муниципальный) заказ России. Правовые проблемы формирования, размещения и исполнения: монография / К. В. Кичик. М.: Юстициформ, 2012. 390 с.
3. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. 818 с.

- закрытый конкурс с ограничением участия;
- закупка у единственного поставщика;
- Способы закупочных процедур по 223-ФЗ:
- электронный аукцион;
- запрос предложений;
- запрос котировок;
- конкурс;

Если выявлены нарушения 223-ФЗ, то руководствуются статьей 18.1 Федерального закона «О защите конкуренций» от 26.07.2006 (№ 135-ФЗ).

По 44-ФЗ процедура обжалования регулируется органом Федеральной Антимонопольной службой России.

В обоих законах органом для подачи жалоб является ФАС. Главное отличие процедуры обжалований — это только то, что участник закупки по 223-ФЗ может направить жалобу в орган власти, подконтрольному заказчику.

Итак, какое же главное отличие этих двух законов друг от друга?

№ 44-ФЗ регулирует закупки компаний, которые принадлежат государству.

№ 223-ФЗ регулирует закупки компаний, которыми государство владеет лишь 50% и даже больше.

И как итог можно обозначить, что оба закона достаточно сложны и имеют ряд своих собственных особенностей, но при этом есть и схожие черты. Для начинающих специалистов несмотря на пробелы в 44-ФЗ, стоит начинать свою деятельности именно с него для наработки опыта ведения закупочной деятельности, а затем переходить в более обширный 223-ФЗ.

Использование результатов специальных психофизиологических исследований в процессе доказывания по уголовным делам

Бычкова Алина Вадимовна, студент

Научный руководитель: Новикова Марина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Курганский государственный университет

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы использования полиграфа в Российской Федерации в оперативно-розыскной деятельности и уголовном судопроизводстве. Целью статьи является выявление существующих проблем, противоречий, связанных с практическим применением результатов психофизиологических исследований в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическое исследование, опрос, уголовный процесс, правоохранительные органы.

Проблема выявления лжи в процессе расследования уголовных дел является актуальной во все времена. Особое место в борьбе с преступностью занимает возможность использования различных технических средств. Одним из таких средств является полиграф.

Полиграф представляет собой техническое средство, позволяющее отслеживать динамику психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы за счет перевода физиологических показателей активности дыхательной, сердечно-сосудистой системы, электрической ак-

тивности кожи и т.д. в электрические сигналы, отображаемые в виде графиков [5, с. 73–78].

На сегодняшний день можно выделить два направления практики применения полиграфа в правоохранительной деятельности: первое — при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и второе — в уголовном процессе в рамках проведения психофизиологической экспертизы.

Так, ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет перечень мероприятий, проводимых в рамках оперативно-розыскной деятельности. Одним из мероприятий является опрос с применением технических средств, к которым можно отнести и полиграф [2]. Основания и условия проведения опроса с применением полиграфа содержится в Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан, утвержденная приказом МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437. В соответствии с п. 1.5 указанной инструкцией данный вид опроса способствует: а) получению от опрашиваемого фактических данных, имеющих значение для своевременного проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, а также для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений;

б) осуществлению розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания, и без вести пропавших граждан;

в) оценке достоверности информации, сообщаемой опрашиваемым;

г) проверке опрашиваемого на причастность к подготавливаемым или совершенным противоправным деяниям [4].

Важно отметить, что согласно ст. 21 Конституции закрепила положение о добровольности прохождения исследования на полиграфе: «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». [1]. Таким образом, главной процедурной составляющей опроса с применением полиграфа является наличие согласия.

Как говорилось выше, еще одним направлением является психофизиологическая экспертиза. Правовую основу данных исследований составляет ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3]. В рамках производства экспертизы эксперт-полиграфолог обязан показать наличие или отсутствие в памяти человека идеальных следов каких-либо событий прошлого, т.е. наличие или отсутствие требуемой следствию или суду информации. Таким об-

разом, главная задача полиграфолога — установить, какая информация содержится в памяти человека.

В настоящее время в Российской Федерации результаты, полученные путем использования полиграфа, не используются в качестве доказательств. Это положение обусловлено рядом проблем.

Так, одной из основополагающих проблем является отсутствие квалифицированных кадров, экспертов-полиграфологов. Отсутствие единой методики обучения и жестких требований к оценке качества подготовки и переподготовки полиграфологов приводит к тому, что открываются многочисленные школы с экспресс-обучением, online-площадки, связанные с обучением, которые обещают освоение данной деятельности в течении 2-х дней. Такое «обучение» приводит к появлению неквалифицированных кадров, которые не имеют практического опыта, в следствии чего совершают ошибки при проведении как самого исследования, так и в оценке результатов от которых зависят в лучшем случае — карьера человека, в худшем — его свобода и жизнь.

Наличие множества различных методик психофизиологических исследований с применением полиграфа, отсутствием их систематизации и недостаточной проработанностью. Это ведет к возникновению вероятности некорректной трактовки показаний приборов, возможный субъективизм и как следствие сомнение в компетентности специалистов, использующих полиграф. Данные условия приводят к несовершенству в получении достоверной информации, и невозможности ее дальнейшего использования в уголовном судопроизводстве в качестве доказательства.

Для решения указанных проблем видится необходимым принятие единых требований к подготовке специалистов данного профиля. В 2015 году был подготовлен проект профессионального стандарта «Специалист по проведению психофизиологических исследований с применением полиграфа (полиграфолог)». В данном стандарте были указаны трудовые функции, часы подготовки, опыт и т.д., но принят он не был.

Таким образом, на сегодняшний день, информация, полученная при помощи полиграфа, является ориентирующей и служит для определения основных направлений расследования, выбрать верное направление расследования: проверить показания подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших; выявить из группы подозреваемых виновных лиц; прояснить неизвестные детали дела; проверить оперативно-розыскные и следственные версии.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) [Текст] // Собрание законодательства РФ. — 2014. — 04 августа. — № 31 — ст. 4398.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N144-ФЗ // Российская газета. — № 160. — 18.08.1995. — Текст: непосредственный.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 N73-ФЗ // Российская газета. — № 106. — 05.06.2001. — Текст: непосредственный.
4. Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан, утвержденная приказом МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437. — URL: <https://zakonbase.ru/content/part/294448> (Дата обращения: 15.09.2020). — Текст: электронный.
5. Борисова О. А., Болховитина С. Н. Проблемы правоприменения судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа/О. А. Борисова, С. Н. Болховитина// Вопросы экспертной практики. — 2019. -S1.-С. 73–78 — Текст: непосредственный.

Разумный срок уголовного судопроизводства как один из ключевых принципов его осуществления

Валовенко Милана Васильевна, студент
Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская обл.)

Уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] установлены основные положения осуществления досудебного и судебного разбирательства по уголовному делу.

Принципы уголовного судопроизводства — это наиболее значимые положения, существование которых обусловлено общемировой практикой и нормами международного права, которые определяют построение всех институтов уголовного процесса и обеспечивают достижение конкретных целей и задач, стоящих перед уголовным судопроизводством по конкретному уголовному делу.

Разумный срок уголовного судопроизводства как принцип был введен в УПК РФ Федеральным законом № 69-ФЗ [2] в 2010 году после ратификации Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3]. Данный международный акт в ч. 1 ст. 6 ссылается на осуществление справедливого и публичного разбирательства дела в разумный срок.

Научным сообществом, общественными деятелями и юридическим сообществом постоянно ведутся дискуссии о данном принципе судопроизводства, т.к. проблема его применения заключается в отсутствии конкретных сроков, а также нормативно закреплённого определения понятия. Роль и актуальность данного принципа производства по уголовным делам невозможно переоценить. Обратим внимание на рис. 1.

Согласно данным Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) — международного судебного органа, осуществляющего деятельность по разрешению споров о нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод — наибольшее число споров и вынесенных судом постановлений

и решений приходится именно на ст. 6 Конвенции, а именно 49 материалов по нарушению разумного срока гражданского процесса, 47 — уголовного (по данным организации РосЕвроСуд в 2022 году). Таким образом, делаем вывод о том, что данный принцип осуществления уголовного разбирательства является наиболее актуальным в сфере рассмотрения всех принципов. Обратим также внимание, что до 2022 года РФ принимались во внимание решения ЕСПЧ, однако в настоящее время к данной практике рассмотрения дел, в том числе уголовных, не прибегают ввиду мировой политической обстановки.

Ст. 6.1 УПК РФ нормативно не закрепляет понятие данного принципа, однако существует ссылка на норму, определяющую различные подходы к пониманию такого срока для разных участников уголовного судопроизводства, исходя из определенных обстоятельств (Таблица 1). Такими обстоятельствами могут являться:

- своевременность обращения потерпевшего или иного заинтересованного лица;
- правовая и фактическая сложность материалов, подлежащих проверке;
- поведение участников разбирательства;
- достаточность и эффективность органов, осуществляющих судопроизводство;
- общая продолжительность разбирательства.

Однако обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства (ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ).



Рис. 1. Постановления и Решения ЕСПЧ по статьям Конвенции по правам человека

Таблица 1. Определение разумного срока уголовного судопроизводства для различных участников

Для подозреваемого (обвиняемого)	Для потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому причинен вред
период со дня начала осуществления уголовного преследования	период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора

Немаловажным фактом является то, что норма, определяющая сроки для участников производства по уголовному делу, была введена лишь в 2020 году. Согласно материалам судебной практики, а именно Постановлению Конституционного суда (далее — КС) № 23-П/2019 по делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 6.1 УК РФ, данная норма права признана неконституционной в части статьи, позволяющей не включать в срок уголовного судопроизводства период времени со дня подачи заявления о преступлении до дня возбуждения уголовного дела, если такое уголовное дело окончилось вынесением обвинительного приговора. Тогда КС было рекомендовано федеральному законодателю внести изменение в положения УПК РФ. В соответствии с рекомендацией суда, в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о внесении изменений в ст. 6.1 УПК РФ, которым был введен в действие п. 3 статьи в том виде, в котором мы сейчас проводим его анализ.

Законодатель в положениях статьи 6.1 УПК РФ проводит разграничение сроков в отношении сторон уголовного судопроизводства. Особенностью такого срока для подозреваемого (обвиняемого) является отсутствие даты его окончания.

Согласно федеральному закону [4], внесшему изменения в положения рассматриваемого принципа, были определены дни начала и окончания такого срока в отношении потерпевшей стороны. Однако в настоящее время складывается юридическая коллизия, ведь соответствии со ст. 21 УПК РФ началом уголовного преследования считается момент обнаружения признаков преступления, а не подачи заявления потерпевшим лицом. Данный аспект также является проблемным, требующим доработки.

Рассматриваемое требование о разумном сроке производства по уголовному делу нередко отождествляется с различными требованиями и принципами уголовного судопроизводства, такими как: срочность, скорость, быстрота, процессуальная экономия, целесообразность, качество судопроизводства и др.

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства с принципом быстроты, закрепленным в УПК РСФСР 1960 г., связывали такие ученые, как И. В. Малофеев [5], И. В. Маслов [6], А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский [7], В. В. Урбан [8], С. М. Якубова [9], К. В. Вольнец [10].

По мнению К. В. Вольнеца, требование быстроты уголовного судопроизводства превратилось в требование о его разумном сроке. Схожего мнения были В. А. Азаров и Д. Г. Рожков [11], которые отождествляли принцип разумного срока с ускорением производства расследования.

Однако отметим, что и требование быстроты, как и требование процессуальной экономии является лишь элементом раз-

умного срока уголовного судопроизводства. Не представляется возможным связывать рассматриваемый принцип с данным требованием. Также нельзя применять для объяснения разумного срока идею «процессуальной экономии», выдвинутой профессором И. Я. Фойницким. Он также рассматривал учет «быстроты, полноты и экономии производства» [12].

Таким образом, под разумным сроком следует понимать такой промежуток времени, за который возможно наиболее эффективно осуществить разбирательство по уголовному делу. Разумный срок не означает наименее возможный срок ввиду обстоятельств, рассмотренных выше. Каждое уголовное дело обладает уникальным набором различных специфических характеристик, подлежащих рассмотрению. Невозможно анализировать различные материалы дел в унифицированные стандартные сроки.

Данный принцип регулирует определение сроков всевозможных решений, которые могут повлиять на задержку в принятии окончательного решения по делу, а не только решений, связанных с определением или исчислением каких-либо процессуальных сроков. Следовательно, деятельность органов государственной власти, должностных лиц должна строиться таким образом, чтобы уголовное судопроизводство осуществлялось без необоснованных задержек.

Уголовно-процессуальным законодательством РФ предусмотрена ответственность за нарушение таких сроков. В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ решения и действия (или бездействия) дознавателя, следователя и прокурора подлежат обжалованию в органах судебной власти.

Участник уголовного судопроизводства имеет право подать заявление в суд о компенсации за нарушение принципа, установленного ст. 6.1 УПК РФ. Такое право может быть реализовано в соответствующие сроки, установленные ст. 3 Федерального закона № 68-ФЗ [13]:

— либо в течение шестимесячного срока со дня вступления в законную силу приговора или постановления суда, принятых по делу, либо другого судебного решения, которым прекращено уголовное судопроизводство;

— либо в период времени с момента истечения четырех лет от даты возбуждения уголовного дела до даты прекращения уголовного преследования или до вступления в законную силу обвинительного приговора суда при условии, что лицо обращалось в установленном порядке с заявлением об ускорении рассмотрения дела.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ № 11 [14] к лицам уголовного судопроизводства, имеющих право на подачу такого заявления о присуждении компенсации относятся: подозреваемые, обвиняемые, подсудимые,

осужденные, оправданные, потерпевшие или иные заинтересованные лица, которым деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, гражданские истцы, гражданские ответчики, а также лица, на имущество которых наложен арест. Также размер компенсации должен определяться судом с учетом требований лица, обратившегося в суд с заявлением, обстоятельств дела или производства по исполнению судебного акта, по которым допущено нарушение, продолжительности

нарушения, наступивших вследствие этого нарушения последствий, их значимости для лица, обратившегося в суд с заявлением о компенсации.

При определении размера присуждаемой компенсации суду следует также принимать во внимание практику ЕСПЧ, размер сумм компенсаций вреда, присуждаемых этим судом за аналогичные нарушения. Пример размеров сумм компенсаций по некоторым делам представлен в таблице 2.

Таблица 2. Решения ЕСПЧ по определению размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок

№ п/п	Дело	Суть	Срок судопроизводства, лет	Размер компенсации, евро
1	Постановление ЕСПЧ Моисеев против России (Дата Постановления: 09/10/2008. Номер жалобы: 62936/00)	Заявитель, в частности, жаловался на нарушение гарантии не подвергаться бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, на чрезмерную продолжительность своего предварительного заключения и невозможность добиться судебного рассмотрения правомерности этого заключения, несправедливость судебного разбирательства и отсутствие у суда первой инстанции независимости и беспристрастности, на чрезмерную продолжительность разбирательства его уголовного дела.	3,6	25000 + 3.973 за расходы и издержки плюс налог, который должен заплатить заявитель
2	Постановление ЕСПЧ Сергей Волосюк против Украины (Дата Постановления: 12/06/2009. Номер жалобы: 1291/03)	Заявитель жаловался, что его дело не было рассмотрено в разумный срок или освобожден до суда. Кроме того, он жаловался, что на протяжении всего периода его содержания под стражей его ходатайства об освобождении из-под стражи не были рассмотрены судом. Заявитель также утверждал, что уголовное производство по его делу длилось неоправданно долго.	4,5	3000
3	Постановление ЕСПЧ Кривова против Украины (Дата Постановления: 11/04/2011. Номер жалобы: 25732/05)	Заявительница утверждала, в частности, что государство не выполнило своих позитивных обязательств по статье 2 Конвенции, и что длительность судебного разбирательства по ее делу представляла собой нарушение статьи 6 § 1 Конвенции.	9	3500

Согласно таблице 2, проанализировав 3 схожих дела о нарушении принципа осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок, можно сделать вывод о том, что у ЕСПЧ также отсутствует единый подход к определению суммы компенсации за нарушение принципа. В основном заявители предъявляют обвинения не по одному положению Конвенции, отличаются сроки уголовного судопроизводства, что также учитывается судом.

Подводя итог, отметим ряд выделенных в ходе исследования принципа разумного срока уголовного судопроизводства проблем:

— отсутствие нормативно закрепленного определения понятия «разумный срок»;

— отсутствие установленного срока окончания в отношении подозреваемого (обвиняемого);

— наличие противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве в отношении момента начала уголовного преследования и исчисления разумного срока;

— проблема применения данного принципа в части своевременности подачи потерпевшим лицом заявления или сообщения о преступлении.

Проведя научное исследование, проанализировав мнения и возможные формулировки понятия «разумный срок уголовного судопроизводства» ученых, стало возможным предложить авторское определение понятия, которое заключается в том, что раз-

умный срок уголовного судопроизводства — это период времени, за который возможно наиболее эффективно осуществить разбирательство по уголовному делу, совершить необходимые процессуальные действия согласно требованиям быстроты, полноты, целесообразности и процессуальной экономии в совокупности.

В рамках ст. 6.1 УПК РФ следует закрепить определение понятия, а также дополнить ч. 3 данной статьи датой окончания уголовного производства для подогреваемого (обвиняемого). Внести на рассмотрение в Государственную Думу законопроект,

вносящий изменения в УПК РФ в целом, чтобы избежать неоднозначной трактовки законодательства момента начала уголовного преследования и исчисления разумного срока производства по уголовному делу.

В завершении отметим, что принцип разумного уголовного судопроизводства на сегодняшний день является наиболее актуальным, требует более детального рассмотрения и анализа. Несомненно, законодательство требует совершенствования в данной области.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // «Парламентская газета», № 241–242, 22.12.2001
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004)
4. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» от 03.07.2016 № 243-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. 1. ст. 5002
5. Малофеев И. В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: дис... канд. юрид. наук. М., 2014. 71 с.
6. Маслов И. В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. М., 2013. С. 75.
7. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 136.
8. Урбан В. В. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства: дис... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 41.
9. Якубова С. М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу: дис... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 50.
10. Волюнец К. В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции: дис... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 30.
11. Азаров В. А., Рожков Д. Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: монография. Омск, 2013. С. 31.
12. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. [Текст] / И. Я. Фойницкий. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 2. — 608 с.
13. Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 68-ФЗ // pravo.gov.ru
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 (ред. от 29.06.2021) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»

Актуальные проблемы деятельности органов дознания в уголовном процессе Российской Федерации

Ванесян Мария Владимировна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье автор рассматривает особенности института дознания и деятельности компетентных в данной сфере органов. Автором определяются основные проблемные аспекты процессуальной деятельности органов дознания в уголовном процессе России.

Ключевые слова: дознание, уголовно-процессуальное право, органы дознания, уголовная ответственность.

Рассматривая структуру и полномочия органов дознания, можно отметить определенную нестабильность, так как формирование данной системы не завершено на сегодняшний

день. Подтверждением этому является множество поправок и изменений, внесенных в действующее уголовно-процессуальное законодательство за последние годы. При этом, коррек-

тировке были подвержены не только полномочия рассматриваемых органов, но и их процессуальный статус. Все это стало предметом различных вопросов и дискуссий в отношении органов дознания, что нашло свое отражение в ряде научных работ.

Компетенциями в сфере дознания наделены органы, указанные в статье 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [2]. Однако круг полномочий органов дознания значительно разнится. Так, например, не каждый из указанных органов компетентен производить дознание в полном объеме, то есть начиная с этапа возбуждения дела об уголовном преступлении и заканчивая его передачей органам прокуратуры.

Так, уголовно-процессуальный закон в п. 8 ст. 5 УПК РФ определяет дознание как форму предварительного расследования, осуществляемого дознавателем. В п. 7 ст. 5 УПК РФ дознаватель определяется как должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия. Иными словами, мы наблюдаем два значительных обстоятельства, влияющих на деятельность дознавателя, а именно, дознаватель может иметь полномочия и реализовать свои компетенции в рамках закона (например, дознаватель специализированного подразделения органов внутренних дел), с другой стороны, есть круг дознавателей, в чьи основные компетенции согласно закону не входит дознание (например, участковый), однако они наделяются ими согласно поручению или распоряжению вышестоящих органов или руководителей, таких как начальник органа дознания, начальник полиции и т.д. На наш взгляд, это существенные различия между отдельными органами дознания, что влияет на реализацию отдельных аспектов дознания, а также сам процесс дознания в целом. При этом, нормы УПК РФ, регулирующие аспекты деятельности органа дознания, в том числе в лице дознавателя, не всегда имеют корректную формулировку и однозначность, что, в свою очередь, влечет определенные проблемы в практическом правоприменении, а следовательно, ошибки на уровне организации работы ведомств, а также отдельных органов и сотрудников. Примером этому можно привести деятельность отдельных органов дознания.

Так, в частности, УПК РФ наделяет рядом полномочий в сфере дознания такие органы, как пограничные, таможенные, органы государственные органы пожарного надзора и прочие. При этом, если рассматривать положения статьи 151 УПК РФ, в компетенции указанных органов входит расследование небольшой группы преступлений. Данный факт выражается в том, что указанные органы имеют ограниченную специализацию, то есть узкое направление деятельности, в рамках которой они, соответственно, и проводят дознание. Так, например, если проанализировать положения Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], то к компетенции дознавателей пожарного надзора отнесено расследование в форме дознания трех преступлений, при этом, в рамках деятельности

органов дознания пожарного надзора расследуются лишь два вида преступлений. Анализируя статистические данные, отраженные в годовых отчетах, можно отметить, что общее количество дел, рассматриваемых данными органами в форме дознания, относительно небольшое. На наш взгляд, необходима оптимизация в сфере деятельности данных структур, которая предполагает передачу подследственности рассматриваемых дел соответствующим линейным и территориальным подразделениям ОВД. Посредством этого можно было бы исключить неэффективность расходования бюджетных средств, которые выделяются для обеспечения деятельности органов дознания, расследуемых небольшой объем уголовных дел.

Не меньше вопросов вызывает включение в перечень органов дознания, перечисленных в УПК РФ, начальников органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиров воинских частей и соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов. Начальник органа или командир по определению не является органом и этимологически не входит в данное понятие. При этом следует отметить, что в связи учреждением органов военной полиции приказом Генеральной прокуратуры России от 23.10.2014 № 150 издается Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов [3]. Тем не менее, в тексте настоящего документа не упоминаются полномочия начальников органов военной полиции и командиров воинских частей по производству предварительного расследования в форме дознания. Наоборот, в ст. 8 указанной Инструкции отмечается, что «предварительное расследование в форме дознания в порядке, предусмотренном главами 32 и 32.1 УПК РФ, по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, органами дознания Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, не производится».

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что начальник органа военной полиции ВС РФ и командиры воинских частей и соединений помещены в перечень органов дознания, предусмотренных ст. 40 УПК РФ, ошибочно, поскольку они не вправе осуществлять дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно, и, следовательно, не обладают полным объемом полномочий, присущим органу дознания в соответствии с ч. 2 ст. 40 УПК РФ.

Таким образом, современная система органов дознания характеризуется определенными сложностями, в частности это связано с тем, что уголовно-процессуальным законодательством не определен полный перечень органов и их структур, наделенных процессуальными полномочиями по реализации дознания. При этом, под органом дознания не совсем корректно понимать отдельных лиц, наделенных должностными полномочиями в сфере дознания, так как это противоречит самому определению понятия орган, а должностное лицо, в свою очередь, не может являться органом.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 25.01.2023).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.01.2023).
3. Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182521/ (дата обращения: 25.01.2023).

Образование юридического лица

Габайдулина Яна Тагировна, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Данная научная работа, написана на основании анализа действующего Российского законодательства работа раскрывает содержание понятия «Возникновение юридического лица». В данной статье, автор приходит к выводу о необходимости разграничения понятий «порядок создания организации» и «государственная регистрация предприятия».

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при применении законодательства о возникновении юридических лиц в РФ.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение проблем правоприменения при создании и регистрации юридических лиц.

Ключевые слова: *малый инновационный бизнес, юридическое лицо, порядок образования предприятия, государственная регистрация.*

Formation of a legal entity

This scientific work, written on the basis of the analysis of the current Russian legislation, reveals the content of the concept of «The emergence of a legal entity». The author comes to the conclusion that it is necessary to distinguish between the concepts of «procedure for creating an organization» and «state registration of an enterprise».

The object of the study is social relations that develop in the application of legislation on the emergence of legal entities in the Russian Federation.

The purpose of this study is a comprehensive study of the problems of law enforcement in the creation and registration of legal entities.

Keywords: *small innovative business, legal entity, procedure for establishing an enterprise, state registration.*

Юридическое лицо — организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, отвечать по своим обязанностям, быть истцом и ответчиком в суде [1].

В соответствии с положениями пункта 2 статьи 48 Гражданского кодекса юридическое лицо должно быть зарегистрировано в Едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации, в соответствии с которым коммерческие организации обязаны пройти государственную регистрацию в уполномоченном государственном органе. Информация о такой регистрации содержится в государственном реестре юридических лиц, который открыт для ознакомления.

Что касается отказов в государственной регистрации, то они допускаются только в случаях, предусмотренных законом. Наиболее распространенными причинами, по которым юридическому лицу в настоящее время отказывают, являются следующие:

1. Заявитель не предоставил необходимые документы, установленные Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

2. Заявитель подал документ «не в тот» регистрирующий орган.

3. Заявление о государственной регистрации было подписано неуполномоченным лицом.

4. А также несоответствие наименования юридического лица требованиям Федерального закона.

Что касается не только отказа в регистрации юридического лица, но и уклонения от такой регистрации, то следует сказать о том, что такие действия могут быть оспорены в судебном порядке.

Таким образом, правоспособность юридического лица, то есть способность юридического лица иметь гражданские права и обязанности, возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его прекращении (статья 49 ГК РФ).

Вопросы возникновения юридических лиц, регулируются ст. 50.1 ГК РФ, в которой указывается, в частности, что юридическое лицо может быть создано на основании решения уч-

редителя (учредителей) юридического лица [1]. Таким образом, решение учредителя имеет преобладающее юридическое значение. Юридическое лицо может быть образовано одним лицом (учредителем), которое принимает единоличное решение. В случае создания юридического лица несколькими учредителями необходимо единогласное решение всех учредителей.

Процедура создания юридического лица, независимо от формы собственности и ее будущих владельцев — собственников, обычно предполагает прохождение определенных этапов:

- появление идеи создания нового предприятия (организации), создающегося для производства конкретных видов продукции, товаров, работ, услуг;
- изучение и выявление возможностей, для использования новых технологий, инструментов и объектов труда;
- исследование рынка для удовлетворения конкретных потребностей бизнеса, в современный период;
- выбор поставщиков, необходимых факторов (средств) производства (сырье, материалы, компоненты, оборудование, энергетические ресурсы, информация и т.);
- принятия решения о призывании соучредителей компании;
- определение финансовых источников, используемых для формирования первоначального уставного капитала, необходимого на начальном этапе функционирования предприятия;
- разработка и утверждение учредительных документов организации, и бизнес — плана;
- проведение, установленных законом, организационных мероприятий по созданию предприятия, которые зависят от организационно-правовой формы и формы собственности;
- осуществление государственной регистрации предприятия, открытие необходимых банковских счетов.

Для регистрации юридических лиц обычно необходимо использовать следующие документы: заявление учредителей о регистрации юридического лица, подготовленное в соответствии с требованиями закона, Устав организации, свидетельство о регистрации или решение учредителей о регистрации юридического лица в форме конкретный протокол собрания учредителей, подтверждение уплаты регистрационного сбора (банковская квитанция), и исключительно для коммерческих организаций-документы, подтверждающие уплату не менее половины уставного капитала юридического лица; изготовление печатей и штампов; постановка на учет в Федеральной налоговой службе, территориальном органе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации и фонда обязательное медицинское страхование.

Та же процедура применяется к созданию компании в области инноваций и высоких технологий.

Существует два способа создания юридического лица: воссоздать его с нуля или реорганизовать существующую организацию.

Однако, когда мы говорим о порядке, в котором создаются компании, обычно имеется в виду порядок, в котором они создаются путем воссоздания их с нуля, и тот факт, что создание компании всегда возможно путем реорганизации, как-то упускается из виду. Учредительный этап создания малого инновационного предприятия обычно регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации и определяется региональным

нормативным актом о порядке регистрации конкретной предпринимательской деятельности на территории субъекта Российской Федерации.

При этом понятие «процедура создания юридического лица» используется в двух смыслах.

Во-первых, в узком смысле понятие «порядок создания юридического лица» представляет собой упорядоченную и юридически определенную последовательность действий учредителей коммерческой организации и компетентных регистрационных органов по формированию предприятия (организации). Здесь можно выделить ряд этапов, которые прямо оговорены или подразумеваются Гражданским кодексом РФ и специальными законами, о тех или иных формах предпринимательской деятельности, коммерческих и некоммерческих организаций: решение учредителей о создании юридического лица, проведение учредительного собрания; составление учредительного договора; разработка устава предприятия (организации); регистрация предприятия; первоначальный взнос в уставный капитал (для хозяйственных обществ, а также унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного управления), а также взносы во Взаимный фонд (для производственных кооперативов) [4, с. 182].

Закон не содержит информации о каких-либо других действиях, которые должны быть отнесены к процессу создания юридических лиц, в свою очередь ст. 51 ГК РФ регламентирует, что «нарушение правового порядка образования юридического лица влечет отказ в регистрации юридического лица» [1].

Основным, кульминационным и в то же время окончательным этапом здесь является государственная регистрация юридического лица. Действительно, в соответствии с пунктом 2 статьи 51 Гражданского кодекса РФ юридическое лицо считается созданным с момента его государственной регистрации. С этого момента, согласно пункту 3 статьи 49 ГК РФ, оно обладает полной правоспособностью.

Само понятие «возникновение юридического лица» часто путают с понятием «процедура государственной регистрации юридического лица». Так ст. 52 ГК РФ [1], которая определяет, что сами учредители в учредительном акте определяют порядок совместной деятельности по созданию юридического лица, что в отношении понятия «порядок государственной регистрации» прозвучало бы, как минимум, неверно. Содержание понятия «процедура государственной регистрации юридического лица» полностью входит в сферу применения понятия «процедура создания юридического лица», в рамках которого отказ коммерческой организации в государственной регистрации в связи с нарушением процедуры регистрации также является законным [5, с. 212].

Однако идеальная модель, которая полностью укладывается в рамки данной трактовки понятия «порядок создания юридического лица», не соответствует модели порядка создания юридического лица, в которой оформление государственной регистрации, является далеко не последним этапом в приобретении правоспособности, и только с покупкой можно по-настоящему говорить о завершении создания организации.

Дело в том, что в соответствии с действующим порядком регистрации организация, которой присвоен регистрационный номер, обязана в течение определенного периода времени осу-

ществлять ряд других мер по приобретению реальной правоспособности.

Во-вторых, в широком смысле этого слова «юридическое лицо» есть совокупность определенных действий, так или иначе связанных с созданием организации и приобретением ею полной правоспособности и дееспособности. Таких, как:

- определение состава учредителей;
- установление размера уставного капитала юридического лица;
- определение юридического адреса предприятия;
- составление Учредительного акта юридического лица;
- определение названия компании (организации);
- разработка устава юридического лица;
- разработка согласованных документов и разрешений;
- уплата государственных пошлин и других сборов;
- подготовка форм, производство и печать;
- выбор банка (кредитной организации) для открытия текущего счета юридического лица [3, стр. 132].

Также следует отметить особую роль Налогового кодекса Российской Федерации, который посвятил несколько статей порядку создания юридического лица [2]. Однако в настоящее время положения, регулирующие регистрацию хозяйствующего субъекта, толкуются налоговыми органами весьма своеобразно, так что процедура фактического создания; организация в большей степени зависит от различных внутренних документов (инструкций, инструкций) налоговых органов, а также от собственного понимания налоговыми органами своих прав и обязанностей. Не говоря уже о том, что существует несколько форм подачи заявления на открытие бизнеса, и налоговые органы сами решают, какую форму использовать, хотя закон допускает любую форму по выбору заявителя [5, С. 42].

Реорганизация юридического лица — это один из способов образования или ликвидации юридического лица, который может быть осуществлен в соответствии с правилами, установленными статьями 57–60 Гражданского кодекса. Формами реорганизации являются объединение, слияние, выделение, разделение или преобразование. Решение о реорганизации принимается ее участниками или учредителями, либо органом юридического лица, наделенным соответствующими полномочиями в соответствии с учредительными документами.

В соответствии с положениями статьи 58 Гражданского кодекса правопреемство при реорганизации юридических лиц осуществляется следующим образом:

Слияние юридических лиц: на основании передаточного акта и в соответствии с ним права и обязанности каждого юридического лица делегируются новому юридическому лицу.

Присоединение одного юридического лица к другому. Передача прав и обязанностей будет осуществляться в отношении юридического лица, к которому первое присоединилось, а также в соответствии с передаточным актом.

Отделение от юридического лица. В соответствии с разделительным балансом все права и обязанности будут переданы вновь созданным организациям.

Кроме того, в соответствии с разделительным балансом права и обязанности реорганизованного юридического лица передаются каждому из указанных лиц.

Преобразование из одного юридического лица в другое. На основании передаточного акта права и обязанности будут переданы вновь реорганизованному юридическому лицу.

В некоторых случаях, предусмотренных законом, реорганизация юридических лиц в виде отделения или выделения из ряда юридических лиц осуществляется на основании судебного решения, а в некоторых случаях — по решению государственного (уполномоченного) органа, в том числе при подаче заявления претензия последнего. Что касается такого решения суда, следует отметить, что если учредители или уполномоченный ими орган не реорганизовывают юридическое лицо в течение срока, установленного решением суда, то суд назначает внешнего управляющего, который сам проведет реорганизацию. Полномочия, которые передаются такому внешнему управляющему, могут осуществляться сразу после назначения этого лица внешним управляющим. Факт реорганизации будет признан только с момента государственной регистрации новых возникающих юридических лиц.

Ликвидация юридического лица влечет за собой его прекращение без права перехода в порядке всеобщего правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам (статья 61 Гражданского кодекса). Таким образом, ликвидация юридического лица — это юридическая процедура, процесс, порядок которого определен законом и который приводит к утрате юридической правоспособности юридического лица.

Ликвидация юридического лица может быть осуществлена:

В связи с истечением срока, на который было создано такое юридическое лицо.

В рамках достижения цели, поставленной при его создании.

По решению учредителей или участников, а также органа юридического лица, обладающего такими полномочиями в соответствии с учредительными документами.

По решению суда в том случае, если при его создании были допущены нарушения действующего законодательства, но в том случае, если такие нарушения носят неустранимый характер.

В случае недостаточности кредиторы оценивают стоимость имущества в порядке, предусмотренном статьей 224 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

В соответствии с пунктом 9 статьи 63 Гражданского кодекса ликвидация юридических лиц будет считаться завершенной, а юридическое лицо прекратило свое существование сразу после этого, как будут внесены сведения об этом в Единый государственный реестр юридических лиц, в результате чего ликвидированное юридическое лицо исключается из реестра. Единый государственный реестр всех внебюджетных и бюджетных фондов, а также налоговая база данных.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что юридическое лицо — это организационная форма деятельности, чаще всего предпринимательская, закрепленная в установленном законом порядке. Особенности организации, деятельности, деликтной ответственности, а также реорганизации и ликвидации юридических лиц имеют нормативное определение и зависят от организационно-правовой формы юридического лица, которая определяет порядок управления имуществом хозяйствующего субъекта, его правовое положение и порядок его ликвидации, цели деятельности.

Как мы видим, к сожалению, законодательство, позволяющее упростить и еще больше ускорить государственную регистрацию юридических лиц, в частности коммерческих организаций, способствовало возникновению многочисленных злоупотреблений, в том числе созданию поддельных документов и фиктивных адресов у большого числа юридических лиц, с символическим или даже несуществующим уставным капиталом, которые не в состоянии выполнить свои обязательства.

Для борьбы с подобными злоупотреблениями предлагается ввести обязательную проверку действительности и законности регистрационных документов, использовать наиболее распространенные типовые формы уставов юридических лиц, а также в будущем данные Государственного реестра юридических лиц

должны стать общедоступными, и все участники имущественного оборота смогут рассчитывать на их действительность, гарантированную государственными органами.

Также необходимо ввести контроль за регистрацией изменений в учредительных документах юридических лиц и других данных государственного реестра, а также обязанность информировать всех действующих кредиторов об изменении их финансового положения, что позволит защитить интересы кредиторов в случае банкротства компании, организации.

Представляется, что все вышесказанное позволяет сделать вывод, что «возникновение юридического лица» — это совокупность определенных законом действий по созданию организации и приобретению правоспособности этой организации.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 01.07.2022) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N5, ст. 410.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 No 117-ФЗ (ред. от 04.06.2022) // Собрание законодательства РФ. — 07.08.2000. — No 32. — ст. 3340.
3. Комментарий к Федеральному закону О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Постатейный / Под ред. Гусевой Т. А. — М.: Юстициформ, 2019. — 346 с.
4. Юридические лица и их государственная регистрация. Постатейный комментарий к статьям 48–65 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». — М.: Статут, 2020. — 525 с.
5. Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев и др. — Москва: Проспект, 2019. — 434 с.
6. Зенин, И. А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учебник / И. А. Зенин. — Москва: Юрайт, 2018. — 282 с.
7. Иванова, Е. В. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е. В. Иванова. — Москва: Юрайт, 2019. — 278 с.

Участие помощника судьи в уголовном (гражданском, административном) судопроизводстве

Глыбина Инна Витальевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье анализируются особенности участия помощника судьи в уголовном (гражданском, административном) судопроизводстве, а также проблема неразработанности его статуса и гарантий. Кроме того, сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в части наделения помощника судьи правами и обязанностями в рамках уголовного (гражданского и административного) судопроизводства.

Ключевые слова: судебная система, помощник судьи, правовой статус, институт, проблемы, совершенствование.

Participation of an assistant judge in criminal (civil, administrative) legal proceedings

Glybina Inna Vitalievna, student
Chelyabinsk State University

The article analyzes the features of the participation of an assistant judge in criminal (civil, administrative) proceedings, as well as the problem of the lack of elaboration of his status and guarantees. In addition, proposals have been formulated to improve the current legislation in terms of granting the assistant judge rights and responsibilities in criminal (civil and administrative) proceedings.

Keywords: judicial system, assistant judge, legal status, institution, problems, improvement.

Сегодня не вызывает сомнения факт того, что российская судебная система постепенно приобретает форму судебной юрисдикции европейских государств.

Безусловно, что гарантия судебной защиты прав и свобод, провозглашенная Конституцией Российской Федерации, возможна только в том случае, когда имеется достаточно эф-

фективная судебная власть в стране [1]. Однако такая эффективность в основном зависит от организации судебной деятельности в целом. Кроме того, что немаловажно, она зависит и от рационального и грамотного распределения обязанностей между судьями и сотрудниками аппарата суда.

Помощник судьи — это такое звено судопроизводства, которое получает надлежащую квалификацию только непосредственно в практической деятельности [4]. Однако следует отметить тот факт, что вопросам профессиональной подготовки кадров для судебных органов со стороны научной общественности уделяется в настоящее время недостаточно внимания.

Должность помощника судьи в России была введена в начале 2000-х годов. И обусловлено это было, прежде всего, тем, что необходимо было уменьшить нагрузку на судей, а также хоть как-то освободить их от бумажной работы при подготовке и непосредственном рассмотрении дел [6].

Однако следует отметить тот факт, что за довольно недолгое время своего существования институт помощников судей у нас в стране зарекомендовал себя с положительной стороны. Но есть и отрицательный момент: во многом потенциал данного института до настоящего времени не реализован в полном объеме.

Безусловно, отправление правосудия невозможно без четкой организации работы аппаратов судов. Неправильная организация руководителями работы суда и его аппарата умаляет авторитет судебной власти.

На практике права и обязанности помощника судьи определяются его должностным регламентом. Именно поэтому это не позволяет говорить о достаточной эффективности и рациональности взаимодействия между судьей и его помощником. Происходит это в первую очередь из-за того, что отсутствует какой-то системный подход к определению основ этого взаимодействия. Вследствие этого создается почва для нарушения прав данной категории работников и даже может привести к конфликту на службе.

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.08.2019 № 193 «Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи кассационного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи апелляционного суда общей юрисдикции, апелляционного военного суда, помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда», утверждены типовые должностные регламенты [3].

Следует отметить тот факт, что регламент достаточно объемный. Анализируя его, можно сделать вывод, что на помощников возложено колоссальное количество обязанностей, которые касаются трудовой деятельности в судебных органах. К помощнику судьи применяются нормы достаточного количества нормативно-правовых документов, в частности, российская Конституция, указы Президента России, Постановления Правительства РФ и пр. Помощник судьи должен неукоснительно исполнять и соблюдать указанный регламент.

Регламентом определяются квалификационные требования в отношении помощников, их должностные обязанности. Кроме того, прописываются критерии оценки профессиональной трудовой деятельности помощников.

Следует отметить то обстоятельство, что судьи достаточно защищены законом и могут отстаивать собственные права при их нарушении в различных инстанциях и властных структурах. Вместе с тем, помощники судей такие привилегии не имеют.

В соответствии с типовым должностным регламентом приоритетными направлениями деятельности помощника судьи является организационно-правовое, информационное, документационное и процессуальное обеспечение деятельности судьи.

Главная обязанность помощников судей — это осуществление содействия судьям при выполнении последними своих обязанностей. Безусловно, профессионализм, добросовестность помощников судей, их умение анализировать и правильно применять законодательство должны способствовать повышению эффективности и качества отправления правосудия. Реализация этих профессиональных качеств и составляет содержание трудовой деятельности помощников судей. Одна из главных ролей в развитии знаний и умений помощников принадлежит именно судьям. Именно от уровня квалификации судьи, его опыта, способностей к судебной деятельности зависит становление и развитие настоящих помощников судей.

Из сказанного можно сделать определенный вывод, что по законодательству РФ требования в отношении помощников очень высоки, однако защищенность является явно недостаточной.

Как показал анализ действующего законодательства, выявлены некоторые, и нужно отметить, довольно существенные, пробелы и противоречия по вопросам, которые связаны с заключением срочного трудового договора с помощниками судей. На законодательном уровне важно установить исчерпывающий перечень должностей руководителей и помощников, с которыми можно заключать срочный служебный контракт. Такое правовое решение, в первую очередь, будет соответствовать Конституции РФ.

Необходимо усиление социальных гарантий помощников судей с учетом процессуального статуса помощника судьи в системе правосудия, и важности возложенных на него полномочий. В этой связи необходимо закрепить на федеральном уровне требования, когда с помощниками судей должны заключаться служебные контракты на неопределенный срок.

Определенные трудности возникают, когда речь заходит о заработной плате в судебных органах регионах страны, а также об организации их служебного времени. Сюда можно отнести отсутствие отдельных кабинетов в судах, довольно слабое материально-техническое обеспечение, постоянный рост нагрузки.

Без всякого сомнения перечисленные проблемы приводят к постоянному некомплекту в штатах судов, а также достаточной текучки кадров.

При существующей высокой судейской нагрузке помощник существенно снижает временные затраты судьи на бумажную работу, тем более если это типовые дела, не требующие особых интеллектуальных вложений: задолженность по комму-

нальным платежам, невыплата заработной платы и т.д. Помимо снижения нагрузки, написание проектов судебных актов играет также и социализирующую роль, готовя помощника к будущей роли судьи.

Легализовать процессуальные функции помощников и четко отграничить их от сугубо технических, остающихся за секретарями, логично и в свете того, что опыт работы помощника судьи позволяет ему претендовать на должность судьи. К таким функциям помощника можно отнести подготовку проектов судебных актов, разъяснение сторонам их прав и обязанностей, действия по мирному урегулированию спора, истребование доказательств и т.д.

Расширить круг действий, выполняемых помощником судьи, можно не только посредством закрепления в законе конкретного перечня действий, но также и за счет указания в процессуальных кодексах на возможность выполнения отдельных процессуальных действий помощником судьи по поручению судьи.

Формулировки ст. 58 АПК РФ могли бы стать основой для единообразного закрепления статуса помощника, обозначения границ его компетенции во всех процессуальных кодексах, в первую очередь в части указания на помощь судье в подготовке и организации судебного процесса с оговоркой о том, что действия помощника в любом случае носят подготовительный и вспомогательный характер по отношению к функциям по осуществлению правосудия.

В такой статье могли бы содержаться и положения о том, что помощник готовит для судьи и по поручению судьи проекты судебных актов.

Представляется, что правовой статус помощника судьи должен быть определен путем принятия специального закона о статусе помощника судьи.

Принятие отдельного специального закона представляется более предпочтительным, учитывая значительное количество отдельных вопросов, которые необходимо урегулировать. К таковым можно отнести: общие нормы о должности помощника судьи; требования, предъявляемые к помощнику судьи; требования, предъявляемые к кандидатам на должность помощника судьи; порядок наделения полномочиями и прекращения полномочий помощника судьи; права и обязанности помощника судьи; компетенция помощника судьи по рассмотрению отдельных категорий дел; гарантии независимости помощника судьи; срок полномочий помощника судьи; ответственность помощника судьи; приостановление полномочий помощника судьи; прекращение полномочий помощника судьи и др.

Разработка и принятие специального федерального закона станет логичным продолжением мер, связанных с ускорением и упрощением судопроизводства в целях оптимизации нагрузки на судей. Помимо прочего, это позволит преодолеть упущения и различия в регулировании отдельных аспектов правового статуса помощника судьи, которые в настоящее время существуют в должностных регламентах помощников судей.

Более детальная регламентация деятельности помощников судей положительно отразится на отправлении правосудия при условии, если на помощников судей возложить функциональные обязанности, выполняемые судьями, и исключить возложение на них некоторых секретарских обязанностей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета.— 1993.— 25 декабря.
2. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.— 2003.— № 22.— Ст. 2063.
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 августа 2019 г. № 193 «Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи кассационного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи апелляционного суда общей юрисдикции, апелляционного военного суда, помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда» // Бюллетень актов по судебной системе.— 2020.— № 3.
4. Александров Р. А., Гусаров Д. А. К вопросу о помощнике судьи как о полноправном участнике уголовного судопроизводства и его процессуальных функциях // Российский судья.— 2019.— № 4.— С. 30–34.
5. Бочаров Т. Ю. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. М.: Центр стратегических разработок, 2018.— С. 116.
6. Дятчина Е. В. Полномочия помощника мирового судьи // Мировой судья.— 2020.— № 12.— С. 14–18.

Основания применения доктрины *Lis Alibi Pendens* как средства борьбы с параллельными судебными разбирательствами

Давыдов Иван Денисович, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Одновременные «параллельные» разбирательства в судах разных государств порождают целый ряд проблем, в том числе излишнее финансовое обременение сторон, избыточное потребление ресурсов суда, потенциально противоречивые решения и, как следствие, возложение на стороны несовместимых обязательств.

Подавляющее большинство юрисдикций приняли различные меры для предотвращения такого негативного явления. Одним из признанных в международном сообществе средств является доктрина *lis (alibi) pendens*, которая считается фундаментальным принципом процессуальной справедливости и правосудия [1, с. 332]. Ее применение предполагает приостановление или прекращение судом собственного судопроизводства в случае другого, параллельного, начатого ранее. Механизм, на первый взгляд, прост: если суд в одной стране уже принял дело к рассмотрению, то суд из другой страны должен отказаться от своей юрисдикции и, следовательно, от рассмотрения такого же дела. С этой точки зрения, концепция *lis pendens*, исключая «дополнительные» разбирательства по тому же делу, тесно связана с принципом *res judicata*, не допускающим проведение повторного разбирательства по одному и тому же требованию или вопросу между теми же сторонами.

Существуют общие традиционные условия, соблюдение которых приводит к запрету на проведение одного из параллельных процессов. Для применения механизма *lis pendens* необходимо, чтобы два параллельных иска были идентичны в отношении (а) сторон (*the parties*), (б) оснований / предмета (*the grounds / subject matter*) и (с) объекта (*the object*), что обычно называется тройным тестом идентичности (*triple identity test*), который также используется при применении *res judicata* [1, с. 320; 2, с. 81].

Для того чтобы избежать расхождений в имплементации доктрины *lis pendens* в рамках национальных правовых систем Европейского Союза, был разработан ряд «нейтральных» правил. Так, ст. 29 Брюссельского регламента I bis устанавливает, что «если разбирательства, включающие одно и то же основание иска (*the same cause of action*), проходит между теми же сторонами (*the same parties*) в судах разных государств-членов, то все суды, кроме суда, в котором иск был предъявлен первым, должны по собственной инициативе приостановить свое разбирательство до тех пор, пока не будет установлена юрисдикция этого суда» [3].

Как видно, критерии применения механизма отличаются от концептуального перечня. Ниже будут проанализированы три ключевых элемента и их связь со ст. 29 Брюссельского регламента.

Тождество сторон видится самым понятным условием для применения *lis pendens*. Выполнения этого условия, впрочем, может быть не так очевидно, например, в случае суброгации,

а также при других обстоятельствах [4, с. 7], в том числе при участии в разбирательствах различных юридических лиц, входящих в одну группу компаний.

Строгость подхода к тождеству сторон варьируется от юрисдикции к юрисдикции, но для европейского сообщества характерно обособление от внутреннего регулирования в ситуациях, когда необходимо установить наличие или отсутствие оснований применения *lis pendens* [5, para. 11]. Так, в одном из дел Европейский Суд постановил, что стороны признаются идентичными, если они имеют одинаковый правовой интерес, такой, что решение, вынесенное против одних, будет обладать эффектом *res judicata* и в отношении других [6, para. 19]. Другими словами, решающий критерий для установления идентичности сторон полностью опирается на существование разбирательства.

Когда речь идет о процессуальном положении сторон, оно не играет никакой роли в установлении факта их идентичности. Истец в производстве в стране А может быть ответчиком в параллельном производстве в стране Б, и наоборот, без каких-либо негативных последствий для соблюдения требования тождества [7, para. 18].

В том же деле Европейский Суд прояснил, как следует поступать в судебных разбирательствах с участием нескольких сторон. По мнению Суда, если в споре участвуют несколько сторон и некоторые из них также являются сторонами параллельного спора, *lis pendens* применяется только к последним, это не препятствует продолжению разбирательства между другими сторонами [7, para. 33].

Как уже упоминалось выше, идентичность между параллельными спорами также определяется критерием «основание иска». Благодаря Европейскому Суду стало известно, что оно включает в себя факты и норму права, положенные в основу иска [7, para. 38]. Это позволяет провести параллель со вторым компонентом тройного теста идентичности, а именно предметом или основанием (то есть параллель между *the cause of action* и *the grounds / subject matter*).

Проблемный вопрос заключается в том, должны ли два разбирательства быть абсолютно идентичными для применения доктрины *lis pendens*. В одном из дел Европейского Суда рассматривалось, являются ли таковыми иск о понуждении к исполнению договора и иск о его расторжении. На первый взгляд, полностью «противоположные» иски были признаны идентичными, поскольку в основе обоих лежал вопрос об обязательности исполнения договора [5, para. 17].

В этом деле было создано интересное логическое противоречие. Европейский Суд подчеркнул существование разницы между основанием иска (*the cause of action*) и предметом (*the subject matter*) и указал, что различные языковые версии Брюссельской конвенции 1968 года (которая и легла в основу упомяну-

того выше Регламента), кроме английской, прямо выражают ее, хотя и не объяснил суть этой разницы.

Испанская и французская версии акта действительно содержат больше элементов для применения механизма *lis pendens*, чем английская, не только стороны и основание иска. Однако недостающим словом является «объект» (*object*), а не «предмет» (*subject matter*): «*les demandes ayant le même objet et la même cause*», «*demandas que tengan el mismo objeto y la misma causa*» [8]. Представляется, что использование Европейским Судом термина «предмет» в анализируемом деле является ошибочным: под ним с очевидностью подразумевался объект (*the object*).

И действительно, несколько лет спустя Европейский суд прояснил этот вопрос. На этот раз он постановил, что английская версия не проводит четкого различия именно между понятиями «основание иска» и «объект», но должна, однако, толковаться так же, как и большинство других языковых версий, в которых это различие проводится. По мнению суда, «объект» означает цель, которая преследуется иском [7, para. 40]. Представляется, что объект иска не обязательно является одной из конкретных форм защиты права, которые могут не совпадать в различных правовых системах, но существенной целью, которую преследует истец [4, с. 6].

Что касается упомянутого дела о расторжении (или исполнении) договора, то, вероятно, речь шла именно об объекте, идентичность которого была установлена Судом. Что касается оснований исков, было отмечено, что стороны в обоих случаях

стороны состояли в одних и тех же договорных отношениях [5, para. 15]. Таким образом, можно сделать вывод, что для установления тождества оснований должны существовать правоотношения, с которыми так или иначе связаны оба иска.

Механизм *lis pendens* заключается в следующем. Суду, в который был подан иск и который считает себя обладающим юрисдикцией для рассмотрения спора, должен приостановить свое производство, если ему станет известно, что в другом суде к тому моменту уже начато параллельное разбирательство. В свою очередь, если суд, в который иск был подан раньше, признает у себя наличие юрисдикции на рассмотрение спора, то другой суд должен отказаться от своей юрисдикции в его пользу (ст. 29 Брюссельского регламента I bis). Решение о приостановлении производства принимается без ходатайства какой-либо стороны, но по собственной инициативе суда. Единственным и сравнительно новым обстоятельством, когда суд, в который иск был подан позднее, не обязан отказываться от своей юрисдикции, является случай, когда соглашением сторон он наделен исключительной юрисдикцией (ст. 31 Регламента) — механизм *lis pendens* в таких ситуациях не применяется.

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что, несмотря на определенные терминологические расхождения, доктрина *lis pendens* представляет собой эффективный инструмент для борьбы с «параллельными» разбирательствами. Именно ее применение позволяет обеспечить предсказуемость и определенность в результатах судебных тяжб.

Литература:

1. Hobér Kaj, *Parallel Proceedings — Duties of the Arbitrator in Investment Treaty Arbitration* (ed. Hobér), Studentlitteratur, 2013;
2. Асосков А. В. Комментарий к Рекомендациям Ассоциации международного права о применении доктрин *lis pendens* и *res judicata* в отношении арбитража: основные положения и перспективы использования в российской практике // *Международный коммерческий арбитраж*. 2008. № 2;
3. Regulation (EU) No 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (recast);
4. G. Bisello, C. Cognetti, F. Lo Gerfo. *Deactivating the Italian Torpedo*, 2015
5. C — 144/86 *Gubisch Maschinenfabrik v. Palumbo* [1987] ECR4861;
6. C — 351/96 *Drouot Assurances SA v. Consolidated Metallurgical Industries* [1998] ECR I-3075;
7. C — 406/92 *The Tatra v. The Maciej Ratja* [1994] ECR I-5439;
8. 1968 Brussels Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters.

Клевета, распространяемая в сети «Интернет»

Жилин Сергей Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Абдулин Роберт Семенович, доктор юридических наук, профессор
Курганский государственный университет

Уголовно-правовой состав клеветы прошел длительный путь становления, претерпевая различные по своему характеру изменения — криминализация, декриминализация, повторная криминализация с последующим усилением уголовной ответственности, в частности, увеличением квалифицированных составов.

Новеллой является расширение части 2 статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации — введен специальный,

квалифицирующий признак: клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [2].

Исторические предпосылки можно найти в материалах до-революционной досудебной практики — элемент публичности

прослеживается в примере, приведенном Верещагиным А.Н. по решению Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената 1868 года № 1039 в соответствии с которым клеветой являлось «вымазание ворот детем, означавшее, по местным обычаям, обвинение живущей в том доме женщины в непотребном поведении» [5, с. 3].

В советском законодательстве за клевету, распространенную публично, предусматривалось более тяжкое наказание в сравнении с простым составом:

— клевета в печатном или иным образом размноженном произведении каралась лишением свободы на срок до одного года (статья 175 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года) в то время как основной состав клеветы, т.-е. оглашение заведомо ложного и позорящего другое лицо обстоятельства, карался лишением свободы или принудительными работами на срок до шести месяцев (статья 174 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года);

— клевета в печатном или иным способом размноженном произведении — принудительные работы на срок до одного года или штраф до одной тысячи рублей; клевета, т.-е. распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений, — принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей (статья 161 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года).

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года публичность в составе клеветы нашла более широкое отражение — в соответствии со статьей 130 «клевета в печатном или иным способом размноженном произведении, либо средстве массовой информации, в анонимном письме, а равно совершенная лицом, ранее судимым за клевету, — наказывается исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до двадцати минимальных месячных размеров оплаты труда с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью либо без такового» [3].

Формулировка, содержащаяся в статье 130 Уголовного кодекса Российской Федерации при его принятии в 1996 года сохранялась (за исключением временной декриминализации) вплоть до конца 2020 года — «клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

Со временем границы публичного пространства трансформировались, цифровые технологии стали диктовать свои условия, преобразуя правовые отношения изнутри.

Мнения о необходимости приведения законодательства в соответствие с современной действительностью в части клеветы в сети «Интернет» приводились во многих научных работах.

В 2000 году профессор Власов А.А. указывал на следующее: «в целях упорядочивания борьбы в клеветническими и оскорбительными сведениями в сети Интернет, предлагается создание государственного органа, который мог бы по запросу граждан, суда, прокурора, адвоката, любых иных заинтересованных лиц фиксировать и подтверждать содержание определенных страничек (сайтов) в сети Интернет с целью получения доказательств наличия конкретных порочащих, не соответствующих действительности клеветнических и оскорбительных сведений» [6, с. 20].

Вавилычева Т.Ю., Омельченко С.С. указывали на необходимость дополнить часть вторую тогда еще статьи 130 Уголовного кодекса Российской Федерации соответствующим признаком [4, с. 11], [10, с. 11].

Королева М.М. подчеркивала, что «поскольку закон обязан отвечать складывающимся реалиям и не «отставать» от них, возникает также вопрос и о том, насколько отвечают рассматриваемые нормы этому критерию в отношении преступлений против чести и достоинства, осуществляемых посредством сети «Интернет» [9, с. 4].

Необходимость введения данного квалифицирующего признака неоднократно подтверждалась и материалами судебной практики.

Нередко встречались уголовные дела по клевете, распространенной в социальных сетях — например пользователями сети «Одноклассники» согласно общедоступным данным являются более 330 миллионов людей, в среднем в первом квартале 2022 года количество российских пользователей в месяц составило 73,4 млн а средняя ежедневная аудитория ВКонтакте в России — 47,2 млн. [14]

Гражданка Х. завела фейковую страничку в соцсети «Одноклассники» на имя своего знакомого, использовав имеющуюся у нее фотографию потерпевшего, с помощью этой страницы она распространила ложные сведения о частной жизни потерпевшего, порочащие его честь и достоинство, а также его несовершеннолетней дочери [13].

По причине личных неприязненных отношений Д. Д. в сети «ВКонтакте» под псевдонимом «Митя М». опубликовал статью, в которой указал, что П. (бывшая супруга) по прежнему месту работы воровала наркотики, употребляла их при нем, ставила уколы себе в вену, становилась неадекватной и неуправляемой, оскорбляла его. Подсудимый пояснил, что публиковал сведения ввиду того, что по заявлению П. в отношении него было возбуждено уголовное дело, а также того, что П. препятствовала его общению с сыном [12]

После законодательных изменений в декабре 2020 года в научной среде появилось мнение о недостаточности введенной уголовной ответственности, так Елец С.А. в своей диссертации указывает на следующее: «степень общественной опасности данного вида клеветы потенциально очень велика, так как ее адресатами могут стать миллионы телезрителей, пользователей сети «Интернет» и т.д. Предлагается перенести положения ч. 2 ст. 128.1 УК РФ в ч. 5 статьи. Этот же квалифицирующий признак должен быть включен в ст. 298.1 УК РФ. [7, с. 11]

Интересным представляется, что некоторые ученые в своих исследованиях, в целях должной охраны конституционного права на личное достоинство в разрезе клеветы, выходят за пределы уголовной нормы, установленной статьей 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Доктор юридических наук Жарова А.К. в статье «Борьба с клеветнической информацией, распространяемой в интернете. Опыт Канады» приводит в качестве примера прецедент, по которому Верховный суд Британской Колумбии определил, что интернет-посредник является пассивным инструментом в процессе публикации материала. Однако если интернет-посредник, получив уведомление о клеветническом материале,

бездействует, то данный факт позволит признать его издателем, т.е. лицом, которое создает контент и знает его содержание. На законодательном уровне в Канаде рассматривается вопрос о признании медиаконтентом сайтов, основной целью которых является предоставление услуг по распространению медиаконтента, и возложения на них ответственности за размещаемый на их платформах контент [8, с. 23].

Обратившись к современной уголовной судебной практике, можно найти дела, по которым прослеживается роль не только того, кто разместил информацию, но и интернет-сайта, позволившего такой информации быть размещенной.

Так, на фоне личных неприязненных отношений Г. с. создала на сайте знакомств профиль А. Ф., где разместила фотографии последней с указанием заведомо ложных сведений о предоставлении услуг интимного характера, которые стали доступны для неограниченного количества пользователей сайта [11].

В нередких случаях распространения клеветы в социальных сетях также за пределами остается вопрос контроля содержания и ответственности за размещение порочащей личностной информации.

Таким образом, в настоящее время законодателем устранен правовой пробел исходя из которого распространение клеветы на сайтах сети Интернет, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, если они не зарегистрированы в качестве средства массовой информации, не образовывали квалифицирующего признака уголовного состава «Клевета».

Однако устранение правового пробела не влечет за собой отсутствие проблем реализации правовой нормы, необходимости в ее совершенствовании, в том числе не только в рамках уголовно-правового регулирования, в целях действенной защиты конституционного права на личное достоинство.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 06.10.2022) // Российская газета. — 1993 г. — № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996 — № 25 — ст. 2954.
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР — 1960 — № 740 — ст. 591.
4. Вавилицева, Т. Ю. Современные проблемы защиты чести и достоинства личности: (уголовно-правовой и криминологический аспекты): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Вавилицева Т. Ю.; Российский университет дружбы народов. — Москва, 2012. — 26 с. — Текст: непосредственный. 2012
5. Верещагин, А. Н. Ответственность за клевету и диффамацию в сенатской практике 1870–1890-х годов / А. Н. Верещагин. — Текст: непосредственный // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2022. — № 3. — С. 174–200.
6. Власов, А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Власов А. А.; Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. — Москва, 2000. — 33 с. — Текст: непосредственный.
7. Елец, С. А. Преступления, связанные с распространением порочащих измышлений: проблемы криминализации и дифференциации ответственности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Елец С. А.; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет». — Краснодар, 2021. — 26 с. — Текст: непосредственный.
8. Жарова, А. К. Борьба с клеветнической информацией, распространяемой в интернете. Опыт Канады / А. К. Жарова. — Текст: непосредственный // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2022. — № 4. — С. 21–25.
9. Королева, М. М. Преступления против чести и достоинства по уголовному праву Российской Федерации и стран АТР: Японии, Республики Корея, Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Королева М. М.; МГУ имени М. В. Ломоносова. — Москва, 2011. — 23 с. — Текст: непосредственный.
10. Омельченко, С. С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: специальность 12.00.08 «уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Омельченко С. С.; Московская государственная юридическая академия. — Москва, 2008. — 27 с. — Текст: непосредственный.
11. Апелляционное постановление Магаданского городского суда Магаданской области от 28.08.2018 по делу № 10-55/2018 [Электронный ресурс] // СПС: КонсультантПлюс (дата обращения 30.11.2022).
12. Апелляционное определение Кизильского районного суда Челябинской области от 20.10.2020 по делу № 10-2/2020 [Электронный ресурс] // СПС: КонсультантПлюс (дата обращения 30.11.2022).
13. Житель Купино засудил знакомую за клевету в «Одноклассниках». — Текст: электронный // [сайт]. — URL: <https://ndn.info/novosti/36431-zhitel-kupino-zasudil-znakomuyu-za-klevetu-v-odnoklassnikakh/> (дата обращения: 30.11.2022).
14. Новости для прессы. — Текст: электронный // [сайт]. — URL: <https://vk.com/press/q1-2022-results> (дата обращения: 30.11.2022).

К вопросу о клевете, повлекшей тяжкие последствия

Жилин Сергей Евгеньевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Абдулин Роберт Семенович, доктор юридических наук, профессор
Курганский государственный университет

Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления (часть 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации) [1].

В настоящее время на территории Российской Федерации клевета является преступлением. Уголовная ответственность за клевету регламентирована статьей 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2].

В научной и профессиональной юридической среде нередким является вопрос о степени закрепления конституционных гарантий на защиту чести, достоинства и репутации человека в современном уголовном законодательстве. Так, профессор Т. В. Кленова утверждает, что в УК РФ недостаточно отражено высокое конституционное гарантирование права человека на государственную защиту чести и достоинства. Приращение этого личного права подтверждается тенденцией декриминализации преступлений против чести и достоинства и в целом расформированием института уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности [6, с. 152].

Непосредственным объектом указанного уголовно-правового состава является честь, достоинство и репутация. Необходимо отметить, что каждый человек, его реакция на внешние события является индивидуальной — клевета может повлечь за собой последствия различного масштаба, что повышает ее общественную опасность. В результате клеветы может пострадать не только непосредственно честь, достоинство и репутация личности, но и физическое и психическое здоровье.

Клевета образует формальный состав преступления. Профессор А. В. Бриллиантов дал следующее описание формальным составам: «если закон рассматривает преступление окончанным после совершения самого деяния (действия или бездействия), то такие составы называют формальными. Например, клевета (ст. 128.1 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), дезертирство (ст. 338 УК РФ) и многие другие преступления считаются окончанными после совершения самих действий, безотносительно к тому, повлекли ли они наступление каких-либо последствий или нет» [4].

Фактически потерпевшему от клеветы не наносится одновременный с преступлением вред. Однако любые преступления, в том числе и с формальными составами, не могут не повлечь за собой изменений в окружающей личность действительности. Но если состав является формальным — эти последствия не учитываются при квалификации преступления.

Следствием клеветы могут являться потеря рабочего места, моральные и нравственные страдания, повреждение здоровья, самоубийство и т.д.

На первый взгляд кажется, что «изобретать велосипед» незачем, так как в Российской Федерации вопросы ответственности за последствия клеветы не оставлены без регулирования.

Например, в случае самоубийства человека действует отдельный состав — статья 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». Однако при исследовании данной статьи учеными, в частности Глазковой Л. В., отмечалось, что «в отличие от угроз и жестокого обращения, унижение человеческого достоинства, как составная часть объективной стороны, исходя из закона, должно носить систематический характер. Единичный случай оскорбления или клеветы в адрес жертвы, по общему правилу, недостаточен для привлечения к уголовной ответственности по рассматриваемой статье» [5].

Важным в рамках исследуемой темы является вопрос применения положений статьи 63 УК РФ — подпункт «б» части 1 которой в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, называет наступление тяжких последствий в результате совершения преступления.

В соответствии с пунктом 3 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать указание на обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [3].

Вместе с тем, при анализе судебной практики в судебных актах чаще всего встречается фраза «обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных статьей 63 УК РФ, судом не установлено» [12, 14].

При этом нужно понимать, что в статье 63 УК РФ речь идет о последствиях, лежащих в сфере того объекта, охрана которого осуществляется конкретной уголовно-правовой нормой. Если же последствиями будут являться психологические, эмоциональные или нравственные страдания, то они, как верно указывает Семернева Н. К., «не могут вменяться в вину в уголовном порядке, так как выходят за рамки охраняемых уголовным законом общественных отношений» [10].

Но и на этот случай существует вариант решения — Верховным судом Российской Федерации разъяснено следующее: «привлечение лица к административной или уголовной ответственности за оскорбление или клевету (статьи 5.61 и 5.61.1 КоАП РФ, статья 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) не является основанием для освобождения его от обязанности денежной компенсации причиненного потерпевшему морального вреда» [п. 53, 11].

Опять же, чаще всего в материалах судебной практики встречается фраза «гражданский иск о взыскании компенсации морального вреда оставлен без удовлетворения» [13].

Отсутствие достаточного количества примеров из материалов судебной практики, научно-правовых исследований могут свидетельствовать об ограниченности применения вышеуказанных положений. При этом неверным было бы утверждать, что государство не защищает личность от последствий клеветы.

В связи с чем, представляется возможным сделать вывод о дискуссионном потенциале вопроса необходимости допол-

нения статьи 128.1 УК РФ данным квалифицирующим признаком.

Учитывая, что последствия клеветы находятся за пределами уголовно-правового состава, представляется принципиальной позиция Омельченко С.С. о том, что последствия клеветы нуждаются в правовой оценке и, по ее мнению, статью 128.1 УК РФ необходимо дополнить особо квалифицирующим признаком: «клевета, повлекшая тяжкие последствия» [7, с. 10]. Думается, это довольно конструктивное предложение, поскольку клевета, как указывалось ранее, может повлечь за собой последствия различного, порой даже непредвиденного характера. В контексте изложенного представляют интерес научные изыскания профессора Л.Л. Кругликова, который, проведя подробный анализ понятия «тяжкие последствия» в УК РФ, пришел к выводу, что для обозначения соответствующего квалифицирующего признака родовое понятие «тяжкие последствия» чаще всего используется без какой-либо расшифровки. Поэтому нередко в роли такого отягчающего признака состава преступления в УК РФ фигурируют одноименные виды последствий, не именуемые тяжкими, но по своей сути являющимися таковыми [6, с. 40]. Безусловно, учесть все возможные последствия клеветы не представляется возможным, однако закрепление тяжких последствий без их расшифровки может являться чрезмерно оценочной нормой. Вопрос об отнесении конкретных последствий содеянного к категории тяжких должен решаться судом с учетом всех обстоятельств дела.

При этом согласимся с позицией профессора Кругликова Л.Л., что во внимание должен приниматься только реально причиненный вред, причем не только непосредственно причиненный преступлением, но и отдаленный, дополнительный, наступивший не сразу [6, с. 40].

В связи с чем в случае рассмотрения вопроса о введении данного квалифицирующего признака особое внимание законода-

телю необходимо уделить проработке дословного нормативного закрепления указанного квалифицирующего признака.

В научной литературе также встречается иное мнение — об отсутствии необходимости не только во введении новых квалифицирующих признаков, но и в существовании статьи в целом в рамках уголовно-правового поля, в частности, Е.О. Рыбина указывает на декриминализацию основного состава: «по нашему мнению, неквалифицированные составы клеветы и оскорбления »не дотягивают« по степени и характеру общественной опасности до уголовно-наказуемых деяний, в связи с чем в диссертации предлагается исключить ч. 1 ст. 129 и ч. 1 ст. 130 из УК РФ (прим. статьи указаны на момент написания диссертации), что отвечало бы современным тенденциям гуманизации и демократизации уголовного законодательства. Возможность декриминализации основных составов клеветы и оскорбления оправданно и тем обстоятельством, что гражданское право содержит достаточно эффективные механизмы защиты данных нематериальных благ» [8, с. 23].

Нельзя не отметить, что введение квалифицирующих признаков по своей сути представляет собой усиление уголовной ответственности и не может быть результатом стремительных законодательных решений, в том числе учитывая особенности исторического развития исследуемой статьи и наличие споров вокруг нее.

Подчеркивая необходимость детального исследования проблем, связанных с вопросом законодательного закрепления последствий совершения такого преступления, как клевета, считаем целесообразным применить принцип дифференциации — стремиться найти баланс между «мягкостью» и «жесткостью» уголовного закона, оценивать общественную опасность клеветы, которая может неблагоприятно отразиться на потерпевшем, повлечь вред физическому и психическому здоровью человека, а также иные тяжкие последствия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 06.10.2022) // Российская газета. — 1993 г. — № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996 — № 25 — ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 24.12.2011 — № 52 — ст. 4921.
4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова; 3-е изд., перераб. и доп.). — М.: «Проспект» — 2021. [Электронный ресурс] // СПС: КонсультантПлюс (дата обращения 22.01.2023).
5. Глазкова Л. В., Шамбилова А. М. Объективная сторона доведения до самоубийства или покушения на него // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-storona-dovedeniya-do-samoubiystva-ili-pokusheniya-na-nego> (дата обращения: 20.01.2023).
6. Кленова, Т.В. Путь института уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности / Т.В. Кленова. — Текст: непосредственный // Прогресс и преемственность в уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года). — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. — С. 150–161.
7. Кругликов, Л.Л. Тяжкие последствия в уголовном праве: объективные и субъективные признаки / Л.Л. Кругликов. — Текст: непосредственный // Уголовное право. — 2010. — № 5. — С. 38–46.
8. Омельченко, С.С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: специальность 12.00.08 «уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридиче-

- ских наук / Омельченко С. С.; Московская государственная юридическая академия. — Москва, 2008. — 27 с. — Текст: непосредственный.
9. Рыбина, Е. О. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации: специальность 12.00.08 «уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рыбина Е. О.; Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия правосудия». — Москва, 2009. — 26 с. — Текст: непосредственный.
 10. Семернева Н. К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие — Москва: Проспект; Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия — 2010. 296 с. — [Электронный ресурс] // СПС: КонсультантПлюс (дата обращения 21.01.2023).
 11. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 [Электронный ресурс] // СПС: КонсультантПлюс (дата обращения 20.01.2023).
 12. Апелляционный приговор Юстинского районного суда Республики Калмыкия от 21.02.2022 по делу № 10–3/20212 [Электронный ресурс] // СПС: КонсультантПлюс (дата обращения 21.01.2023).
 13. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2022 № 77–806/2022 [Электронный ресурс] // СПС: КонсультантПлюс (дата обращения 22.01.2023).
 14. Апелляционное постановление Кировского районного суда города Перми от 30.06.2022 по делу № 1–17/2022, 10–25/2022 [Электронный ресурс] // СПС: КонсультантПлюс (дата обращения 21.01.2023).

Административная ответственность за правонарушения, посягающие на права несовершеннолетних

Жуковская Дарья Андреевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье автором рассматриваются проблемы административной ответственности за правонарушения, посягающие на права несовершеннолетних. Анализируются нормы законодательства Российской Федерации, выявляются проблемы в данной сфере.

Ключевые слова: ответственность, права несовершеннолетних, административное правонарушение, преступление.

В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации», ребёнку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, Семейным кодексом Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Чтобы обеспечить реализацию прав ребёнка на защиту, в том числе и от родителей, иных законных представителей или иных граждан, а также должностных и юридических лиц, законодательством Российской Федерации предусмотрена возможность применения мер ответственности к виновным лицам.

Административная ответственность наступает в случае совершения лицом противоправного, виновного действия либо бездействия физического или юридического лица, за которое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Такая категория административных правонарушений, как неисполнение родителями или иными законными представите-

лями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, продолжает оставаться острой проблемой российского государства на протяжении многих лет.

Конвенцией о правах ребенка провозглашено, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания.

Семейный кодекс Российской Федерации в соответствии с положениями Конвенции о правах ребенка к основным принципам семейного законодательства относит приоритет семейного воспитания детей, заботу об их благосостоянии и развитии, закрепляет право каждого ребенка жить и воспитываться в семье.

Требование установления ответственности родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и развитию ребенка предусмотрено ст. 18, 27 Конвенции о правах ребенка. В развитие данных норм в рамках российского законодательства за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей предусмотрена административная ответственность пост. 5.35 КоАП РФ.

В группу правонарушений, посягающих на права и законные интересы несовершеннолетних, в первую очередь входят адми-

нистративные правонарушения, состав которых предусмотрен рядом статей главы 5 Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях:

1) неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних;

2) неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей;

3) нарушение порядка или сроков предоставления сведений о несовершеннолетних, нуждающихся в передаче на воспитание в семью либо в учреждения для детей-сирот или для детей, оставшихся без попечения родителей;

4) незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью.

Более подробно остановимся на административном правонарушении, предусмотренном в статье 5.35 КоАП РФ.

Согласно ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних, влечет административное наказание в виде предупреждения или наложение административного штрафа в размере от 100 до 500 рублей. Многие авторы отмечают, что зачастую применение подобной санкции является малоэффективным средством воздействия на правонарушителя.

Многие авторы предлагают ужесточить меру административного наказания путем увеличения размера административного штрафа. Так, например, Л. Ю. Михеева отмечает, что ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в действующей редакции «предусматривает ничтожно малые санкции к родителям и замещающим их лицам, несообразные объему причиненного их действиями вреда... Как представляется, следует повысить размер штрафов» [9].

Как представляется, следовало бы «кроме уже действующих санкций — предупреждения или наложения административного штрафа от 100 до 500 руб.— применить такую меру ответственности, как обязательные работы. Обязательные работы — более жесткий способ воздействия на правонарушителей, который будет дисциплинировать их в рамках исполнения самого наказания, поскольку уклонение лица от отбывания обязательных работ образует самостоятельный состав административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 4 ст. 20.25 КоАП РФ» [3].

В завершении нужно отметить, что обозначенные проблемы применения отдельных норм института административной ответственности за правонарушения, посягающие на права и законные интересы несовершеннолетних необходимо устранять путем усовершенствования законодательных положений, тем самым создав правовую основу для обеспечения необходимой защиты каждому ребенку его прав и интересов, так как именно от подрастающего поколения зависит будущее каждой отдельно взятой семьи и государства в целом.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195 — ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета от 4 июля 2020 года № 144
3. Ергашев Е. Р., Бобина Р. В. Проблемы профилактики семейного неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / Е. Р. Ергашев, Р. В. Бобина // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3. С. 59–63.
4. Михеева Л. Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства / Л. Ю. Михеева // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16–24.

Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе

Искендерова Анжелика Зауровна, студент;
Басманова Наталья Владиславовна, студент;
Лебедева Ольга Николаевна, старший преподаватель
Вятский государственный университет (г. Киров)

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе. Автором предложены пути решения исследуемых проблем. Проведены исследования мнений теоретиков и практиков по вопросу процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве. Анализируется статья 45 Гражданского Процессуального Кодекса и Федеральный Закон «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 N2202-1.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, гражданское судопроизводство, закон, сторона, заявление, Гражданский Процессуальный Кодекс, ГПК.

Actual problems of the prosecutor's participation in the civil process

Iskenderova Angelika Zaurovna, student;
Basmanova Natalia Vladislavovna, student;
Lebedeva Olga Nikolayevna, senior teacher
Vyatka State University (Kirov)

This article discusses the actual problems of the prosecutor's participation in the civil process. The author suggests ways to solve the problems under study. Studies of the opinions of theorists and practitioners on the issue of the procedural position of the prosecutor in civil proceedings have been conducted. Article 45 of the Civil Procedure Code and the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» dated 17.01.1992 N2202-1 are analyzed.

Keywords: prosecutor, civil procedure, civil proceedings, law, party, statement, Civil Procedure Code, CPC.

Прокуратура Российской Федерации защищает конституционные и иные права и законные интересы граждан, общества и государства в целом, участвуя в гражданском процессе. Данная норма установлена Федеральным Законом «О прокуратуре РФ» [3]. Обеспечивается это тем, что прокурор предъявляет в суд заявления, участвует в разбирательстве дел и даёт решения по гражданским делам.

Он содействует осуществлению целей правосудия и выполнению конкретных задач, стоящих перед судом, при серьезном соблюдении принципа независимости арбитров и подчинения их только закону. Судебная защита гарантирует достижение справедливости, правды и использование мер государственного принуждения при восстановлении нарушенных или же ущемленных прав, интересов человека и гражданина. Поэтому, значимость судебной защиты прав, свобод и интересов граждан, общественных интересов велика.

Вопросы, касающиеся участия прокурора в гражданском судопроизводстве, интересуют многих ученых и юристов. А в последние годы эти вопросы стали подвергаться критике как европейских, так и российских ученых.

Правовое положение прокурора в гражданском судопроизводстве

Исследуя мнения теоретиков и практиков по вопросу процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве, авторы выделили несколько мнений. Первое гласит, что прокурор считается стороной (истцом) [4]. В обоснование этой позиции приводится аргумент, что тот, кто возбудил процесс, выступает как истец, а, значит, как сторона по делу. Допустим, прокурор подал заявление в суд, значит, он становится стороной в данном процессе, а именно-истцом, потому что иск прокурора подразумевает присутствие ответчика, являющегося стороной по делу, а если есть ответчик, то должен быть и истец, также прокурор вступает в процесс для защиты нарушенного вещественного права. А. А. Ференц — Сороцкий отмечает, что «взаимоотношения суда с прокурором определяются так же, как и взаимоотношения со стороной, прокурор и частное лицо выступают как соистцы» [6].

Заметим, в гражданском процессе прокурор пользуется правами и обязанностями истца, но никакие материально-правовые результаты суда на него не распространяются и личного

интереса в деле он не имеет. Так, В. Н. Щеглов считает, что «признание прокурора процессуальным истцом адекватно отражает его положение как активной стороны, наделенной правом поддержания иска с использованием всех предусмотренных законом средств и добивающейся таким путем восстановления нарушенных прав и охраняемых законом интересов» [7].

Прокурор всегда занимает самостоятельное процессуальное положение представителя государства и выполняет функции защиты и соблюдения законности в стране.

Признаки сторон (истца и ответчика) гражданского процесса:

1. Наличие заинтересованности, побудившей сторону к участию в гражданском судопроизводстве, которое оказывает влияние на её поведение, отстаивание своих прав, обязанностей и интересов. Желаемый исход разрешения дела.
2. Защита своих законных прав и интересов в ходе гражданского судопроизводства.
3. Право на обжалование решений суда в рамках защиты своих прав и интересов.

Признаки прокурора:

1. Не имеет личной заинтересованности в процессе.
2. Осуществляет защиту прав граждан, которые в силу своих личных причин не смогли сделать это самостоятельно или граждан, которые обратились к нему за защитой своих прав.
3. Может обжаловать решение суда для защиты указанных выше граждан.

Можно сделать вывод, что прокурор никак не взаимосвязан с признаками сторон, участвующих в деле. Следовательно, считать его стороной в деле, а именно истцом, неправильно. Действуя в рамках своих полномочий, прокурор всегда выступает от имени государства.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что вероятнее всего нужно внести в действующее законодательство некоторые поправки, а именно:

1. Примечание к положению части 1 статьи 45 ГПК РФ.
2. Дополнения в ФЗ «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 N2202-1, в части прямого указания о процессуальном статусе прокурора.

Усовершенствование статьи 45 ГПК

В процессе анализа законодательных актов были выявлены недостатки в статье 45 ГПК. Один из выявленных недостатков

связан с правом подачи прокурором исковых заявлений. О чем говорится в ч. 1 статьи 45 ГПК РФ о причинах, наличие которых не позволяет гражданину самому обратиться в суд с заявлением для защиты своих прав и законных интересов. [2]

Причины, по которым гражданин сам не может защищать свои права должны быть подтверждены прокурором на основании соответствующих доказательств. Проблемы возникают, когда судьи игнорируют представленные прокурором причины невозможности гражданину самому обратиться в суд и отказывают в принятии заявления. Для решения проблемы возможно дополнение статьи пунктом о том, что прокурор будет защищать интересы граждан только при веских причинах. Этот пункт избавит суды от необходимости каждый раз оценивать уважительность причин и снизит количество отказов.

Так, же проблематичным аспектом является процессуальное положение прокурора в гражданском процессе. Согласно ч. 2 статьи 45 ГПК РФ «прокурор обладает всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов», то есть можно сказать, что по правовому положению прокурор максимально приближен к истцу. Следует внести определенные уточнения, о том, что прокурор не выступает на чьей-либо стороне, а его участие необходимо в целях соблюдения законности.

Приведем пример из судебной практики.

В судебном процессе участвовал прокурор Локтевского района Алтайского края в интересах Вакулиной Т.И. к Комитету по образованию администрации Локтевского района Алтайского края, администрации Локтевского района Алтайского края о признании незаконными отдельных положений дополнительного соглашения к трудовому договору, признании бездействия незаконным и понуждении к совершению действия.

Суд решил исковые требования прокурора удовлетворить частично. Признать незаконным бездействие администрации Локтевского района Алтайского края.

Обязать администрацию Локтевского района Алтайского края принять правовой акт, устанавливающий порядок исчисления средней заработной платы для определения должностного оклада руководителей образовательных учреждений Локтевского района. В остальной части исковые требования прокурора Локтевского района Алтайского края оставить без удовлетворения. [8]

Исходя из анализа ч. 2 ст. 45 ГПК РФ, прокурор вправе отказать от иска, а в случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска. Эта часть нормы позволяет прокурору злоупотреблять предоставленным правом. Это создает опасность для лица, в интересах которого он участвует в гражданском процессе. В статье предусматрива-

ется, что рассмотрение дела по существу продолжается, но при этом искажается сама суть защиты нарушенного права гражданина. Так, как если бы гражданин сам мог защитить свои права, то он бы не обращался за защитой к прокурору. В связи с вышеуказанным есть предложение изменить ч. 2 ст. 45 и закрепить примерно в следующем виде — прокурор имеет право отказать от иска только по согласованию с лицом, в интересах которого было подано заявление. [5]

Еще одной рассматриваемой проблемой является возможность прокурора, который был извещен о дне и месте проведения судебного заседания, не приходить на него. В этом случае производство по делу все равно будет произведено, но при этом пострадает его полнота в отсутствие прокурора. В последующем это решение суда, принятое без прокурора из-за его неявки, не подлежит отмене при его пересмотре в апелляционном, кассационном суде. Одно из решений проблемы — это внести изменение в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ чтобы разбирательство дело в условиях неявки прокурора не могло быть продолжено. [2]

Также в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ стоит внести дополнения о праве прокурора обратиться со встречным иском к стороне. Так как выявив нарушения, прокурор должен отразить данный факт в заключении. После указания этого факта он должен изменить форму участия на обращение со встречным иском. Например, защита прав несовершеннолетних, жилищных прав граждан (о выселении, и др.), возмещение вреда, причиненного здоровью.

Изучение актуальных проблем, связанных с участием прокурора в гражданском процессе, позволяет внести в действующее законодательство некоторые поправки, а именно:

1. Добавить примечание к положению части 1 статьи 45 ГПК РФ.
 2. Внести дополнения в ФЗ «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 N2202-1, в части прямого указания о процессуальном статусе прокурора.
 3. Дополнить статью 45 ГПК РФ пунктом о том, что прокурор будет защищать интересы граждан только при веских причинах.
 4. Внести определенные уточнения, о том, что прокурор не выступает на чьей-либо стороне, а его участие необходимо в целях соблюдения законности.
 5. В ч. 2 ст. 45 ГПК РФ закрепить возможность прокурора отказать от иска только с согласия защищаемого лица.
 6. Внести изменение в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ чтобы разбирательство дело в условиях неявки прокурора не могло быть продолжено.
 7. В ч. 1 ст. 45 ГПК РФ стоит внести дополнения о праве прокурора обратиться со встречным иском к стороне, что позволит повысить эффективность участия в гражданских делах.
- Внесение вышеперечисленных изменений позволит увеличить эффективность деятельности прокурора по защите прав граждан и решить проблемы применения статьи 45 ГПК РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 01.07.2020 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N31, ст. 4398.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 05.12.2022)
3. Федеральный Закон от 17.01.1992 г. № 2202-01 (ред. от 30.10.2018) «О прокуратуре РФ» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; СЗ РФ. 2013. № 7. Ст. 901; 2018. № 45; Ст. 6829.
4. Гришин Н. Процессуальное положение прокурора в гражданском процессе // Социалистическая законность. 1954. № 12. С. 50–51., Строгович М. С. О системе науки судебного права // Советское государство и право. N3. С. 66–67.
5. Туманьянц Э. А. Особенности участия прокурора в гражданском процессе // В сборнике: Сборник научных трудов кафедры правовой культуры и защиты прав человека Сборник научных работ преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Ставрополь, 2018.
6. Ференц-Сороцкий А. А. Прокурор в гражданском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 4. С. 91–95
7. Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск. Издательство Томск. Ун-та, 1979. С. 103–104
8. [https://nalogcodex.ru/sud_pract/sou/reshenie-loktevskogo-rayonnogo-suda-\(altayskiy-kray\)-ot-24.05.2016-_2-259_2016](https://nalogcodex.ru/sud_pract/sou/reshenie-loktevskogo-rayonnogo-suda-(altayskiy-kray)-ot-24.05.2016-_2-259_2016)

Квалификация преступлений, совершенных военнослужащими

Мамаев Ибрагим Магматович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена исследованию проблемы уголовной ответственности и преступлениям, совершенным военнослужащими, по уголовному законодательству РФ. Рассмотрены нормы, которыми осуществляется уголовно-правовое регулирование общественных отношений, связанных с военнослужащими. Более широко раскрыто понятие преступления против военной службы по Уголовному кодексу Российской Федерации, рассмотрены специфические признаки преступления против военной службы, а также группы преступлений против военной службы, предусмотренные в гл. 33 УК РФ, и проблемы, возникающие при квалификации преступлений против военной службы.

Ключевые слова: преступления против военной службы, проблемы уголовной ответственности, квалификация преступлений против военной службы, порядок несения и прохождения военной службы.

Согласно положениям Конституции Российской Федерации (ст. 67) защита суверенитета и территориальной целостности РФ — важнейшая функция государства, дело всего российского народа [1]. Поэтому военная безопасность является одним из основополагающих условий реализации права народа на самоопределение, сохранение государства и обеспечение его устойчивого развития на основе ценностей демократии, верховенства права, свободы, достоинства, безопасности и процветания граждан всех национальностей.

Стратегией военной безопасности РФ как главная цель, в частности, определена заблаговременно подготовленная и всесторонне обеспеченная всеобъемлющая оборона на основе сдерживания, устойчивости и взаимодействия, что обеспечивает суверенитет и территориальную целостность государства. Это достигается способностью системы управления государством, сил обороны, национальной экономики, инфраструктуры и общества быстро восстанавливаться и адаптироваться к изменениям в среде безопасности и к длительному противостоянию в предоставлении отпора и сдерживания вооруженной агрессии, поддержанием способностей к осуществлению стратегического развертывания, территориальной обороны, движению сопротивления путем гармоничного развития всех составляющих военного резерва человеческих ресурсов с сочетанием возможностей оперативного и мобилизационного резерва, к которым отнесены резервисты, военнообязанные и граждане, добровольно участвующие в обеспечении

национальной безопасности и обороны, входящие в общественный резерв.

Эффективное решение указанных задач становится возможным, в том числе, при анализе практики расследования уголовных правонарушений, связанных с уклонением от военной службы, как в сфере обеспечения призыва и мобилизации и военных преступлений, и формирование на этой основе адекватной современным условиям методики расследования.

Сегодня совершение уголовных правонарушений военнослужащими становится проблемой, требующей наиболее пристального внимания не только со стороны органов государственной власти, но и общественности. Более того, значение предотвращения преступности в Вооруженных Силах объясняется большим ростом количества совершенных военнослужащими уголовных правонарушений как против установленного порядка несения военной службы, так и других общеуголовных правонарушений, совершаемых ими в Вооруженных Силах РФ.

Система преступлений против военной службы имеет важное как практическое, так и теоретическое значение в современности. Система преступлений против военной службы отделяет военные преступления от других преступлений, являющихся условием для их правильной квалификации, олицетворяющей право законности в уголовном праве. Нормы военно-уголовного законодательства сближены с нормами общего уголовного права, реализующими принцип законности в сфере уголовно-правового регулирования военно-служебных отношений [3, с. 3].

В ст. 331 УК РФ дано развернутое определение преступления против военной службы: «Преступлениями против военной службы признаются предусмотренные настоящей главой преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов» [2].

Определение в УК РФ понятие преступления против военной службы обусловлено также необходимостью отграничения этих преступлений от смежных с ними деяний.

Существуют специфические признаки преступления против военной службы, а именно: 1) объект посягательства; 2) субъект; 3) уголовная противоправность. При отсутствии одного из указанных признаков деяние не может быть квалифицировано как преступление против военной службы.

Установленный законодательством порядок несения и прохождения военной службы (военный порядок) — это совокупность возникающих в процессе жизни и боевой деятельности войск, общественных отношений, закрепленных в законах, военных уставах, положениях о прохождении службы разными категориями военнослужащих и других актах законодательства.

Субъектами преступлений против военной службы могут быть только военнослужащие, а также военнообязанные во время прохождения ими соответствующего сбора.

Военнослужащие — лица, которые проходят военную службу в Вооруженных Силах РФ и других военных формированиях. Военная служба является государственной службой особого характера, которая заключается в профессиональной деятельности пригодных к ней по состоянию здоровья и возрасту граждан РФ, связанной с защитой Отечества.

Более проблемным признаком преступления против военной службы является общий объект преступления, поскольку, не признав понятия общего объекта преступления, невозможно рассмотреть виды данного объекта, а именно: родового, видового и непосредственного. Эта проблема встала и перед учеными, которые и сегодня по-разному трактуют и раскрывают объект преступления против военной службы. Вообще в теории в совершенстве не раскрыт данный вопрос [3, с. 4].

Предусмотренные в гл. 33 УК РФ преступления против военной службы можно разделить на следующие группы [2]:

- 1) преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими (ст. 332–336);
- 2) уклонение от военной службы (ст. 337–339);
- 3) преступления против порядка несения специальных служб (ст. 340–344);
- 4) преступления против порядка использования и сохранения военной техники и другого военного имущества (ст. 345–348);

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СЗ РФ. 2020. № 43. Ст. 4198.

5) преступления против порядка обращения с оружием и эксплуатации военной техники (ст. 349–352).

Сложность разграничения военных преступлений от смежных преступлений возникает при решении вопросов уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы. Нормы, предусматривающие ответственность за эти преступления, находятся в отношениях конкуренции специальных и общих норм. Применяться в таких случаях должны специальные нормы, то есть предусматривающие ответственность за военные преступления.

Родовым объектом рассматриваемых правонарушений являются общественные отношения, обеспечивающие охрану установленного законодательством порядка несения и прохождения военной службы. Этот порядок обязывает военнослужащих как срочной и контрактной формы постоянно находиться в расположении воинской части или другого места службы и не оставлять их без разрешения соответствующего руководителя [4, с. 155].

При квалификации совершенных военнослужащими деяний необходимо обращать внимание на изучение уважительных причин совершения данного вида уголовного правонарушения.

Также определяя понятие военного уголовного правонарушения следует акцентировать внимание именно на двух основных признаках, отличающих составы исследуемых уголовных правонарушений от других составов, во-первых, это особый характер объекта противоправного посягательства — установленный порядок несения военной службы, во-вторых, особый субъект уголовного правонарушения — военнообязанный, военнослужащий или резервист. При этом только наличие этих двух признаков может указывать на то, что деяние является военным уголовным правонарушением.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что признаки состава военного преступления находят свое определение и текстуальное закрепление в диспозиции определенной статьи раздела XI УК РФ). Все признаки состава военного преступления могут быть сгруппированы в единицы более высокого (по степени обобщения) уровня, образующие структуру данного преступления: объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект преступления, получивших название «элементы состава преступления». Они являются обязательными структурными единицами преступления. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов будет свидетельствовать об отсутствии состава преступления против военной службы и, таким образом, преступления в целом, а потому и об отсутствии основания уголовной ответственности.

Следовательно, для установления основания уголовной ответственности в совершенном общественно опасном деянии, посягающем на установленный порядок несения военной службы, нужно установить наличие состава военного преступления: всех его обязательных элементов и признаков.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 25, ст. 2954
3. Данилов, П. С. Система преступлений против военной службы и перспективы ее совершенствования / П. С. Данилов. — Автореф. дис... к.ю.н. — Омск, 2019—23с
4. Малинин, В. Б. Понятие и виды преступлений против военной службы / В. Б. Малинин, В. П. Бодаевский // Ленинградский юридический журнал. — 2019. — С. 152–159

Законность как правовая категория

Мокина Алена Ивановна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Прежде чем обратиться к анализу сущностного содержания категории «законность», автор считает необходимым обратиться к истории появления данного термина в России. По мнению Т. Ю. Ермоловой, «появлению и утверждению в государственной и общественной практике понятия «законность» в России способствовал Указ Петра I от 12 января 1722 года, согласно которому была образована прокуратура, отвечающая за строгое и точное соблюдение всех установлений, исходящих от государя, а затем и от высших государственных органов. Строгое соблюдение законов государства, надзор за которыми был возложен на прокуратуру, в последующем стало трактоваться как надзор за законностью, а сама законность — как точное и строгое соблюдение действующих законов» [8, с. 51].

Опыт показывает, что беззакония творятся и при наличии органов надзора за законностью в системе органов государственной власти, а иногда и при непосредственном участии в правонарушении работников данного ведомства.

Как правовая категория законность — это явление многогранное. Одним из проявлений законности является то, что законность представляется в качестве определенного состояния государства и общества, достигаемого ими на высоком уровне их эволюционного развития. При этом важно подчеркнуть, что никакое государственное образование первоначально не возникло как государство законности. Достижение такого состояния — это всегда сложный процесс поступательного развития правовой культуры в широком смысле.

В своем учебнике по общей теории государства и права профессор М. Н. Марченко отмечает, что «в числе важнейших признаков и черт правового государства — не только создание, но и поддержание в обществе режима демократии, законности и конституционности, предотвращение попыток узурпации власти, сосредоточения ее в одних или нескольких руках» [6, с. 143].

Такое утверждение способствует возникновению обширного поля для дискуссий о природе законности. В первую очередь обращает на себя внимание очевидная связь между категорией «правовое государство» и категорией «законность», причем категория «законность» в данной системе является производной от «правового государства». Таким образом, законность как состояние общественной жизни может возникнуть только в правовом государстве.

С. С. Пчелинцев указывает, что законность чаще всего определяется в юридической литературе как:

— своеобразный политико-правовой режим общественной жизни;

— принцип деятельности государственных органов;

— строгое, точное и неуклонное соблюдение и исполнение требований правового акта;

— совокупность взаимосвязанных элементов, выражающих объективные потребности жизнедеятельности и развития требований общества, государства и права к деятельности участников общественных отношений [7, с. 58].

В общем и целом следует согласиться с теоретической доктриной относительно исследования данной юридической категории, которая широко описывается в научной литературе, но при этом следует отметить, что в настоящее время возникла необходимость обратиться к устоявшимся точкам зрения относительно категории «законность», а также разработать адекватные современным условиям и потребностям административно-правовые средства поддержания и укрепления законности в системе МВД России.

Полагаем, что в настоящее время проблему укрепления законности нельзя исследовать отдельно от проблем противодействия коррупции и укрепления дисциплины в органах власти и управления, а также проблемы построения развитого, демократического, суверенного и социально ориентированного правового государства. Следует признать, что именно условия правового государства — это самая благоприятная среда для возникновения и существования режима законности. Таким образом, правовое государство представляется как своеобразная оболочка законности.

В свою очередь, законность как явление общественной и государственной жизни возникала и развивалась постепенно, эволюционировала от простых форм к сложным формам и проявлениям. В связи с этим В. М. Лесной отмечал, что законность не существовала всегда.

Впервые категорию законности мы встречаем у известных правоведов и идеологов правового государства Г. Гроция, Ш. Монтескье, Ж. Руссо, которые исследовали буржуазно-демократические принципы и описали их в своих работах [5, с. 168].

Следовательно, только в правовом государстве законность как явление общественной жизни может эффективно существовать. Исходя из этого, вполне верен тезис о том, что правовое государство и законность находятся в тесной диалектической взаимосвязи.

Категорию законность следует рассматривать как цель правового государства, его основополагающий результат, достигаемый только в процессе последовательного развития государства и общества. Думается, что большинство государств должны стремиться к такому результату. Тем ни менее в силу разных причин для некоторых политических систем эта цель так и остается целью.

Следует согласиться с С. П. Булавиным, который смотрит на законность именно с государственно-правовой точки зрения, а также отмечает, что законность нужна не сама по себе, она должна служить людям и обществу в целом.

Он также пишет о том, что законность — это основа демократического режима правового государства, предполагающего верховенство правового закона в общественной жизни, состоящего в требованиях строгого и неуклонного соблюдения всеми субъектами общественных отношений правовых законов и основанных на них подзаконных актов, обеспечивающих гарантированность и охрану прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства [1, с. 137].

Как отметил Д. А. Ягофаров в своей монографии, законность — это «... многоаспектное социально-правовое явление, представляющее собой принцип, метод и режим реализации правовых норм, содержащихся в законах и основанных на них подзаконных актах, всеми участниками общественных отно-

шений, характеризующее наличие в государстве правового законодательства, прежде всего конституционного, а также эффективную защиту действий Конституции и соответствующих ей законов» [10, с. 54].

В свою очередь А. С. Шабуров считает, что «законность есть комплексное политико-правовое явление, отражающее правовой характер организации общественно-политической жизни, органичную связь права и власти, права и государства» [9, с. 152]. С таким определением понятия «законность» можно согласиться, т.к. «законность» зачастую выступает связующим звеном между различными государственно-правовыми явлениями и процессами.

С. А. Комаров дает следующее определение понятию «законности» как «режим, принцип, метод государственного руководства обществом, состоящий в издании и проведении в жизнь законов и иных нормативно-правовых актов в интересах определенного класса, социальных групп или народа в целом» [3, с. 169].

Исходя из вышеизложенного можно сделать выводы, что законность, является фактором, упорядочивающим различные общественные отношения и процессы, делает их четкими и предсказуемыми, что дает возможность избежать хаоса и неразберихи в правоприменительной, а тем более в правоохранительной деятельности.

Литература:

1. Булавин С. П. Юридические гарантии законности в СССР и место органов внутренних дел в механизме их реализации: дис. канд. юрид. наук. — М., 1991. — С. 153.
2. Гойман В. И. Общая теория права и государства: учеб. для студентов вузов / под ред. В. В. Лазарева. — М.: Юристъ, 2005. — С. 40.
3. Комаров С. А. Общая теория государства и права. — М., 1996. — С. 269.
4. Кудрявцев В. Н. Законность: содержание и современное состояние // Законность в Российской Федерации. — М., 1998. — С. 4.
5. Лесной В. М. Советская социалистическая законность. — М., 1959. — С. 10.
6. Марченко М. Н. Общая теория государства и права: в 3 т. — М.: Зерцало — М, 2001. — Т. 1 — С. 369.
7. Пчелинцев С. С. Реализация принципа законности на государственной службе в контексте правового государства: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук. — М., 2010.
8. Рябцев В. П. Соотношение понятий «законность», «правопорядок», «преступность» / В. П. Рябцев, Т. Ю. Ермолов, А. Х. Казарина // Законность в Российской Федерации. — М.: Контракт, — 2018.
9. Теория государства и права / Алексеев С. С., Архипов С. И., Игнатенко Г. В., Шабуров А. С. — М., 2002. — С. 256.
10. Ягофаров Д. А. Категории и понятия общей теории государства и права. — Екатеринбург, 1995. — С. 54.

Разбой: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации

Морозов Максим Иванович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье рассматриваются основное понятие разбоя, толкование отдельных понятий признаков разбоя, а также разграничение разбоя от смежных составов преступлений.

Ключевые слова: разбой, грабеж, вымогательство, бандитизм.

Борьба против преступлений, которые посягают на право собственности, превратилась в одну из самых актуальных проблем юридической практики.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности за 2016–2021 год, стабильно половину всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества,

совершенные путём: кражи, мошенничества, грабежа, разбоя и, как следствие — необходимостью усиления уголовно-правовых мер борьбы с ними. В частности, за 2018 год было зарегистрировано 13,2 тыс. разбойных нападений, за 2019 год их число увеличилось и составило 14,2 тыс., за 2020 год — 14,5 тыс., за 2016 год — 15,1 тыс. [1].

Разбой, это наиболее опасная форма преступлений против собственности, поскольку сопряжен с насилием, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия и борьба с ним остается актуальной темой и на сегодняшний день.

Точная квалификация, эффективность правильного применения уголовного закона, имеет большое значение для своевременного выявления, раскрытия преступления и привлечения виновного лица к ответственности.

В практической деятельности правоприменительных органов существует проблема разграничения разбоя от смежных составов преступлений. Особенно проблемно разграничить в той части, где составы имеют схожие признаки, таких как грабеж с применением насилия, вымогательство с применением насилия, бандитизм, в связи с чем возникает необходимость в глубоком исследовании уголовно-правовой характеристики разбоя, а также устранению пробелов в действующем законодательстве.

Среди историков, социологов, юристов до сих пор возникают многочисленные противоречия по толкованию отдельных понятий признаков разбоя, в связи с чем необходимо более всесторонне исследовать данные вопросы.

Согласно ч. 1 ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации — разбой есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Разбой признается одним из наиболее опасных видов преступлений, направленных против собственности, поскольку сопряжен с таким фактором как насилие.

Насилие — это обязательная составляющая разбоя. В данном случае имеются в виду действия, которые угрожают жизни и (или) здоровью потерпевшего. Как правило, насилие в данном преступном деянии используется с целью «устранения» препятствия, мешающего совершению преступления. Таким образом, насилие может быть применено как к собственнику имущества, так и к любому иному субъекту, который «мешает» преступлению (охраннику и т.п.).

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуются умышленной виной, при этом вид умысла является прямым. Имеется в виду, что преступник не просто совершает насильственное нападение, но также желает его совершить. Немаловажно, что виновный, исходя из корыстных мотивов, преследует закрепленную в законе цель завладения чужим имуществом. Если рассматривать данный вопрос с точки зрения психологии, то речь пойдет о мотивации, которая завязана, в данном случае, на волевой активности, формирующей сочетание побуждений и желаний человека, которые и составляют мышление человека как ключевую психологическую функцию человека. [2, с. 143] Суть заключается в том, что действие не просто осознанное — оно умышленное, то есть, желаемое, возможно, даже запланированное.

Так, Елисеев С. А. отмечает, «что хищение (в любых его формах) — умышленное преступление. Оно совершается с прямым умыслом. О прямом умысле говорит цель завладения чужим имуществом — корыстная цель» [2, с. 44].

По мнению С. М. Кочои, «обязательным субъективным признаком разбойного нападения является цель — незаконное обогащение; следовательно, при разбое возможен только прямой умысел» [3, с. 41].

Таким образом, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо осознает, что совершает нападение, которое соединено с насилием, опасным для здоровья или для жизни, или с угрозой применения этого насилия в отношении потерпевшего гражданина, и желает его совершить.

Для наличия прямого умысла при разбое необходима совокупность следующих признаков:

— осознание общественной опасности своего деяния — лицо отдаёт себе отчет в своих действиях, оценивая и понимая не только фактическую сторону происходящего, но и вредность своего поведения для общественных отношений.

— предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий своих действий.

— волевой признак умысла характеризуется желанием наступления общественно опасных последствий, т.е. субъект желает противоправно завладеть чужим имуществом при разбойном нападении (изъять его из чужого владения и обратить либо в свою пользу, либо в пользу иных лиц).

Наиболее точно определяет содержание корыстной цели Н. А. Лопашенко. Так, автор пишет: «Корыстная цель в хищении налично, если виновный:

- стремится к личному обогащению;
- стремится к обогащению людей, с которыми его связывают личные отношения;
- стремится к обогащению соучастников хищения;
- стремится к обогащению людей, с которыми он состоит в имущественных отношениях» [4, с. 147].

Субъектом разбоя является признанный полностью вменяемым гражданин в возрасте от 14 лет. Вменяемость включает в себя психическое состояние человека, которая развита у человека на том уровне, при котором он может жить и взаимодействовать с обществом, не причиняя никакого вреда. Важно понимать, что психологическая составляющая личности на вменяемость практически не влияет. Вменяемость определяет факт того, какое наказание должен понести человек: ответить перед судом, или отправиться на лечение (в том числе, и принудительное). Таким образом, если психика человека в нормальном состоянии, однако психологически он нестабилен (например, был расстроен, зол и т.д.), то здесь не всегда вместо уголовного наказания, например, можно добиться лечения. Опираясь следует на то, что вменяемый человек даже в крайне расстроенном состоянии должен понимать, что причинять вред имуществу и здоровью другого человека — это неправильно и недопустимо.

Объективные признаки разбоя выражены в нападении с целью хищения чужого имущества, которое было совершено с применением насилия, опасного для здоровья либо жизни по-

терпевшего гражданина, или же с угрозой применения этого насилия.

Объективная сторона разбоя заключается в тайном или в открытом нападении на потерпевшего гражданина, которое было совершено с применением насилия, опасного для здоровья и жизни, или же с угрозой применения этого насилия в целях незаконного завладения имуществом.

Следовательно, к признакам объективной стороны разбоя относятся:

- нападение
- нападение совершается с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия.

«Центральным признаком разбоя является нападение. Понятие «нападение» на сегодняшний день законодательно не закреплено и остается дискуссионным среди ученых. Обычно в него включают такие признаки, как внезапность, агрессивность, неожиданность» [5, с. 272].

У А. И. Рарога придерживается мнения — «нападение означает открытое либо скрытое неожиданное агрессивно-насильственное воздействие на собственника, иного владельца имущества либо на другое лицо, например, сторожа» [6].

И. Г. Соломоненко определяет нападение как активное и неожиданное для потерпевшего агрессивное воздействие, создающее реальную опасность немедленного и непосредственного применения насилия над личностью, подвергшегося нападению, с целью хищения чужого имущества.

Т. И. Нагаева дает общее понятие нападению, которое распространено на все составы преступления, где оно возможно: «Нападение — это процесс неспровоцированного открытого или скрытого противоправного насильственного воздействия на потерпевшего, совершаемый против или помимо его воли, либо на объекты, указанные в законе, и направленный на достижение преступной цели».

Таким образом, нападение обладает следующими чертами:

- оно представляет собой внешнее агрессивное воздействие на потерпевшего;
- является внезапным, неожиданным для потерпевшего;
- носит насильственный характер (насилие может быть как физическим, так и психическим);
- насилие является опасным для жизни или здоровья потерпевшего.

В научной литературе существует две точки зрения о соотношении понятий «нападение» и «насилие» в составе разбоя. Согласно первой точки зрения, нападение и насилие являются равнозначными понятиями.

Так, Г. Л. Кригер считает, что «сущность у нападения и насилия одна — это способ завладения чужим имуществом, т.е. насилие и нападение неотделимы друг от друга». По ее мнению, «одновременное указание в законе на нападение и на насилие объясняется неудачной редакцией закона» [7, с. 80]. Сущность другой точки зрения заключается в том, что «насилие и нападение при разбое являются не равнозначными понятиями».

Так, по мнению С. Кочои «нападение» и «применение насилия» в составе разбоя в соответствии с законом являются

самостоятельными, но в то же время взаимосвязанными действиями». С ним солидарны Г. И. Чечель и М. К. Алиев.

В. Г. Шумихин, В. И. Симонов считают, что «нападение является первым этапом разбоя, которое характеризуется быстрыми, стремительными, агрессивными действиями, направленными против потерпевшего, второй же этап — применение физического или психического насилия» [8, с. 48]. Данная точка зрения, подтверждает самостоятельность нападения, которое представляет собой определенные действия, предшествующие насилию.

Кригер Г. Л. и Гугучия М. Б. считают, что любое применение к потерпевшему одурманивающих средств, опасные для здоровья либо жизни потерпевшего, должны квалифицироваться как разбой. [7, с. 76].

Следующим признаком объективной стороны разбойного нападения является «насилие», которое применяется при нападении с целью хищения чужого имущества, при этом насилие может быть как физическим, так и психическим.

Насилие — это действие физической силы, причиняющее или предназначенное для причинения вреда. Ущерб, причиняемый насилием, может быть физическим, психологическим или тем, и другим. Насилие можно отличить от агрессии, более общего типа враждебного поведения, которое может носить физический, словесный или пассивный характер.

Насилие также можно классифицировать по его мотивам. Реактивное или эмоциональное насилие обычно включает в себя выражение гнева — враждебного желания причинить кому-то боль — которое возникает в ответ на предполагаемую провокацию. Проактивное, или инструментальное насилие более расчетливо и часто совершается в ожидании какого-то вознаграждения.

Американский психолог Кеннет Додж обнаружил, что эти два типа насилия связаны с различными физиологическими состояниями: человек, совершающий реактивное насилие, испытывает повышенное возбуждение вегетативной нервной системы (то есть учащение пульса и дыхания, потливость), тогда как человек, совершающий акт активной агрессии испытывает низкое вегетативное возбуждение.

Согласно положениям ч. 3 и ч. 4 ст. 162 Уголовного кодекса РФ к особо квалифицирующим признакам совершения разбоя относится следующий ряд преступлений:

- Преступление, которое было совершено при условии незаконного проникновения в жилище, а также любое другое помещение, принадлежащее потерпевшему (или связанному с ним).
- Преступление, которое совершено в крупном размере или особо крупном размере (хищение, ограбление и пр.)
- Преступление, которое было совершено организованной группой (по предварительному сговору или без).
- Преступление, которое было совершено с причинением вреда здоровью или жизни потерпевшего.

Согласно п. «а» ч. 4 ст. 162 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за совершение разбоя организованной группой лиц. В силу ч. 3 ст. 35 Уголовного кодекса РФ преступное деяние признается совершенным организованной группой лиц, в случае если такая группа лиц была устойчивой

и заранее объединилась в целях совершения одного либо нескольких преступлений.

Следует отметить ряд признаков, свидетельствующих об устойчивости организованной группы, прослеживаются как в комплексе, так и в отдельности:

- достаточно тщательная подготовка и планирование преступления;
- высокая степень организованности;
- принятие мер для сокрытия деяния;
- подчиненность группы указаниям организатора и соблюдение дисциплины;
- отбор соучастников для совершения преступления;
- разделение ролей среди участников;
- значительный временной период жизни группы;
- техническая укомплектованность;
- многократность совершения преступных деяний участниками группы.

Зачастую встает вопрос, каким образом следует квалифицировать преступление, а именно как разбой, совершенный вооруженной организованной группой, либо как бандитизм, предусмотренный ч. 1 ст. 209 Уголовного кодекса РФ. Между учеными в сфере уголовного права отсутствует единое мнение по данному вопросу.

К примеру, В. Т. Батычко отмечает в качестве обязательного признака банды, которые дает провести грань между бандитизмом и разбоем, устойчивость группы. [9, с. 45]

Об устойчивости банды можно говорить, когда ее состав стабилен, участники группы находятся в сплоченном положении, форма группы и способы совершения преступлений имеют постоянный характер. Помимо этого, вооруженная банда в отличие от вооруженной группы при совершении разбойных нападений не ограничивается наличием у ее участников газового, холодного либо огнестрельного оружия преступления, но и, как дает разъяснения Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 января 1997 года «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», наличие пневматического оружия, различных взрывных средств. [10, с. 45]

Отдельным вопросом является отграничение преступления разбоя от схожих с ним по составу и предмету. Речь идет о насильственном грабеже, бандитизме и вымогательстве, которые, несмотря на свою схожесть с разбоем, все же имеют несколько существенных различий.

Далее рассмотрим каждое из вышеуказанных деяний отдельно.

Самым схожим по составу преступным деянием из перечисленных выше является насильственный грабеж. Вполне логично, что данные преступления можно перепутать, если не рассматривать их с профессиональной точки зрения. Таким образом, необходимо выделить ключевые признаки, которые будут границей между этими двумя преступными деяниями:

1. Грабеж и разбой совпадают в том, что их объектом посягательства является покушение на имущество какого-либо человека, однако, при разбое имеет место быть также дополнительный объект посягательства: здоровье и жизнь потерпев-

шего. Таким образом, при грабеже вред наносится только материальный, здоровье, не считая нервов, остается целым.

2. Разбой характеризуется нападением, что подразумевает насильственные действия над здоровьем и жизнью потерпевшего, тогда как грабеж не обязательно сочетается с насилием. Кроме того, при разбойном нападении, в отличие от грабежа, насилие выступает как опасное для жизни и здоровья потерпевшего, тогда как при грабеже насилие, чаще всего, имеет лишь «пугающий» эффект, то есть, используется лишь для запугивания потерпевшего.

Таким образом, при разбойном нападении изначально предполагаются насильственные действия, что означает, что при судопроизводстве дело не облагается дополнительными квалификациями по статьям 115 или 112 УК РФ. В этих случаях содеянное квалифицируется по части первой статьи 162 УК РФ, если отсутствуют отягчающие обстоятельства, предусмотренные частью второй или третьей этой статьи.

Кроме того, если в ходе совершения преступления разбоя был причинен тяжкий вред здоровью человека, который привел к его смерти (даже по неосторожности), то данное преступное деяние квалифицируется в соответствии с пунктом «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса РФ.

Отдельно рассматривают окончания данных преступлений. Так, например, при разбое преступление считается уже свершенным в момент совершения нападения на потерпевшего и причинения ему какого-либо вреда, тогда как в грабеже момент совершения преступления заканчивается моментом изъятия имущества преступником.

3. Если говорить о субъективной стороне данных преступлений, то можно найти существенное сходство. И в том, и в другом преступном деянии главным мотивом является получение выгоды, незаконное завладение чужим имуществом с целью собственного обогащения. Однако, разного рода дополнительные квалификации создают разницу и между субъективным значением обоих преступных деяний.

Наиболее сложным процессом является разграничение между насильственным грабежом и разбоем, поскольку эти два деяния еще более схожи между собой, чем просто грабеж и разбойное нападение. Соответственно, важно понимать, что, как правило, при насильственном грабеже виновный изначально не планировал и не выказывал желания причинить потерпевшему вред, убить его или нанести тяжкие телесные повреждения.

Например, явным отличием является факт того, что в грабеже не приемлемо использование оружия или любых предметов, которые имеют характеристики оружия. Применение оружия, как мы уже писали выше, существенно увеличивает уровень угрозы по отношению к потерпевшему, что автоматически повышает риск нанесения урона его здоровью и жизни, поэтому применение оружия автоматически делает грабеж разбойным нападением. Логично, что в принципе любое причинение вреда здоровью человека автоматически недопустимо при грабеже и характеризует преступление как разбой.

Далее рассмотрим отличие разбоя от такого вида преступления как бандитизм.

Весьма сложно отграничить понятия бандитизма и вооруженного разбоя, совершенного группой, поскольку данные

преступные деяния имеют самостоятельные составы. Соответственно, отталкиваясь при дифференцировании необходимо от представлений о правилах квалификации этих преступных деяний, которые основаны на членстве в банде.

Разбой отличается от бандитизма тем, что предусматривает два квалифицированных состава: разбой, совершенный в составе преступной группы, и разбой, совершенный с учетом применения оружия. В данном случае имеет место конкуренция норм, где возникает трудности для квалификации данного преступления как разбоя, совершенного вооруженной организованной группой, либо же как совершение бандитизма. Грань между такими составами возможно усмотреть по таким признакам, как объект, устойчивость, вооруженность, момент окончания деяния.

Следующее преступление, схожее с разбоем, это вымогательство (ч. 1 ст. 163 УК РФ).

Согласно закону, под вымогательством следует понимать как требование по передачи имущества либо права на имущество или совершения иных действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества потерпевшего, а равно угроза распространения сведений, которые могут опозорить потерпевшего либо его близких, или других сведений, возможных причинить значительный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких лиц.

Особенность вымогательства состоит в том, что такой вид преступлений претендует не только на собственность потерпевшего лица, но и на другие имущественные отношения (в сфере жилища, наследства, каких-либо обязательств и пр.). В Уголовном кодексе РФ ответственность за вымогательство содержится в ст. 163.

Приведем ряд признаков, отличающих вымогательство от разбоя:

— нападение в разбое является обязательным признаком, напротив в вымогательстве такой элемент не обязателен.

— самый значимый разграничительный признак в анализируемых преступлениях заключается в том, что угроза может иметь разное целевое предназначение.

В разбое преступник, высказывая угрозу, преследует цель в преодолении вероятного сопротивления преступному завладению имуществом, то есть угроза выступает в качестве способа конкретного завладения имуществом потерпевшего либо его удержания. При вымогательстве угроза служит средством принуждения потерпевшего лица к даче согласия по передаче требуемого имущества. Действия преступника при совершении

вымогательства направлены не на захват чужого имущества, а на получение имущества из рук потерпевшего. При отказе передать виновному требуемое имущество преступник может воплотить в жизнь угрозу, так и наоборот может вовсе не реализовывать угрозу.

В разбое преступник высказывает угрозу незамедлительным применением насилия, когда как при вымогательстве реализация угрозы подразумевается не в момент ее высказывания, а в будущем или в ближайшем времени. В случаях, когда лицо совершающее преступление, притворяет в жизнь высказанную угрозу, то только без завладения имуществом в момент насилия, в ином случае вымогательство переходит, в зависимости от характера насилия, в насильственный грабёж либо разбой.

Такое преступление, как вымогательство, признается одной из форм организованной преступной деятельности, но на практике до настоящего времени отсутствует однозначное мнение в решении отдельных вопросов, которые связаны с квалификацией такого деяния.

Разбой, это преступление двухобъектное; то есть одновременно посягает на отношения собственности и на здоровье человека, причем при равнозначности данных объектов посягательству на собственность придается приоритетное значение

— Разбой, это наиболее опасная форма преступлений против собственности, и борьба с ним остается актуальной темой и на сегодняшний день. Методы, применяемые при борьбе с разбоем, во многом определяют ее результат.

— Субъективная сторона разбоя характеризуется виной в виде прямого умысла.

— Квалифицированный состав разбоя характеризуется признаками:

а) нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

б) разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору;

в) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

г) незаконное проникновение в жилище, помещение или иное хранилище;

д) в целях завладения имуществом в крупном размере;

Особо квалифицированный состав разбоя: организованная группа; в целях завладения имуществом в особо крупном размере; с причинением тяжкого вреда здоровью.

Литература:

1. Состояние преступности в России за декабрь-январь 2021 года <https://genproc.gov.ru>
2. Елисеев С. А. Преступления против собственности: курс лекций. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. — С. 105
3. Кочои С. М. Преступления против собственности. Учебное пособие. Издательство: «Проспект» 2015. С. 41.
4. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М., 2006. С. 147.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рапога. М.: Проект, 2004. С. 272; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Ф. Караулова. М., 2002. С. 129.
6. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А. И. Рапога. С. 177

7. Гутучия М. Б. Уголовная ответственность по Указу Президиума Верховного Совета СССР 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан» за разбой: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1954. — С. 12.
8. Симонов В. И., Шумихин В. Г. Преступное насилие: понятие, характеристика и квалификация насильственных посягательств на собственность. М., 1993. С. 48
9. Батычко В. Т. Уголовное право. Общая и Особенная части. Курс лекций. — Таганрог: ТРТУ, 2006. — С. 145.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 N1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»

Исторический аспект существования упрощенной процедуры принятия судебного решения

Нерсиян Акоб Вагаршакович, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья освещает исторический аспект существования и развития упрощенной процедуры. В статье анализируются исторический опыт применения особого порядка принятия судебного решения; приводятся в пример законодательные акты, начиная со времен Древней Руси.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс, Русская Правда, Устав уголовного судопроизводства, Свод законов, обвиняемый, особый порядок принятия судебного решения.

Институт упрощенной процедуры принятия судебного решения закреплен в Уголовно-процессуальном кодексе (далее — УПК) главами 40 и 40.1. В настоящее время считается необходимым применение норм данного института. «Основной причиной необходимости существования упрощенного производства является вопрос процессуальной экономии, рационального использования имеющихся правовых и материальных средств» [1, с. 116] — именно так считают сейчас большинство ученых. Несмотря на то, что корни упрощенного порядка исходят к нам еще со времен римского права, этот институт еще находится на стадии развития, из-за чего вокруг него ходит много споров и противоречий, которые мы рассмотрим далее.

Институт упрощенной процедуры принятия судебного решения представляет собой постановление приговора судом при ходатайстве обвиняемым о признании им своей вины. По мнению ученых, нормы этого института требуют дальнейшей детализации, так как имеются некоторые недочеты. К примеру, не учитывается мнение потерпевшего, а также порядок его участия и выражения своей позиции по вопросу заключения данного соглашения.

Глава 40 была введена в 2001 году, но аналогичная норма была также в советских УПК. Проводя исторический экскурс по институту особого порядка принятия судебного решения, следует сказать, что мы видим его проявление на протяжении всей истории человечества. Отличительными признаками этого института до его кодификации можно назвать расплывчатость и несистематизированность норм, предусматривающих различные формы упрощенного судопроизводства.

При проведении исторического экскурса следует начать с классификации моделей уголовного процесса в истории России:

1) Начиная со времен русской правды (XI–XIV век) уголовный процесс носит обвинительный характер.

2) До принятия Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС) в 1864 году — носит непосредственно розыскной характер

3) После принятия УУС и до наших дней — постепенно приобретает состязательный и публичный характер, также сохраняются элементы розыскного процесса на стадии предварительного расследования [2, с. 58].

Процедуры особого порядка судебного разбирательства проявлялись в различных источниках X–XIII веков — в Русской Правде, Псковской и Новгородской судной грамоте.

Статья 8 Новгородской судной грамоты гласит: «А от судного рубля взять владыке, и его наместнику, и ключнику от печати гривна, а от безсудного рубля от грамоты взять владыке и его наместнику и ключнику три денги; а посаднику и тысяцкому, и их судьям, и иным судьям имати от судного рубля по семи денег, а от безсудного рубля по три денги» [3]. Статья устанавливает меньший размер пошлины по рассмотренным делам в суде без ее рассмотрения.

Проявление упрощенной процедуры принятия судебного решения мы находим и в Русской Правде. Признание обвиняемым своей вины играло важную роль во время процесса. Если есть признание обвиняемого, то надобность в судебном разбирательстве пропадает. Например, в ст. 35 (Пространная версия) говорится: «Если кто без явки на торгу, отыщет что-либо у него пропавшее или украденное, коня, одежду или скотину, — то нельзя сказать »это мое«, а надо заявить ответчику — »Иди на очную ставку, объяви, у кого он взял с тем и встань с очей на очи«. Таким образом, укравший, признав свою вину, освобождается от дальнейшего предварительного расследования и судебного разбирательства и сразу подвергается наказанию [3].

Аналогичные примеры мы можем найти и в Псковской судной грамоте 1462 года; в ст. 80 говорится следующее: «Если между кем-нибудь произойдет драка в Пскове, или в пригороде, или в сельской волости,— на пиру, или в каком-нибудь другом месте,— [подравшиеся] же не вызовут через приставов друг друга на суд, а покончат дело мировой, то в таком случае пеня в пользу князя не взыскивается» [4, с. 40]. В этом случае также предусмотрена возможность применения упрощенной процедуры.

Возможность примирения можно найти и в Судебнике Ивана IV 1550. Статьи 9, 10 гласят, что примирение возможно как и до судебного разбирательства (судебным разбирательством в то время считался поединок между истцом и ответчиком), так и во время поединка. За вызов сторон также взималась определенная плата.

Мы можем провести параллели с нынешним уголовно-процессуальным законодательством. Так, в статье 17 Уставной книге Разбойного приказа говорится: «А на которых людях истцы начнут искать разбоев или татбы именно, без поличного, а языки на них в татбе и в разбоях не говорят, а истцы на них, опричь крестного целованья и поля, улики некоторые не скажут, и про тех людей обыскивают: и скажут в обыску, что они лихие люди, а лиха про них в обыску именно не скажут, и тех людей по обыском, в татбах и в разбоях пытать; а не скажут на себя с пыток, и тех людей посадит в тюрьму до государева указу, а животы их переписав запечатать до государева же указу» [5, с. 234–235]. То есть за совершение разбоя или грабежа (татьбы) не предусматривалась упрощенная процедура, если обвиняемые признавали свою вину. Аналогично, за совершение тяжких и особо тяжких преступлений запрещено ходатайствовать об проведении судебного процесса в особом порядке (ч. 1 ст. 314).

Со временем появились новые источники, регулирующие процессуальную деятельность. Такие кодексы как Артикул воинский и Краткое изображение процессов или судебных тяжб от 30 марта 1716 года считаются первыми полноценными процессуальными кодексами. Они хоть и были не совершенны, однако послужили скачком в развитии юридической техники.

Долгое время самым лучшим доказательством вины являлось признание обвиняемого, которое зачастую получали через пытки. Судебный процесс делился на следствие и кригс-крехт (суд). Дело разрешалось по факту во время проведения следственных действий. В.А. Линовский считает, что «следственный процесс в тот момент совершенно уничтожил обвинительный» [6, с. 12]. Во время суда истец всего лишь должен был зачитать суть своей жалобы, а ответчик дать краткий ответ. Исполнение приговора начиналось сразу же после признания обвиняемого.

Институт упрощенного порядка существовал в абстрактном виде, официальное закрепление и регламентация досудебного процесса произошло в Своде законов 1832 года. В ст. 1180 и 1182 второй книги 15 тома новой редакции говорилось: «собственное признание подсудимого есть лучшее свидетельство всего света. Признание подсудимого почитается доказательством совершенным: когда оно учинено добровольно, когда оно учинено в судебном месте перед судиею, когда оно совершенно сходно с происшедшим действием, когда показаны

при том такие обстоятельства действия, по которым о достоверности и истине онаго сомневаться невозможно» [7]. Также выделялось ограниченное признание — частичное соглашение подсудимого с предъявленным ему обвинением. Такое признание не могло быть абсолютным свидетельством при отсутствии в нем определенных признаков преступления. Это означало, что следствие должно было доказать те признаки, которые не были признаны обвиняемым.

Важнейшим источником 19 века является Устав уголовного судопроизводства РИ. Именно этот документ закрепил институт, похожий на особый порядок принятия судебного решения. Так, в окружных судах, после открытия судебного заседания судья оглашал обвинительный акт подсудимому. Затем судья задавал вопрос: признает ли он свою вину и если тот признавал свою вину, то начинался опрос, касательно обстоятельств преступления (ст. 678–680). В ст. 681 говорится, что если у суда не вызывают какие-либо сомнения показания обвиняемого, то пропадает необходимость в проведении дальнейшего исследования и можно приступать к завершающей стадии. Применение особого порядка могло быть только в том случае, если обвиняемый сознавался в совершении того преступления, которое вменяется ему судом (обвинительным актом). Это означало, что если обвиняемый сознается в другом преступлении, носящем характер меньшей тяжести, то обвинение проверялось заново судебным следствием. Так, мы видим нормы УУС соотносятся с нормами гл. 40 УПК РФ.

Итак, до октябрьской революции в системе уголовного законодательства Российской Империи достаточно полно сформировался институт особого порядка принятия судебного решения. В период советской России нормы, связанные с этим институтом не столь сильно отличались от предшествующих им. Также они получили со временем тот вид, схожий с нынешним порядком, установленным гл. 40 и 40.1.

В УПК РСФСР 1920 года также был учрежден институт упрощенного порядка (статьями 360–365), который производился в дежурной камере народного суда. Предусматривались условия для рассмотрения дела в дежурной камере: задержание обвиняемого и признание своей вины обвиняемым. Принятие решения об использовании упрощенного порядка принималось дознавателем. Главным основанием было достаточность улик насчет конкретного дела. При этом закон не предусматривал составление обвинительного акта, досудебного производства и участие защитника в таком деле.

Институт упрощенной процедуры претерпел период застоя при принятии с 1960 и до 1993 года. ч. 2 ст. 446 УПК РСФСР в 1993 предусматривали упрощенный порядок, в случае если обвиняемый полностью признает свою вину, и если его признание не оспаривается ни одной из сторон и судьей в том числе. В этом случае суду необходимо исследовать доказательства, указывающие на вину обвиняемого, либо объявить законченным судебное следствие и начать завершающую стадию. (ч. 2 ст. 446 УПК РСФСР)» [8].

В настоящее время, как уже сказано было ранее, институт упрощенного порядка регулируется гл. 40 и 40.1 можно сказать, что институт не до конца сформирован и нуждается в дальнейшей регламентации, однако на данный момент успешно

применяется. Как мы увидели, с ранних пор существовали различные формы применения особого порядка которые со временем успешно развивались. Исследуя данный институт, можно сказать, что нормы гл. 40 гарантируют обеспечение прав

и законных интересов обвиняемого. Не менее важным, является то, что упрощенный порядок, изымая отдельные процедуры, значительно ускоряет и упрощает судебное производство, что влияет на скорейшее свершение правосудия.

Литература:

1. Относительно упрощения уголовного правосудия: Рекомендации № 6 R18, принята Комитетом министров Совета Европы 17 сентября 1987 г. // Сб. док. Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М. 1998. С. 116.
2. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов.— Текст: непосредственный // Памятники русского права.— Санкт-Петербург: Альфа-пресс, 2000.— С. 189–193.
3. Чернявская, Т. А. Русская правда (с комментариями) / Т. А. Чернявская.— Текст: непосредственный // Памятники русского права.— Н. Новгород: ВШ МВД РФ, 1998.— С. 56–58.
4. Рустамов Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: Современные тенденции и проблемы совершенствования: автореферат дис... доктора юридических наук: 12.00.09 / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка.— Москва, 1998.— 40 с.
5. Черепнина, Л. В. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства. XV — XVII вв / Л. В. Черепнина.— Текст: непосредственный // Памятники русского права.— Москва: Госюриздат, 1956.— С. 234–235.
6. Линовский, В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский.— Текст: непосредственный // ЛексЭст.— Москва: 2001.— С. 12.
7. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный Текст: в 15 т.: издание 1842 г. Свод уставов государственного благоустройства.
8. Положение о судостроительстве РСФСР, принятое на IV Сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета 31 октября 1922 г., с изменениями и дополнениями, принятыми по 1-е марта 1925 года и Положение о Верховном суде Союза ССР.— Ленинград: Рабочий суд, 1925.— 53, [3] с.; 18 см.

Проблема выбора договора по предоставлению доступа к базам данных на интернет-сайтах

Папшев Антон Сергеевич, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье автор пытается выявить проблемы в выборе договора по предоставлению доступа к базам данных на интернет-сайтах.

Ключевые слова: базы данных.

В настоящее время можно отметить, что множество баз данных находится в интернет-пространстве, например, сайты «Юла», «Циан», «Н1» работают с крупными базами данных товаров и пользователей. Если рассмотреть некоторые приведённые выше примеры, то количество посетителей «Юла» — более 4 миллионов в день; «Циан» — более 14 миллионов в день, «Н1» — более 1 миллиона в день. Такой объём заинтересованных лиц говорит о важности изучения баз данных, их всесторонней оценке и настраиванию правильного правового регулирования. А, конкретно, важно установить надлежащий способ работы механизма регулирования связи пользователя базы данных с самой базой.

При изучении правовой информации сайтов «Циан», «Н1», «Юла» можно наблюдать разные подходы к взаимодействию

пользователя с базами данных, которое выражается в пользовании, доступе, внесении дополнений в базы данных.

То есть на практике можно выделить два основных подхода к такому взаимодействию:

- с помощью лицензионного договора;
- с помощью договора оказания услуг.

«Циан», «Н1» пользуются лицензионным договором. Механизм, описанный в лицензии, выглядит следующим образом, когда лицо пользуется услугами сайт, то это уже считается правомерным использованием лицензии, а дальнейшие действия, которые оно совершает, например, размещение объявления, уже считается иным способом использования базы, но всё ещё в пределах лицензии. Например, такая опция как внесение дополнения базы объявлением об аренде

помещения осуществляется бесплатно только в количестве 1 штуки, если таким объявлений более двух, то для аренды квартир это будет стоить определённое количество рублей в неделю.

Схожая ситуация обстоит с сайтом по размещению объявлений, связанных с недвижимостью «Н1». На этом портале наблюдается явное предпочтение лицензии как механизму предоставление каких-либо прав лицу, желающему воспользоваться базой недвижимости, причём каждый отдельный способ использования базы помечается как вариант лицензии и указывается в прайс-листе.

Второй подход — взаимодействие с помощью договора оказания услуг.

При рассмотрении сайта с объявлениями «Юла» была отмечена следующая особенность:

у сайта содержится несколько типов документов, регулирующих предоставление пользователям возможности доступа к базе с объявлениями и иным вытекающим полномочиям. К типам таких документов относятся:

– первый документ — лицензионное соглашение, которое по своей сути выражает предоставление доступа к использованию базы с возможностью внесения своего объявления на безвозмездной основе, однако в преамбуле данного документа указывается, что он направлен исключительно на программы для ЭВМ. Далее, уже в самом тексте понимается, что базы данных посчитали возможным включить в понятие ЭВМ, но лишь путём внесения в них объявления;

– документ второго типа — договоры на оказание услуг, которые осуществляются при дополнительных возможностях использования базы данных, с помощью платных тарифов и таковых возможностей с объявлением.

То есть механизм выглядит следующим образом: сначала лицо, которое пожелало воспользоваться базой, вступает в отношения по лицензии, а уже при желании получить дополнительные возможности оформляет договор по оказанию услуг.

Исходя из вышеописанных ситуаций, возникает логичный вопрос, и явная проблема неопределённости в применении законодательства, когда одни компании предпочитают пользоваться лицензионным договором, как механизмом предо-

ставления доступа к базе в различных проявлениях, а другие договором оказания услуг.

Однако возможность применения услуги при предоставлении пользования базой подвергается сомнению. Важной частью оказания услуг является их личный характер, иными словами услуга должна оказываться лично тем лицом, с кем заключён договор. Поэтому предлагается рассмотреть следующую ситуацию с услугами по отношению к базе данных: когда договор оказания услуг был подписан с определённым, выбранным лицом врачом или, например, юридической фирмой, на оказание ими должных действий, то исполнитель является ключевой фигурой в отношениях, а при отношениях с базой данных пользователю не важен её правообладатель, ему важна сама база и возможность пользоваться ею.

Также в услугах важно её конкретное описание, например, если предоставляется услуга на размещение пятидесяти объявлений, то и должно быть размещено такое количество объявлений. Но если лицо разместило лишь пять таковых, а остальные позиции не понадобились, то и взимание платы должно осуществляться за оказанную услугу в размещении пяти объявлений, а не пятидесяти, что может повлечь экономическую нестабильность в деятельности исполнителя.

И наконец, важно отметить, что объектом возникших отношений является база данных, а то есть объект интеллектуальной собственности. Это предполагает особые принципы регулирования по отношению к ним, в частности существование специальных норм. Так, уже названная выше, норма статьи 1308 ГК РФ говорит о том, что с помощью лицензии предоставляется право использования базы данных в установленных этой лицензией пределах. Это значит, что лицензией можно установить всевозможные пределы использования базы данных и даже такие варианты, которые можно сделать платными

Таким образом, можно сказать, что использование договора услуг для предоставления какого-либо доступа к базе данных считается неприемлемым. Следовательно, нужно закрепить такую позицию в законодательстве, что позволит применять его правильным образом, то есть необходимо конкретизировать и расширить формы реализации прав, которые могут передаваться по лицензии.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 28.01.2023);
2. Лицензионное соглашение сервиса «Юла». — Текст: электронный // Маил: [сайт]. — URL: [https://help.mail.ru/legal/terms/youla/LA?preset.hidden_ua=YoulaWEB%20Mozilla%2F5.0%20\(Windows%20NT%2010.0%3B%20Win64%3B%20x64\)%20AppleWebKit%2F537.36%20\(KHTML%2C%20like%20Gecko\)%20Chrome%2F109.0.0.0%20Safari%2F537.36%20User_is_promoted%3A%200%20ProductId%3A%20638a054c9afcbd73c43b86f0](https://help.mail.ru/legal/terms/youla/LA?preset.hidden_ua=YoulaWEB%20Mozilla%2F5.0%20(Windows%20NT%2010.0%3B%20Win64%3B%20x64)%20AppleWebKit%2F537.36%20(KHTML%2C%20like%20Gecko)%20Chrome%2F109.0.0.0%20Safari%2F537.36%20User_is_promoted%3A%200%20ProductId%3A%20638a054c9afcbd73c43b86f0) (дата обращения: 28.01.2023);
3. Условия предоставления ограниченной лицензии сервиса «N1.RU». — Текст: электронный // N1: [сайт]. — URL: <https://n1st.ru/realty/settings/License%20terms.pdf> (дата обращения: 28.01.2023);
4. Лицензионное соглашение сервиса «ЦИАН». — Текст: электронный // ЦИАН: [сайт]. — URL: https://www.cian.ru/legal-documents/licenzionnoe_soglashenie_335 (дата обращения: 28.01.2023).

Проблема признания права изготовителя базы данных

Папшев Антон Сергеевич, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье автор пытается выявить проблемы в признании права изготовителя базы данных.

Ключевые слова: базы данных.

В настоящий момент в пункте 1 статьи 1333 четвертой части гражданского кодекса отмечено «Изготовителем базы данных признается лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов. При отсутствии доказательств иного изготовителем базы данных признается гражданин или юридическое лицо, имя или наименование которых указано обычным образом на экземпляре базы данных и (или) его упаковке».

Предлагается рассмотреть положения вышеописанной статьи на примере судебного дела Вконтакте против Дабл.

Общество «ВКонтакте» (истец) подало иск в арбитражный суд на общество «Дабл» (ответчик), которое, по мнению истца, осуществляет регулярное извлечение, копирование и систематизацию части сведений из базы данных социальной сети «ВКонтакте», с целью составления собственной базы и использования их в коммерческой деятельности, что противоречит нормальному использованию базы и необоснованным образом ущемляет права её обладателя.

Правообладателем спорной базы данных является Истец, это подтверждается тем, что он производил и продолжает делать существенные организационные, материальные затраты, также затраты на создание и поддержание инфраструктуры, на создание базы, которая выражается в виде сайта, на котором она расположена. При этом полагается, что поскольку существование социальной сети без пользователей (и базы данных о них) невозможно.

Общество «Дабл» со своей стороны считает, что оно никаких исключительных смежных прав не нарушало, обосновывая тем, что это технически невозможно, а они работают по принципам алгоритмов поисковой системы, поскольку программное обеспечение осуществляет исключительно копирование ссылок на карточки пользователей и их последующее индексирование. Также «Дабл» утверждает, что в связи с тем, что платформа «ВКонтакте», как совокупность баз данных и средств ЭВМ, изначально создавалась как сайт социальная сеть, а уже потом с течением времени образовался полноценный комплекс базы данных, база данных — побочный продукт. То есть, по заявлению «Дабл» «ВКонтакте» не осуществляли существенных вложений по созданию базы на начальном этапе, а, следовательно, и база данных, в следствии случайного появления, не является охраноспособным объектом.

Суд первой инстанции казал, что по статье 1334 ГК РФ «Затраты должны иметь целевое назначение и быть направленными исключительно на создание базы данных. Истцом не представлено доказательств, подтверждающих факт осуществ-

ления затрат на создание, работу по сбору или обработку материалов, составляющих базу данных»

Суд апелляционной инстанции указал на неправильность решения суда первой инстанции, указав, что в базе данных «ВКонтакте» содержится более четырёхсот тысяч пользователей, а если учитывать не только пользователей, то всего элементов насчитывается более двух миллиардов. То есть, число существующих карточек в базе данных явно превышает минимальное количество самостоятельных элементов, которые устанавливаются статьёй 1334 ГК РФ и применяются при отсутствии иных доказательств существенности.

Суд кассации отменил все ранее принятые решения нижестоящих судов, но согласился с выводами апелляции по поводу десяти тысяч самостоятельных элементов.

Исходя из формулировок суда становится понятно, что он посчитал доводы относительно поддержания инфраструктуры базы, её обслуживания в процессе существования и главные принципы работы базы несущественными и предлагает опираться в данном случае на определение существенности затрат через количество существующих элементов базы, которых должно быть не менее десяти тысяч.

Но стоит рассмотреть процесс образования подобного ресурса с самого начала: сначала была создана платформа, а, то есть сам сайт, который имел определённый интерфейс, графический дизайн и иные особенности, направленные на привлечение пользователей. То есть изначально у разработчиков складывалась позиция, что сайт, который создаётся как социальная сеть, должен предполагать в первую очередь наличие базы данных пользователей, в виду направленности их деятельности, социальная сеть — объединение людей

Такая позиция уже соединяет сайт-платформу и базу данных в один неразрывный ресурс. Такое видение идёт вразрез с представлениями судов, их позиция разъединяет описываемые понятия, что полагается нецелесообразным.

Именно совокупность средств ЭВМ и базы данных является единым комплексом, который создаётся разработчиками в виде сайта. Следовательно, как вытекающее, существенным вкладом можно считать подготовку соответствующего оборудования для нормального функционирования ресурса, и его дальнейшее поддержание, усовершенствование и иные подобные действия.

Для расширения этой позиции стоит сказать, что не обязательно иметь подобный подход только к социальным сетям, в настоящее время множество баз данных, которые предполагают своё дополнение именно пользователями. Пользователи вносят свои данные, тем самым создавая базу данных, но фундамент в виде сайта, какой-либо направленности, например,

сайт по размещению объявлений, сайт по проверке контрагента, создают именно разработчики единой платформы.

Если же объединить базы данных и программы для ЭВМ в подобных случаях — когда создаётся портал, предполагающий внесение данных пользователями, то база становится защищённой с самого начального этапа подготовки её оформления и дальнейшего заполнения с помощью программы для ЭВМ.

Исходя из вышесказанного, наблюдается явный пробел законодательства в регулировании создания базы данных и определения критериев их охраноспособности и юридического существования соответственно.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 27.01.2023);
2. Решение от 12 октября 2017 г. по делу № А40–18827/2017. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8aoBRhz9tqY4/> (дата обращения: 27.01.2023).

К вопросу о сущности понятия «общественный порядок»

Парамонова Дарья Андреевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье проведен анализ сущности понятия «общественный порядок». Рассмотрены различные подходы правоведов к данному вопросу, а также изучены нормы законодательства.

Ключевые слова: общественный порядок, правоотношения, социальные нормы.

Понятие «общественный порядок» — это социально-правовая категория, которой активно оперируют в социальных, правовых науках и нормах законодательства. Еще Томас Гоббс [1] в своих трудах обращался к данному понятию и понимал его как социальное благо, гражданский мир.

Бесспорно, правовое государство при осуществлении правоохранительной функции обеспечивает правопорядок среди населения, уделяя при этом особое значение правопорядку в местах общественного значения. Важность таких понятий как «порядок», «безопасность», «общественный порядок» заключается в их природе, то есть в совокупности являются признаком государства и становятся в один перечень с населением, территорией и так далее. Как верно отмечал Бельский К. С.: «Отсутствие в обществе порядка свидетельствует о структурном кризисе государства или об отсутствии самого государства» [2]. Так, с научной точки зрения, раскрытие термина государства без указания на правоохранительную функцию и на функцию охраны общественного порядка будет неполным. Согласимся с группой российских исследователей, которые закладывали понятия «порядок», «правопорядок», «общественный порядок» в определение государства.

Исследуя вопрос сущности понятия «общественный порядок», отметим, что законодатель, используя данную категорию, не раскрывает ее, в точное ссылается в большинстве на термин «безопасность», «общественная безопасность».

Таким образом предлагается зафиксировать в статьях 1333, 1334 ГК РФ то, что изготовителем базы данных признается лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов, в том числе с использованием программы для ЭВМ.

Также изготовителем базы данных может считаться лицо, которое обеспечивает функционирование базы данных соответствующей инфраструктурой, и предоставляет возможность вносить сведения в базу данных третьим лицам при использовании программы для ЭВМ, с помощью которой была создана база данных.

Так, в Конституции РФ [3] понятие «безопасность» используется несколько раз, а именно ст. 114 и ст. 132. Также в ходе исследования был проанализирован ряд нормативных актов, но понятие «общественный порядок» законодателем нигде не раскрыто. Однако стоит отметить, что в утратившим юридическую силу Законе РФ «О безопасности» [4], содержалось понятие «безопасность». Согласно указанному Закону, безопасность — это защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. На наш взгляд, данное определение также не было раскрыто законодателем в полной мере, поскольку не включало в себя принципы, меры и, самое основное, не было указано, что следует считать «жизненно важными интересами личности, общества и государства». В действующем на сегодняшний день ФЗ «О безопасности» [5] законодатель не включил понятия «безопасность» или «порядок», но определил основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства. Отметим, что данные категории перечислены, но не конкретизированы.

В науке до сих пор ведутся споры о сущности понятия «общественная безопасность». Так, Кузнецова Н. Ф. [6] рассматривает общественный порядок в качестве порядка общественных отношений в общественных местах и определенной совокупности видов и форм поведения граждан в обществе, закрепленных в нормах права и регулирующих поведение людей в общественных местах.

Группа авторов высказывает мнение, что определять сущность понятия «общественный порядок» необходимо как урегулированные согласованной и упорядоченной системой всех правоотношений в государстве и общественный порядок, как правовая категория, не может выступать в качестве объекта посягательства, поскольку любое противоправное поведение посягает на порядок, установленный в обществе [7]. Представленная позиция не согласуется с отраслевым регулированием, которое основано на конкретизированной сфере правового регулирования.

На наш взгляд сущность понятия «общественный порядок» многогранно и рассматривать его через одну призму является неверным. Так, общественный порядок включает в себя следующее:

1. данные отношения складываются в общественных местах;

2. объект защиты — это система общественных отношений, которые складываются в результате соблюдения и исполнения членами общества норм морали, права и иных социальных норм [8];

3. регулирование основывается не только нормами права, но и, прежде всего, нормами морали, нравственности и так далее;

4. общественный порядок, как объект защиты, нуждается в разнообразных правовых средствах регулирования. К таким отнесем нормы, которые содержат санкции дисциплинарного, административного и уголовного характера.

Таким образом, в нашем понимании, на основании проведенного анализа норм права и научных трудов, понятие «общественного порядка» необходимо рассматривать как общественных отношений, которые возникают в результате взаимодействия людей на основе правовых, социальных и моральных норм.

Литература:

1. Гоббс Томас. Сочинения в 2 томах. М.: Мысль, 1989 — С. 562.— URL: httpsknigi_po_filosofii/10-1-0-49/ (дата обращения: 20.01.2023)
2. Бельский К.С. Полицейское право: Лекц. курс / Под ред. А. В. Куракина. М.: Дело и сервис, 2014 — С. 17.— URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie51720.html/> (дата обращения: 20.01.2023)
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.)// СПС «КонсультантПлюс»
4. Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5.03.1992 г. № 2446-1 // СЗ РФ 2002, № 30, ст. 3033 (утратил силу).
5. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс»
6. Кузнецова Н. Ф. Ответственность за нарушение общественного порядка. М., 2015 — С. 31.— URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie20803.html/> (дата обращения: 20.01.2023)
7. Афанасьев В. С. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева.— 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Юрист, 2017.— С. 91.— URL: <http://oprave.ru/?p=24992/> (дата обращения: 20.01.2023)
8. Антонов, А. В. Правовая сущность понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» / А. В. Антонов.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2021.— № 13 (355).— С. 134–137.— URL: <https://moluch.ru/archive/355/79467/> (дата обращения: 20.01.2023)

Методика определения вероятности преступного поведения и виктимности отдельных категорий военнослужащих на примере нарушений правил уставных взаимоотношений

Резкин Игорь Васильевич, преподаватель
Государственный университет «Дубна»

В данной статье рассматривается криминологическое прогнозирование дисциплинарных проступков молодых военнослужащих-новобранцев органов безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: криминология, прогнозирование, проступки, дисциплина, новобранец.

Probability determination method of criminal behavior and victimization of individual categories of military personnel on the example of violations of the rules of statutory relationships

Rezkin Igor Vasilyevich, teacher
State University «Dubna»

This article explores the criminological prediction of disciplinary offenses committed by young military recruits of the security agencies of the Russian Federation.

Keywords: criminology, prediction, misdemeanor, discipline, recruit.

Криминологическое прогнозирование дисциплинарных проступков молодых военнослужащих-новобранцев органов безопасности Российской Федерации детерминировано рядом обстоятельств. Его можно осуществить различными способами. В отношении определения перспектив индивидуального поведения наиболее действенным из них является психолого-педагогическое наблюдение, под которым понимается отслеживание хода и результатов деятельности конкретного молодого сотрудника в различных условиях его службы и быта. Спецификой такого наблюдения является его динамика и акцентуализация внимания наблюдателя на получение информации о личных качествах.

После того, как информация о личных качествах сотрудника органов безопасности собрана и достаточно проанализирована, начальник подразделения может судить о склонности подчиненных к противоправному поведению. При профилактике грубых дисциплинарных проступков нередко случаи, когда начальник подразделения, опираясь на свою интуицию и личный управленческий опыт, делает верные выводы и принимает правильные решения на этот счет.

Однако такое обыденное прогнозирование не всегда может быть положено в основу противодействия криминально-ориентированным проявлениям в силу недостатка системности и отсутствия соответствующей методологической базы. Реальным инструментом решения таких задач является научное криминологическое прогнозирование.

По своей сути именно оно опирается на системные знания об общих причинах преступного поведения, обобщенной структуре мотивационных процессов, происходящих внутри личности потенциального правонарушителя, закономерностях развития и изменения факторов, способствующих совершению преступления (криминогенных), либо наоборот — факторов, препятствующих их совершению (антикриминогенных).

Результатами предыдущих доказательств можно считать доказанным, что по своей сути криминологическое прогнозирование преступного поведения конкретного военнослужащего (прапорщика, офицера) представляет собой научное предсказание степени вероятности совершения им правонарушения в ближайшем будущем либо в относительно недалекой временной перспективе.

В основе такого предсказания лежит персонификация поведения потенциального нарушителя, изучение закономерностей его психики в отношении к реакциям на конкретные служебно-бытовые обстоятельства. При этом важно понимать, что цель такого прогнозирования заключается не в получении математически точных показателей, а в выявлении вероятностных тенденций и общих закономерностей отклоняющегося поведения конкретного лица.

К тому же прогнозирование индивидуального преступного поведения носит вероятностный характер, так как совершение преступления конкретным лицом не неизбежно (не предопределено фатально), а лишь предположительно. Иными словами,

невозможно дать стопроцентную гарантию того, что человек совершит преступление либо воздержится от противоправного поведения.

Учитывая, что достаточно типичными правонарушениями среди сотрудников органов безопасности, и в особенности, среди молодых военнослужащих, (сержантов, прапорщиков), являются нарушения правил уставных взаимоотношений, частную методику криминологического прогнозирования реально отследить на примере именно указанного вида правонарушений.

Кроме того, проводимое прогнозирование полностью не устраняет саму возможность противоправного поведения, а лишь сводит ее к минимуму, представляя модель будущих реакций определенного человека в виде нескольких возможных вариантов:

- а) военнослужащий может легко совершить любое преступление или правонарушение;
- б) военнослужащий может совершить преступление или проступок только определенного вида /категории/ (к примеру, только оскорбление личного достоинства сослуживца);
- в) военнослужащий может совершить единичное преступление под влиянием внезапно сложившейся криминогенной ситуации;
- г) военнослужащий может совершить преступление только под влиянием обстоятельств;
- д) совершение военнослужащим преступления маловероятно;
- е) совершение преступления военнослужащим практически исключено.

Применительно к профилактике определенного вида правонарушений, в рассматриваемом случае — нарушению правил уставных взаимоотношений, данная схема может выглядеть несколько иначе.

Проблема здесь в том, что неуставные отношения, основываясь на неформальной социальной системе, охватывают, как правило, всех военнослужащих подразделения. Поэтому варианты персонификации криминологического прогнозирования здесь будут примерно соответствовать той роли, которую выполняет каждый конкретный сотрудник в сложившейся системе внутри коллективных связей, то есть его социальному статусу.

1. Сотрудник может выступать лидером в системе неуставных отношений, непосредственно не участвуя в их конкретных проявлениях. При этом он «контролирует» выполнение неформальных предписаний этой системы другими военнослужащими.

2. Сотрудник может выступать непосредственным носителем неуставных проявлений, т.е. активно совершать противоправные деяния, посягающие на честь, достоинство и здоровье других военнослужащих.

3. Сотрудник может в целом отрицательно относиться к системе неуставных отношений. Однако в силу личных качеств или объективных обстоятельств (устойчивость и развитость

в подразделении неуставных отношений при попустительстве некоторых начальников подразделений) он не участвует в противодействии антиуставным проявлениям.

4. Сотрудник может оказаться потенциальной жертвой неуставных отношений, однако подвергается им достаточно редко, так как не имеет клейма аутсайдера, исправно соблюдает все требования неформальной казарменной системы.

5. Сотрудник может являться постоянной жертвой неуставных отношений (небольшая, но самая угнетаемая часть военнослужащих, в подавляющих случаях из числа физически слабых сержантов или прапорщиков, прибывших на службу из отдаленных регионов страны, сержантов или прапорщиков, имеющих особенности поведения, осуждаемые сослуживцами).

В зависимости от того, к какой группе относится тот или иной сотрудник, начальнику подразделения и необходимо строить свою дальнейшую работу с ним, а в зависимости от процентного соотношения военнослужащих в рамках указанных групп, наиболее целесообразным образом организовывать процесс пресечения и предупреждения дисциплинарных проступков и правонарушений.

Обычно такая деятельность проводится поэтапно и включает в себя:

1. текущий анализ обстановки в подразделении (наличие криминальных и антикриминальных факторов), как правило, осуществляется на основе постоянного наблюдения за поведением сотрудников;

2. прогнозирование возможных правонарушений;

3. планирование управленческого воздействия (своей, других офицеров подразделения, актива общественности, работников военной прокуратуры и т.д.) по предупреждению и профилактике грубых дисциплинарных проступков;

4. непосредственное осуществление предупредительной работы посредством индивидуально-профилактических бесед, встреч с родственниками сотрудников, нацеливания и перенацеливания военнослужащих на определенную деятельность, реализации педагогических ситуаций и пр.;

5. анализ результатов проведенной предупредительной деятельности;

6. коррекция полученных ранее прогнозов.

Названный перечень не полон и может быть расширен за счет инициирования авторских педагогических приемов. Тем не менее, проводимая работа практически всегда носит циклический характер, ее главным и необходимым условием является непрерывность и неформальность. При этом всеми участниками воспитательного процесса должна быть исключена выдача желаемого за действительное.

Для более правильной оценки полученной информации и достижения эффективности работы по организации профилактических мероприятий начальнику подразделения следует хотя бы в общих чертах представлять структуру личности правонарушителя, динамику изменений его мотивационных установок и оценочных суждений. При этом стоит отметить, что выделить «чистый» тип такой личности практически невозможно. Однако перечислить ее наиболее характерные черты вполне реально.

Результаты педагогических наблюдений подтверждают, что для сотрудника-нарушителя служебной и воинской дисциплины в органе безопасности характерны:

1. очевидный правовой нигилизм, внутреннее презрение к нормам права, убежденность в их условности и сугубо рекомендательном характере действий;

2. скудность духовных потребностей и интересов, как правило, посредственный уровень успеваемости и служебных достижений;

3. несколько пренебрежительное отношение к службе, не до конца сформированные мотивы профессиональной ориентации, внутреннее пренебрежение к правовым запретам, связанным с особенностями решения служебных задач;

4. искаженность или дефективность правосознания, скрытая (редко — открытая) демонстрация пренебрежения к требованиям командиров и начальников;

5. доминирование примитивно-бытовых побуждений извращенного характера;

6. некритичность оценок жизненных ситуаций, в которых совершается правонарушение;

7. отсутствие предвидения последствий своих действий;

8. эмоциональная неустойчивость, вспыльчивость, лабильность;

9. ориентация на неформальные оценки типичных явлений воинского быта.

Помимо этого, в поведении потенциального правонарушителя практически всегда присутствуют эгоистические тенденции, примитивность интересов. Нередки: развитая потребность к спиртному (как вариант к наркотикам); явная или скрытая готовность к агрессивному поведению; ориентация на физическую силу как главное средство самоутверждения [1, с. 175].

Особо следует отметить такую социально-демографическую характеристику рассматриваемого типа личности, как возраст. Хотя у подавляющего большинства правонарушителей и их жертв возраст примерно одинаков (18–23 года), определенные особенности, все же существуют. По данным некоторых исследователей, возраст осужденных за воинские преступления примерно таков:

— до 19 лет — 27%;

— 19–20 лет — 44,4%;

— от 21 года до 23 лет — 28% [2, с. 39].

Кроме того, не стоит забывать, что около трех четвертей зарегистрированных правонарушений приходится на военнослужащих первых лет службы. Причина здесь видится в том, что обычно к исходу второго года службы внутригрупповые связи стабилизируются, социальные роли упорядочиваются, вероятность межличностных конфликтов снижается.

В целом личность юного новобранца преступника можно определить следующим образом: это военнослужащий холерического типа, с несложившейся психикой, наиболее криминального возраста, хорошо развитый физически, имеющий опыт подросткового агрессивно-анархического поведения и клеймо социального аутсайдерства [2, с. 36].

Что касается личности жертвы (потерпевшего) от воинских преступлений, то по многим показателям подобные военнослужащие мало чем отличаются от своих сослуживцев. Поэтому,

опуская общую характеристику их личности, реально определить некоторые особенности их виктимных качеств. К числу таковых относятся:

1. незавершенность становления личности и психики, откровенно заниженная самооценка;
2. слабое физическое и недостаточное интеллектуальное развитие, неуверенность в себе, неумение отстаивать свое мнение, защититься от иронии, насмешек, откровенных провокаций;
3. наличие в поведении особенностей, которые воспринимаются их сослуживцами как отклонение от нормы и вызывают негативную реакцию (физические недостатки, неопрятность, повышенная лабильность и т.п.);
4. замкнутость либо общение в узком кругу, нерешительность;
5. неприспособленность к самостоятельной жизни и надежда на помощь родителей («маменькины сынки»), попытки уйти от ответственности за мелкие нарушения, неумение взять инициативу в каком-либо деле и т.п.;
6. принадлежность к типу темперамента, который менее всего подходит для условий военной службы, например, меланхолическому [3, с. 188].

Кроме того, по некоторым данным, для военнослужащих, допустивших нарушения дисциплинарных норм, лишь примерно в 18% случаев не имеет значения личность их жертвы [4, с. 14]. В большинстве же случаев противоправное отношение к себе провоцируют те военнослужащие, которых условно можно отнести к т.н. «группе риска»:

- 1) хитрые и нечестные (35%),
- 2) слабые и ленивые, а также неряхи (26%),
- 3) робкие и застенчивые (21%) [3, с. 218].

Обычно офицеры подразделения хорошо знают таких подчиненных и стремятся развивать в них качества, позволяющие успешно интегрироваться в воинский коллектив сильными, честными, надежными людьми, уважающими собственное достоинство.

Названные обстоятельства позволяют руководителям подразделений определиться в правоприменительной практике по устранению криминальных проявлений среди указанных категорий сотрудников.

Очевидно, что в приводимой статистике речь идет о криминально ориентированном поведении.

Такое поведение несложно диагностировать посредством включенного наблюдения, например, при проведении культурно-массовых мероприятий, собраниях, совещаниях (просмотре телепередач, кинофильмов и т.д.), когда одни военнослужащие «добровольно» занимают самые неудобные места, иногда стоят при наличии свободных мест для сидения либо под различными предлогами отказываются от участия в таких мероприятиях.

Подобное поведение следствие неуставных отношений, проявляющихся в негласных требованиях социального дискомфорта отдельных военнослужащих, что, в свою очередь, указывает определенную фрустрацию в сознании юных военнослужащих новобранцев.

Хотелось бы при этом отметить, что указанные выше особенности начальник подразделения, предпочитает объяснять

«интеллектуальной недоразвитостью» и «личными психологическими отклонениями» некоторых военнослужащих. Делать такие утверждения, по меньшей мере, безответственно. И хотя специалисты установили снижение интеллектуального потенциала и общего уровня психического здоровья кандидатов для поступления на военную службу по контракту, на массовом статистическом уровне вышеперечисленные признаки в своей основе не могут быть отнесены к субъективным моментам личности, а являются следствием нездоровой психологической атмосферы в подразделениях.

Руководителя подразделения не могут не встревожить такие поведенческие проявления, как нарочитая демонстрация «служебного рвения» некоторых юных военнослужащих новобранцев или «добровольное» выполнение некоторыми из них тяжелых и грязных работ, особенно во время отдыха или выходные дни.

Указанные проявления являются следствием неформальной традиции, сложившейся в условиях неуставных отношений, генерируемых младшими командирами, среди которых обычно немало носителей «казарменной идеологии» и «неформальных суворовско-кадетских традиций».

Нельзя не отметить, что очень редкими, специфическими признаками наличия межличностных конфликтов, на которые обязательно должны обращать внимание начальники подразделений, являются материальные следы физического воздействия на тела юных военнослужащих новобранцев. В настоящее время служебные разбирательства проводятся по всем без исключений фактам установленных травм. Хотя причины их получения указываются пострадавшими самые различные, но нельзя исключать, что некоторые из них — результаты нарушений уставных взаимоотношений: результаты драк, стычек, побоев.

Правда, нельзя не заметить, что значительное число таких криминальных и полукриминальных проявлений остаются безнаказанными из-за сложности доказательств факта свершившегося. Получение достоверных данных и реагирование на них требует от начальников подразделения психологического такта и грамотности, умения расположить к себе потерпевшего военнослужащего.

Сотрудники, склонные к дисциплинарным проступкам:

- 1) под различными предлогами стараются уклониться от хозяйственных работ и службы в нарядах, особенно в выходные и праздничные дни;
- 2) им свойственны опоздания на службу, совещания;
- 3) для них характерно обособление от сослуживцев, постоянное стремление быть в составе микрогруппы (имеющих выслугу лет военнослужащих, кадет, суворовцев, представителей народов Кавказа, приятелей, земляков и пр.), систематические нарушения распорядка дня, внутрислужебного регламента рабочего времени и пр.

При успешном применении приемов профилактики таких правонарушений начальник подразделения получает возможность правильно составить программу искоренения неуставных отношений в своем подразделении и впоследствии эффективно ее реализовывать.

Литература:

1. Лунеев В. В. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. М., 1986.
2. Мацкевич И. М., Эминов В. Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М. 1994.
3. Эминов В. Е., Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих. Исторический, криминологический, социально-правовой анализ. М., 1999.
4. Быковский В. И. Воспитательная работа как основа деятельности по формированию уставных правил взаимоотношений между военнослужащими внутренних войск МВД России // Проблемы профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими: материалы науч.-практич. конф. М., 1999.

История развития коррупционной преступности в сфере военной службы

Устинова Инна Анатольевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье в историческом контексте описываются общие условия зарождения и развития коррупции в системе государственной власти и военно-административного управления. Рассмотрены виды коррупционных преступлений, причины и условия их возникновения в период формирования древнерусского воинства и на современном этапе развития Вооруженных Сил Российской Федерации. В статье отражены военно-политические, внешнеэкономические, социально-правовые, духовные и морально-нравственные факторы, влияющие на развитие коррупционной преступности в армейской среде в условиях военных реформ.

Ключевые слова: коррупция, мздоимство, лихоимство, взятка, преступность, правосознание, корысть, казна.

Формирование и развитие государства и воинства всегда были неразрывно связаны между собой, поскольку армия всегда являлась защитной силой государства. На протяжении всего процесса развития государства и армии, ему сопутствует такое негативное социальное явление как коррупция. В общеизвестном смысле «коррупция» (от лат. «corruptio») означает подкуп, искажение, порчу, разрушение. Появления коррупции в древнерусском государстве связывают с Византийской империей, где источником для содержания наместника являлось «кормление от дел» [2]. В период становления государственности на Руси, содержание чиновника общиной за счет подношений, позволяло экономить казенные средства на их содержание, вместе с тем формируя в сознании населения ложное представление о значимости и результативности взятки.

Необходимость находиться в постоянной готовности к войне предполагала формирование и содержание постоянного войска. Материально-техническое обеспечение соответствующим снаряжением и оружием, обучение военному делу и пополнение ратными людьми осуществлялось за счет дворянского сословия. Выплата хлебного жалования и наделение земельными участками производилась из государственной казны, что зачастую сопровождалось взяткой. Со временем функция органа военного управления была возложена на Разрядный приказ, в компетенцию которого входило назначение на воинские должности, что не исключало подношений при решении личных корыстных интересов. Таким образом, обладая свойствами социальной структуры, армия не избежала разлагающего действия коррупции.

В XVI в. во времена царствования Ивана Грозного процветало «мздоимство» и «лихоимство», сохраняя черты корруп-

ционного преступления, при получении лицами, состоящих на государственной службе «почести» и «посулов». Одновременно, явление коррупции стало оцениваться в криминологическом и уголовно-правовом аспекте. Основопологающей в Соборном Уложении 1649 г. являлась часть, связанная с посулом и касалась приказно-воеводского управления [2]. Взятничество рассматривалось как уголовно-наказуемое деяние, за которое была предусмотрена смертная казнь.

Проведение Петром I реформы армии не исключило «мздоимства» — принятия взятки для дела законного, связанного с покупкой воинской должности либо назначением на нее, минуя при этом официальный порядок назначения на офицерские должности. С введением рекрутской повинности укрепились и «лихоимство» — получение взятки для дела незаконного, при приеме в рекруты негодного человека либо незаконной отдачи. Формирование Военно-Морского флота и интенсивное развитие военного судостроения на верфях требовало поставки строительных материалов, вооружения, продовольствия. Высокая потребность в военно-тыловом снабжении и невозможность жесткого контроля порождали продажность и махинации с поставками, выявлялись подкуп, взятки, злоупотребление государственным положением, хищение и растрата казенной собственности. В качестве репрессивных мер за коррупционные преступления, в некоторых случаях применялись немислимые по своей жестокости наказания. С целью изжить пагубное действие коррупции, в 1716 г. был принят Артикул воинский Петра I, в 1719 г. Указ «О искоренении воровских людей, беглых солдат и рекрутов», в 1724 г. Указ «О воспрещении взяток и посулов и наказание за оное», в 1720 г. «О наказании за взятки и лихоимство», в 1720 г. Указ «О рачительном сборе по-

датель, и наказании за взятки» [2]. Однако, попытки искоренить коррупцию, поразившую уровни государственного и военного управления, не дали устойчивого результата.

Последующие военные преобразования в Российской империи XIX в. в совокупности с принятием в 1832 г. законодательного акта «О воспрещении начальствующим лицам принимать приношения от общества» и «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 г. в некоторой степени приостановили тлетворное влияние коррупции среди чиновников военного хозяйственного управления, особенно при переходе на подрядную систему обеспечения [3]. За должностные преступления, злоупотребление властью, взятки, фальсификацию, махинации и хищение казенных средств при выполнении интендантской функции в армии и на флоте, при различных видах обеспечения войск, выполнении инженерно-технических работ, новое Уложение предусматривало довольно суровые виды наказаний: лишение всех особенных прав, ссылку, каторжные работы, смертную казнь. Несмотря на довольно жесткие меры по борьбе со взяточничеством, казнокрадством и злоупотреблением властью, искоренить в Российской империи коррупционный порок государственной и военной службы оказалось невозможным.

Условия научно-технического прогресса и Военной реформы 1864–1883 гг. в России XIX в., обозначили необходимость повышения уровня образования и грамотности как для офицерского состава, так и для простых солдат [3]. Увеличение военно-учебных заведений, обязательное изучение правовых норм, получение социально-экономических знаний во взаимосвязи с положениями нового Устава о воинской повинности 1874 г., обозначило ценность военно-правового воспитания, одновременно выступая в качестве предупреждения коррупционной преступности в армии и на флоте.

В послереволюционный период развития Российского государства, сферы государственной и военной службы утратили свое разграничение, поскольку в период «военного коммунизма» 1917–1922 гг. происходила так называемая «милитаризация» гражданской сферы. Экономический кризис, условия разрухи, голода и эпидемий провоцировали в период продрозвёрстки разгул взяточничества и злоупотребления властью. Нормы Уголовного кодекса СССР 1922 г. предусматривали наказание за хозяйственные преступления в воинских подразделениях и частях Рабоче-Крестьянской Красной Армии, коррупционные преступления относились к «деяниям общедолжностного характера», но не было раскрыто содержание разновидности взяточничества.

Обеспечение боеспособности государства в период Великой Отечественной войны являлось главной задачей советского правительства. В целях превенции было принято Постановление Госкомитета обороны СССР «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время» 1942 г. Властью жестко пресекались и карались любые предпосылки к совершению преступлений, и экономических в том числе, в условиях военного времени. Взятки, хищение военного имущества, злоупотребление должностными полномочиями военным представителем, подлоги и приписки в отчетности при проведении госиспытаний выпускаемой военной техники, нарушение сроков

снабжения и цикла работы оборонных предприятий, изготовление фиктивных воинских документов, зачастую расценивались как совершение диверсии и предусматривали высшую меру наказания. Это позволяет предположить, что эффективность борьбы с коррупционными преступлениями в государственном, военно-политическом и экономическом секторе обеспечивалась жесткостью закона военного времени и пониманием неотвратимости наказания. Кроме того, умеренный рост коррупционной преступности в армии и на флоте был опосредован идеологией единения армии и народа, приоритетом духовных и морально-нравственных ценностей.

Формирование и развитие коррупционной преступности в советский период приходится на вторую половину 1950-х г. и до конца 1980-х г. XX в. Нередко, причиной коррупционных проявлений в рядах Советской Армии выступали недостаточное материальное, социально-бытовое обеспечение, дефицит товаров народного потребления, значительная удаленность мест военной службы от крупных населенных пунктов. На этом фоне процветали взяточничество и протекционизм при решении вопросов продвижения по военной службе. Распространенными коррупционными преступлениями являлись хищение вверенного военного имущества, использование служебного положения в корыстных целях и незаконное привлечение старшими военными начальниками личного состава, для решения личных и бытовых вопросов. Искоренение коррупционной преступности в армейской среде велось в уголовно-правовом формате и в объеме военно-политической и воспитательной работы. Поэтому, кроме негативных последствий уголовного преследования основным сдерживающим и воспитательным мотивом чаще всего было общественное и семейное порицание, страх опорочить авторитет и звание военнослужащего Советской Армии и боязнь утраты престижа и соответствующего социального статуса.

Согласно мнению ученых-правоведов, в России понятие коррупции, как криминологическое понятие ранее фигурировало в научно-правовой литературе лишь в отношении стран запада и капиталистического строя. Кардинальные изменения, связанные с нормативным закреплением понятия коррупции и оценкой в виде определенного социального явления, произошли в последние десятилетия XX в. Это позволяет предположить, что подобная недооценка глобальной опасности коррупции, позволила ей прогрессировать во всех сферах государственного и военного управления.

В 1990-е гг., в период становления суверенной России и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, зависимость армии от нестабильной экономики и политической ситуации, явилась катализатором роста коррупционной преступности. В последующие два десятилетия, в силу несовершенства законодательства и наличия в ведомственных приказах и директивах коррупционной составляющей, преступность приобрела более циничные черты. Детерминировал коррупцию организационно-управленческий принцип прямого подчинения командиру части подразделений финансового, вещевого, продовольственного и тылового обеспечения, служб военного строительства и расквартирования войск. Низкий уровень денежного довольствия и его несвоевременная выплата, с учетом

отрицательного смещения моральных и ценностных ориентиров, стимулировало к коррупционному поведению военнослужащих и гражданский персонал. Таким образом, в подобных условиях военной деятельности преобладала возможность принимать решение исходя из личных корыстных побуждений.

Этапы военной реформы в 2008–2020 гг., были связаны с оптимизацией организационно-штатной структуры Вооруженных Сил и внедрением нормативно-правовых требований антикоррупционного характера. Военно-административное деление в Вооруженных Силах исключило самостоятельную финансово-экономическую функцию командиров частей, путем образования централизованной системы финансового обеспечения Министерства обороны с территориальным принципом действия. По аналогии был организован и порядок обеспечения жильем помещений. По нашему мнению, изменение принципа обеспечения жильем, денежным довольствием и выплаты заработной платы, имеет определенный положительный эффект в предупреждении преступлений коррупционной направленности, предусмотренных ст., ст. 285, 285.1, 286, 290 УК РФ.

Между тем, антикоррупционная кампания не привела к ожидаемому эффекту, поскольку масштабы и степень коррумпированности структуры органов военного управления свидетельствуют о системности и имеют взаимовыгодный характер отношений. Пробелы в законодательных нормах, отсутствие четких законодательных конструкций, способствуют развитию коррупционной преступности в военно-административной сфере. Например, внедрение системы аутсорсинга, которая не удовлетворила потребностей тылового обеспечения армии, а выявление органами военной юстиции аффилированности структур, свидетельствует о коррупционной составляющей. Аналогичную оценку имеет резонансное дело об управлении и отчуждении непрофильных активов воен-

ного ведомства ОАО «Оборонсервис». Коррупционные схемы в сфере гособоронзаказа и госзакупок для нужд обороны и военно-промышленного комплекса высоколатентны, в силу специфики и использования специализированных электронных ресурсов [1]. Устойчивость таких коррупционных проявлений обеспечивается условиями протекционизма и nepoтизма в системе военно-административного управления и комплектования штатных должностей.

Катастрофические последствия коррупционной преступности в Вооруженных Силах помимо ущерба, влекут ослабление обороноспособности государства и боеготовности войск. Любые коррупционные проявления нивелируют значимость Военной доктрины Российской Федерации и подрывают авторитет и уровень доверия к Вооруженным Силам Российской Федерации.

Современное нормативно-правовое и социально-экономическое регулирование сферы военно-служебных отношений, является единственно эффективным антикоррупционным рычагом воздействия на явление коррупционной преступности. Однако, история показывает, что государство и армия развиваются в тандеме с феноменом коррупции, который остается неизжитым, преимущественно развиваясь в сознании людей в условиях деструктивной идеологии.

По мнению автора статьи, в современных политических и социально-экономических условиях необходимость возрождения духовно-нравственных ценностей, правовой культуры и морально-этических ориентиров особенно актуальна. Тенденция к оздоровлению менталитета всего населения нашей страны является основой сохранения государственности и станет действенным направлением в борьбе с коррупцией и в Вооруженных Силах Российской Федерации и в государстве в целом.

Литература:

1. Глухов, Е. А. Обязанности за пределами компетентности (на примере взаимодействия воинских должностных лиц с контрагентами по хозяйственным договорам) / Е. А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2021. — № 11/2021. — С. 78–88.
2. Гриб, В.Г., Окс Л.Е. Противодействие коррупции: учеб.пособие / В.Г. Гриб, Л.Е. Окс.— М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011.— 192 с.
3. Тарадонов, С.В. Генезис российского военного права в послепетровский период (1725–1812 годы) / С.В. Тарадонов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2021. — № 7/2021. — С. 14–20.

Правовая природа и развитие института субсидиарной ответственности в деле о банкротстве

Учаев Андрей Анатольевич, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Всесторонний анализ нормативной базы и судебной практики относительно регулирования субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве юридического лица позволяет говорить, что данный институт для современной России относительно новый. Однако мы знаем, что понятие субсидиарной ответственности пришло к нам из древнего Рима.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, законодательство о банкротстве, защита интересов кредиторов, взыскание задолженности через суд, субсидиарная ответственность руководителя должника.

Нормативное содержание регулирования субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве рассматривается сообществом ученых с момента их закрепления в Гражданском Кодексе Российской Федерации.

В ГК РФ от 1 января 1995 года появилось положение о субсидиарной ответственности владельцев компаний. До этого законодательная база в сфере банкротства предприятий не содержала понятия «субсидиарная ответственность» и механизма привлечения к субсидиарной ответственности. Согласно ГК РФ ст. 56 п. 3 учредителей, собственников имущества организации могли привлечь к ответственности в случае недостаточности имущества при банкротстве. Ответственность учредителей могла наступить только в определенных условиях: банкротство организации произошло в следствии умышленных действий учредителей и собственников.

ФЗ № 208 от 26.12.1995 «Об акционерных обществах» была введена норма аналогичная ГК РФ ст. 56 п. 3. Позже ФЗ № 14 от 08.02.1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью» была введена похожая норма.

Но законодательством не было предусмотрено понятного механизма доказывания, что банкротство организации вызвано указаниями учредителей или иными действиями этих лиц, а возможность ответственности за бездействие не предусматривалась. Также ключевой недостаток, был в том, что предъявить требования о привлечении к субсидиарной ответственности и заниматься сбором доказательств мог только арбитражный управляющий. Из-за того, что не было введено работающих правовых инструментов, практика была нулевой и введенная норма фактически не работала, недобросовестные учредители просто не давали доступа управляющему к документам, которые позволили бы привлечь их к ответственности.

Методика проведения исследования

Методика заключается в последовательном изучении трудов ученых юристов, таких как: Кочеуловым Ю. Ю., Добрачевым Д. В., Лотфуллиным Р. К. Обзор источников данных авторов позволил исследовать понятие и правовую природу понятия субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве юридического лица. Были проанализированы работы Добрачева Д. В. «Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства», Лотфуллина Р. К. «Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве», в них выявлены научные концепции регулирования и юридическая природа института субсидиарной ответственности в процессе банкротства. Кроме того, раскрыты взаимосвязи с политикой государства в период кризиса экономической составляющей и их зависимость от обязательств внутри юридического лица с принятыми на себя обязательствами. Для достижения поставленной цели применялся широкий комплекс общенаучных и специально исторических

методов. Исследование проводилось на основе принципов историзма, объективности, комплексности и системности.

Результаты исследований

Субсидиарная ответственность — такая ответственность, дающая возможность кредитору взыскать долги с должника и с лица, осуществляющего его контроль. Данное понятие и институт существовали в законодательстве не всегда и вводились поэтапно.

В ГК РФ от 1 января 1995 года появилось положение о субсидиарной ответственности владельцев компаний. До этого, законодательная база в сфере банкротства предприятий не содержала понятия «субсидиарная ответственность» и механизма привлечения к субсидиарной ответственности. Согласно ГК РФ ст. 56 п. 3 учредителей, собственников имущества организации могли привлечь к ответственности в случае недостаточности имущества при банкротстве. Ответственность учредителей могла наступить только в определенных условиях: банкротство организации произошло в следствии умышленных действий учредителей и собственников.

ФЗ № 208 от 26.12.1995 «Об акционерных обществах» была введена норма аналогичная ГК РФ ст. 56 п. 3. Позже ФЗ № 14 от 08.02.1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью» была введена похожая норма.

Но законодательством не было предусмотрено понятного механизма доказывания, что банкротство организации вызвано указаниями учредителей или иными действиями этих лиц, а возможность ответственности за бездействие не предусматривалась. Также ключевой недостаток, был в том, что предъявить требования о привлечении к субсидиарной ответственности и заниматься сбором доказательств мог только арбитражный управляющий. Из-за того, что не было введено работающих правовых инструментов, практика была нулевой и введенная норма фактически не работала, недобросовестные учредители просто не давали доступа управляющему к документам, которые позволили бы привлечь их к ответственности.

ФЗ № 6 от 08.01.1998 г. «О несостоятельности (банкротстве)». Новый закон позволил увеличить количество оснований привлечения и тех лиц, которых можно привлечь к ответственности. Руководителя юридического лица стало возможно привлекать к ответственности. Было введено новое основание для привлечения к ответственности: в случае если не было подано заявление о признании должника банкротом в суд. Но ключевая проблема, а именно доказывание «умышленности» и целенаправленностей действий, со стороны виновных лиц новым законом решена не была. Суды продолжали отказывать в привлечении к субсидиарной ответственности ссылаясь на недостаточность или отсутствие доказательств, подтверждающих «умышленность» и целенаправленностей действий лиц, которых пытались привлечь к ответственности.

ФЗ № 127 от 26.10.2002 г. не исправил ситуацию, правовые нормы, регулирующие субсидиарную ответственность фактически, не действовали, и судебная практика по привлечению к субсидиарной ответственности продолжала быть на около нулевом уровне. По мере ухудшения экономической ситуации росло количество кредиторов, которые из-за несовершенства законодательства не смогли взыскать задолженность, а фактически виновные лица к ответственности не привлекались. Необходимы были реальные реформы и изменения, чтобы привлекать к ответственности виновных лиц и обеспечить защиту прав кредиторов.

ФЗ № 73 от 28.04.2009 г. начал изменять ситуацию появились новые возможности для того, чтобы привлекать к субсидиарной ответственности. Было введено само понятие «лица контролирующего должника». Лицом, контролирующим должника, могли признать лицо, которое в пределах двух лет до принятия судом заявления о признании должника банкротом имело право давать обязательные для организации указания или иным образом влиять на принимаемые от имени организации решения. А в случае, если контролирующих лиц было несколько они могли нести солидарную ответственность. [1]. Ввиду того что банкротящиеся организации могли просто не предоставлять управляющему никаких документов либо фальсифицировать их, заявитель не мог предъявить никаких доказательств и фактически лишался возможности взыскать задолженность, был скорректирован принцип доказывания вины теперь контролирующее должника лицо обязано доказывать свою непричастность к доведению организации-должника до банкротства. В п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве 2002 г. в ред. ФЗ от 28.04.2009 г. № 73-ФЗ, было указано: контролирующее должника лицо не отвечает за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, если докажет, что действовало добросовестно и разумно в интересах должника. Т. е. лицу, контролирующему должника, необходимо было доказывать, что оно действовало добросовестно, чтобы избежать привлечения к субсидиарной ответственности. Но т.к. формулировки п. 4 ст. 10 в ред. ФЗ от 28.04.2009 г. № 73-ФЗ были крайне расплывчатыми трактовались крайне широко, позиция судов согласно которой бремя доказательств лежала на заявителе изменения не претерпела и мешала привлечению к субсидиарной ответственности виновных лиц.

ФЗ № 134 от 28.06.2013 г. ввел новые нормы которые позволили более ясно определить обстоятельства, при которых банкротство юридического лица произошло из-за действия (бездействия) контролирующего лица. Фактически была установлена презумпция виновности контролирующих должника лиц, то есть, пока не доказано иное, предполагается, что должник признан несостоятельным (банкротом) по вине руководителя или учредителя.

Кардинальные изменения пришли после вступления в силу ФЗ № 488 от 28.12.2016 г. изменения, внесенные законом, позволили кредиторам подавать заявления по привлечению к субсидиарной ответственности даже в случае отказа суда о возбуждении дела из-за отсутствия денежных средств на оплату арбитражного управляющего или ликвидации организации налоговым органом.

До переломных изменений в 2017 г. субсидиарная ответственность, как правовой институт, прошла большой путь, но все еще имела огромное количество проблем таких как: невозможность установления конечных бенефициаров, неэффективные торги при банкротстве. Эти проблемы были решены новым ФЗ лишь частично.

Но решающие и ключевые изменения в деле привлечения к субсидиарной ответственности, пришли после вступления в силу ФЗ N266 от 29.07.2017 г., были существенно расширены возможности кредиторов по привлечению к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве. Появилась отдельная глава «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», появилась ст. 61.10. посвященная контролирующим должника лицам, а другие положения утратившей силу статьи 10 Закона о банкротстве переросли в отдельные статьи. Усовершенствование законодательства были направлены на увеличение количества факторов для привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника и контролирующих должника лиц. Понятие контролирующего лица стало очень широким и ответственность, может быть возложена на иных лиц, а не только учредителей или акционеров и иную организацию. Благодаря введению новых норм, появилась возможность привлекать к ответственности не «фиктивного» учредителя, а фактического руководителя.

В своих работах Добрачев В. В., исследуя правовую природу субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц отмечал:

«это прежде всего ответственность, т.е. дополнительное обременение для контролирующих должника лиц. Это своего рода наказание за не соответствующее закону поведение в форме возмещения убытков, как в процедуре банкротства, так и вне его. В данном случае проявляется компенсационная функция данной ответственности. В процедурах банкротства за причинение вреда корпорации контролирующими должника лицами наступает ответственность, схожая с деликтной, в форме возмещения убытков. Привлеченное к субсидиарной ответственности лицо посредством дополнительного денежного обременения обязано возместить убытки корпорации» [3]

Фактически до принятия новых норм, споры о привлечении к субсидиарной ответственности зачастую были в пользу контролирующих лиц. Но после 2017 года ситуация постепенно стала сдвигаться с мертвой точки, что позволило кредиторам более успешно защищать свои права. Согласно статистики судебного департамента ВС РФ в 2019 г. в рамках дел о банкротстве было рассмотрено уже 5264 заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, из которых удовлетворенно 2995, то есть 57%. [6].

Чтобы показать, насколько коренные изменения произошли в практике привлечения к субсидиарной ответственности, хотелось бы провести сравнение на основании Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 апреля 2009 г. N КГ-А40/2333-09 и Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 февраля 2020 г. N Ф05-22709/19 по делу N А40-230742/2017

В постановлении № КГ-А40/2333-09 указано, ответчиками по делу являлись лица ранее работавших в должности Председа-

дателя Правления Коммерческого банка, лицами, контролирующими должника ответчика признаны не были ввиду того, что на момент судебного разбирательства данное понятие еще не было введено в законодательство.

Также в постановлении неоднократно указано, что истец не представил в материалы дела надлежащие и бесспорные доказательства, свидетельствующие о наличии причинно-следственной связи между действиями (бездействием) Ответчиками и банкротством Банка и что именно на истце лежала обязанность по доказыванию причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчиков в период, когда они являлись руководителями Банка, и банкротством названной кредитной организации. Ввиду отсутствия бесспорных доказательств требования конкурсного управляющего были удовлетворены частично.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 10 февраля 2020 г. N Ф05–22709/19 по делу N А40–230742/2017 уже указано иное: бремя доказывания добросовестности и разумности действий контролирующих должника лиц возлагается на этих лиц, поскольку причинение ими вреда должнику и его кредиторам презюмируется. Конкурсный управляющий, либо кредиторы не обязаны доказывать их вину как в силу общих принципов гражданско-правовой ответственности, так и специальных положений законодательства о банкротстве.

Литература:

1. Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. 30.11. 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Добрачев Д. В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Инфотропик Медиа. 2019.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Курбатов А. Субсидиарная ответственность руководителей при несостоятельности (банкротстве) возглавляемых ими кредитных организаций // Хозяйство и право. 2007. № 7.
6. Лотфуллин Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве / Р. К. Лотфуллин // Учебное пособие. 2018.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 февраля 2020 г. N Ф05–22709/19 по делу N А40–230742/2017
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 февраля 2020 г. N Ф05–22709/19 по делу N А40–230742/2017
9. Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 апреля 2009 г. N КГ-А40/2333–09
10. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.04.2009 N73-ФЗ (последняя редакция)
11. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» от 28.06.2013 N134-ФЗ (последняя редакция)
12. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.07.2017 N266-ФЗ (последняя редакция)
13. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N127-ФЗ (последняя редакция)
14. Федеральный закон № 14 от 08.02.1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью»
15. Федеральный закон № 208 от 26.12.1995 «Об акционерных обществах»

Изменения законодательства в 2017 г. привели к совершенствованию правоприменительной практике, кредиторам стало легче привлекать к ответственности контролирующих должника лиц.

Вывод

Рассматривая вопрос о юридической природе субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве, можно утверждать, что изменения в законодательстве происходят соответственно изменениям в экономической и политической сферах жизни. В свою очередь, постановления Верховного Суда Российской Федерации формируют понятийный аппарат в рассматриваемом институте. Основываясь на вышеуказанных мнениях, следует отметить, что правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц состоит и основывается прежде всего, на добросовестности подконтрольного лица и его действий в рамках правового поля по отношению к кредиторам.

Кроме того, изменения в законодательстве позволяют утверждать, что механизм привлечения контролирующих лиц оказывает положительное влияние, например, расширяются возможности применения субсидиарной ответственности и уход от формализма в вопросах признания лица контролирующим.

Особенности правовой природы предварительного договора

Харитоновская Евгения Сергеевна, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Законодательно понятие предварительного договора закреплено в статье 429 ГК РФ, которая определяет предварительный договор как соглашение, в силу которого стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором [1].

При изучении предварительного договора среди ученых возникает спорный вопрос о том, какова природа предварительного договора.

Анализируя проводимые исследования по данному вопросу, можно выделить несколько точек зрения:

- 1) Предварительный договор нельзя определить как самостоятельный вид договора;
- 2) Предварительный договор является самостоятельным договором;
- 3) Предварительный договор — это часть (фаза) основного договора, его незаконченной версии.

Сторонники первой точки зрения определяют предварительный договор в качестве особой правовой конструкции, которую возможно применить к любому из частных видов договоров. Ю. В. Шанаурина, объясняя данную позицию, говорит о том, что предварительный договор не направлен на создание, изменение или прекращение обязанности стороны передать вещь, выполнить работу или оказать услугу [2].

Вместе с тем, данная точка зрения не является однозначной, поскольку содержит в себе противоречия:

Во-первых, исходя из своего содержания предварительный договор не занимает отдельное положение в системе сделок в общем понимании или гражданском праве в целом, а лишь выделяется из иных конструкций договоров.

Во-вторых, отрицание предварительного договора как договорной конструкции, имеющей определенный правовой режим, целиком исключает возможность его универсального применения в гражданском обороте, в частности ко всем гражданско-правовым договорам.

Сторонники второй точки зрения выделяют предварительный договор в качестве самостоятельного соглашения сторон гражданских правоотношений, поскольку он имеет собственное содержание. Так, П. А. Меньшенин, придерживаясь данной точки зрения, в своей работе пишет: «Предварительный договор относится к самостоятельному соглашению сторон правоотношения с собственным содержанием, порождающим установленные права и обязанности, в том числе обязанность заключить основной договор во избежание неблагоприятных последствий, предусмотренных статьей 429 Гражданского кодекса — возмещение убытков» [3].

Третья точка зрения представляется наиболее спорной, поскольку сразу возникает вопрос о том, как требовать исполнения обязанности предварительного договора, если его суть направлена на порождение обязанности заключить договор на

определённых условиях, а не на исполнение обязанности, предусмотренной в основном договоре.

Рассмотрение предварительного договора как части преддоговорной стадии заключения основного договора обуславливается специальными целями. В постановлении Президиума ВАС РФ отмечается следующее: «Использование юридической конструкции предварительного договора передачи имущества (в частности, аренды) имеет своей целью юридически связать стороны еще до того, как у контрагента появится право на необходимую для исполнения вещь, с тем чтобы в установленный им срок восполнить отсутствие условия, необходимого для заключения основного договора» [4].

По общему правилу предварительный договор классифицируется как двусторонний договор, носящий организационный характер, в соответствии с которым обязательство заключить основной договор возникает у обеих сторон. То есть предварительный договор способствует установлению правовых связей участников договорных обязательств ещё до заключения основного договора, не требуя при этом немедленного исполнения (иначе данный договор уже будет признаваться основным).

Предварительный договор и основной договор следует рассматривать в их единстве с точки зрения тех последствий, на которые направлены интересы субъектов гражданского права. С данной точки зрения предварительный договор представляется нам не самостоятельной сделкой, а сделкой, которая находится во взаимосвязи с основным договором. При таких обстоятельствах предварительный договор выступает частью преддоговорной стадии заключения основного договора.

Таким образом, квалификация предварительного договора в качестве организационного позволяет сделать вывод, что из предварительного договора не возникают обязательства, но возникает иное правовое последствие — связанность каждого контрагента [5].

Исходя из п. 1 ст. 429 ГК РФ само понятие «предварительный договор» предполагает существование другого (основного) договора, а сам предварительный договор является предшественником основного договора. В теории гражданского права обосновывается позиция, что «предварительный и основной договоры являются взаимосвязанными сделками, в то же время заключение каждого из них предполагает выражение самостоятельного волеизъявления» [5]. Таким образом, несмотря на то что между предварительным и основным договором имеется тесная связь, каждый из этих договоров является самостоятельной сделкой.

Также в п. 3 ст. 429 ГК РФ закреплено, что «предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного договора».

П. 1 ст. 432 ГК РФ установлено, что условия о предмете и условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, относятся к числу существенных условий (п. 1 ст. 432 ГК РФ).

В п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняется: «Для признания предварительного договора заключенным достаточно установить предмет основного договора или условия, позволяющие его определить (п. 3 ст. 429 ГК РФ). Например, если по условиям будущего договора сторона обязана продать другой стороне индивидуально-определенную вещь, то в предварительный договор должно быть включено условие, описывающее порядок идентификации такой вещи на момент наступления срока исполнения обязательства по ее передаче. Отсутствие в предварительном договоре иных существенных условий основного договора само по себе не свидетельствует о незаключенности предварительного договора. Например, если в предварительном договоре указано здание, которое будет передано в аренду, однако не

указан размер арендной платы, то такой предварительный договор считается заключенным. Недостающие условия могут быть дополнительно согласованы сторонами при заключении основного договора, а при возникновении разногласий подлежат установлению решением суда (п. 5 ст. 429, ст. 445 и 446 ГК РФ)» [6].

Исходя из толкования вышеуказанных норм можно сделать вывод о том, что предварительный договор следует рассматривать именно в качестве договора, который заключается на преддоговорной стадии заключения основного договора, а заключение предварительного договора и основного договора можно рассматривать как единый процесс, направленный на порождение правовых последствий, в отношении которых стороны имеют интерес. Данный вывод можно также подтвердить и тем, что согласно п. 8 вышеуказанного постановления условия договора (основного) могут быть определены путем отсылки к условиям, содержащимся в ранее заключенном предварительном договоре.

Литература:

1. ГК РФ от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // КонсультантПлюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/97b643126817ac88d7d189c4e90a598045ca555c/
2. Шанаурина Ю. В. Институт предварительного договора в гражданском праве России: автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 17–18.
3. Меньшенин П. А. Предварительный договор в российском гражданском праве: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.07.2009 № 402/09 по делу № А41-К1-13707/07 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
5. Брудков, К. О. Особенности предварительного договора в гражданском праве / К. О. Брудков.— Текст: непосредственный // Academy.— 2020.— № 2.— С. 58–64.
6. Полякова В. Э. Предварительный договор в праве России и Германии: Дис... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

Особенности проведения муниципального контроля

Хисайнова Фариды Абдулмаджидовна, студент магистратуры

Кировский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье анализируются взаимодействие органов местного самоуправления с органами прокуратуры по вопросам проведения проверок в рамках осуществления муниципального контроля. Анализ правоприменительной практики показал активное участие органов прокуратуры в обеспечении законности муниципального контроля. Автором сделан вывод о том, что избыточность прокурорского надзора является следствием недостаточной эффективности работы муниципальных органов.

Ключевые слова: муниципальный контроль, прокуратура, органы местного самоуправления, взаимодействие, проверка, надзор.

Features of municipal control

The article analyzes the interaction of local self-government bodies with the prosecutor's office on the issues of conducting inspections within the framework of municipal control. The analysis of law enforcement practice showed the active participation of the Prosecutor's office in ensuring the

legality of municipal control. The author concludes that the redundancy of prosecutorial supervision is a consequence of the insufficient efficiency of the work of municipal organizations.

Keywords: municipal control, prosecutor's office, local self-government organizations, interaction, verification, supervision.

Одно из важнейших направлений взаимодействия органов прокуратуры с органами местного самоуправления в сфере земельных правоотношений связано с привлечением специалистов органов муниципального земельного контроля к участию в прокурорских проверках.

На основании ч. 13 ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры при проведении проверок вправе привлекать к участию в проверочных мероприятиях специалистов иных органов государственной власти [2].

Сразу же обратим внимание на то обстоятельство, что данная правовая норма содержит указание лишь на возможность привлечения к проверочным мероприятиям должностных лиц органов государственной власти, органы местного самоуправления при этом не упоминаются.

Обязательность участия специалистов органов муниципального контроля в проводимых прокуратурой проверочных мероприятиях вытекает из ст. ст. 6 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

Таким образом, по нашему мнению, положения ст. ст. 6, 22 и ч. 3 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» частично противоречат друг другу.

В этой связи полагаем необходимым и целесообразным внести изменения в ч. 3 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», добавив после слов «иных государственных органов» слова «и органов местного самоуправления» [2].

По общему правилу органы муниципального земельного контроля привлекаются прокурорами к проведению проверочных мероприятий в тех случаях, когда проверки осуществляются в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

Вместе с тем на практике органы прокуратуры нередко сталкиваются с такой проблемой, как правильное оформление решения о проведении проверки с привлечением специалистов контролирующих органов.

Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» регламентирует систему и порядок проведения контрольных мероприятий, а также вводит новые инструменты и институты, направленные на совершенствование государственного и муниципального контроля. В первую очередь, закон конкретизирует сами понятия государственного и муниципального контроля, четко определяет мероприятия, которые не относятся к государственному и муниципальному контролю [5].

При этом следует отметить, что в отличие от определения, закрепленного в действующем ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» 26.12.2008 № 294-ФЗ, новый закон иначе расставляет приоритеты и в самой формулировке понятий контроля, и в работе контролирующих органов [3].

Вместо выявления и пресечения нарушений установленных требований, ключевой задачей муниципального контроля названо предупреждение и пресечение вреда жизни и здоровью населения, законным правам и интересам граждан и юридических лиц, нравственности.

Анализ рассматриваемого закона позволяет определить его важнейшие положения, к которым относятся:

- формирование полноценной системы анализа рисков;
- закрепление принципов государственного и муниципального контроля, актуальных в современном правовом государстве;
- создание электронного реестра допустимых видов контроля;
- систематизация возможных контрольных мероприятий;
- систематизация и конкретизация содержания видов контрольных действий;
- увеличение перечня применяемых профилактических инструментов за счет таких новшеств, как стимулирование добросовестности, консультирование и т.п.;
- введение института независимой оценки соответствия деятельности контролируемого лица обязательным требованиям;
- введение механизма обжалования решений контрольного органа и действий его должностных лиц в досудебном порядке;
- установление необходимости согласования выездных мероприятий с органами прокуратуры;
- наделение всех субъектов РФ правом устанавливать виды регионального контроля и утверждать положения о видах федерального контроля в пределах переданных полномочий;
- предоставление прав присутствия при осуществлении контрольных мероприятий Уполномоченному при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и региональным бизнес-омбудсменам.

Обновленная система правового регулирования государственного и муниципального контроля имеет ряд преимуществ, которые заключаются в гуманизации подхода, повышении роли профилактики нарушений и поощрения добросовестных действий, усилении защиты прав и законных интересов граждан и организаций, жизни и здоровья населения, расширении использования современных информационных технологий, снижении административных издержек контроля и давления на бизнес [4].

Таким образом, анализ правоприменительной практики свидетельствует об активном участии органов прокуратуры в обеспечении законности муниципального контроля. При этом наведение порядка зачастую сопровождается реализацией прокурорами карательных мер, что связано с наличием у прокурора обширных общенадзорных и уголовно-процессуальных полномочий, а также сложившейся за десятилетия правоприменительной практики.

менительной практикой, основанной на доминировании реакционных форм взаимодействия с местными органами власти.

Нельзя не заметить, что избыточность прокурорского надзора является следствием недостаточной эффективности работы муниципальных органов. Однако одна из важнейших государственных задач, а именно обеспечение соответствия муниципального контроля, не может быть решена только уси-

лением прокурорского надзора. Необходим комплексный подход к проблеме правового регулирования деятельности органов местного самоуправления. При этом его основой должно явиться укрепление финансовых и экономических основ местного самоуправления, муниципальных правовых служб, совершенствование учета и систематизации нормотворчества, правового мониторинга на уровне муниципалитетов.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации / Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 О прокуратуре Российской Федерации / Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472
3. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля / Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6249
4. Подкопаев М.В. Новый порядок ведения государственного и муниципального контроля // Аптека: бухгалтерский учет и налогообложение. 2020. № 9. С. 18–23.
5. Шушняев Д. А. Некоторые проблемные аспекты взаимодействия органов прокуратуры с органами муниципального земельного контроля // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 35–38

Этапы возникновения, становления и развития нормативно-правового регулирования налогообложения добавленной стоимости в России

Шебунина Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье автор анализирует вопросы, связанные с предпосылками возникновения НДС в налоговой системе России в 1992 году, развитием и становлением данного налога, перспективами НДС в налоговой системе России.

Ключевые слова: налоговое право, налог, налог на добавленную стоимость, нормативно-правовое регулирование НДС.

Налог на добавленную стоимость, относится к косвенным налогам и представляет собой форму изъятия в бюджет определенной в соответствии с налоговыми ставками части прибавочной (добавленной) стоимости товаров (работ, услуг), появился в отечественной налоговой системе с принятием в 1991 году Закона РФ «О налоге на добавленную стоимость» [3], который вступил в действие с 01 января 1992 года.

Идея налогообложения добавленной стоимости принадлежит французскому экономисту М. Лоре, генезис данного налога в экономике капиталистических государств пришелся на 50-е-60-е годы прошлого века, советская экономика по понятным причинам развивалась собственным путем, и НДС, получивший в странах Запада широкое распространение, в Советском Союзе не применялся [7, с. 175].

Экономическая система советского периода не требовала налогообложения добавленной стоимости.

В силу того, что фактически единственным производителем и продавцом товаров, работ и услуг выступало государство, НДС, по сути, был лишен смысла, вследствие чего идея западных экономистов не могла рассматриваться как приме-

нимая в СССР не только по идеологическим, но и по исключительно финансовым соображениям.

Однако, после распада Советского Союза и трансформации экономики от социалистической до, по сути, к капиталистической, потребовались кардинальные изменения налоговой системы, соответствующие новым реалиям экономической жизни.

Как пишет З. К. Джафарова, в период перестройки реализовался ряд экономических реформ, которые должны были соответствовать современной рыночной системе и отойти от старой советской системы экономической политики. В бюджете не хватало денежных средств, и Е. Гайдар со своей командой разработали ряд налоговых сборов для преодоления кризисной ситуации в стране.

Одним из таких налогов был налог на добавленную стоимость, который получил в тот период название «налог для бедных». Данное новшество должно было позволить организации при покупке товаров использовать сумму вычета по НДС, которые должны были оплачены поставщику товаров или услуг [6, с. 112].

При этом многие исследователи критикуют идеологические послы и финансово-правовую составляющую введения НДС в отечественную налоговую систему, в частности, Д. Г. Бачурин пишет, что среди основных посылов по введению НДС в российскую налоговую систему, где уже присутствовала вся акцизная линейка в виде отдельных акцизов, налогов с оборота и налога с продаж, взяла верх взаимосвязанная идеологическая и фискальная мотивация. Идеологический посыл состоял в привнесении западного налогового опыта в отечественную налоговую систему в русле рыночных рекомендаций и «удачно» стыковался с фискальными устремлениями по охвату максимально возможных объектов налогообложения. Введение НДС предлагалось как своеобразная панацея от всех существующих бюджетных проблем и не сопровождалась предварительным факторным анализом его возможных воздействий для отдельных отраслей отечественной экономики.

Положенные в основу политики реформирования постулаты неоллиберализма освобождали законодателя от учета реального состояния российской экономики. Ущербность такого подхода состояла в том, что оформление правового механизма НДС происходило в виде безусловной нормативно-правовой данности, которую впоследствии пришлось приспособлять к объективной материальной реальности [4, с. 221].

Иными словами, специфика внедрения НДС в отечественную налоговую систему заключалась в том, что изначально нормативно-правовые аспекты преобладали перед реалиями экономической жизни — не сущность НДС «подстраивалась» под финансовую и предпринимательскую сферу, а этим сферам, по сути, пришлось перестраиваться с учетом основ налогообложения добавленной стоимости, заложенных вышеуказанным Законом «О налоге на добавленную стоимость».

При этом данный Закон действовал до вступления в силу части второй Налогового кодекса Российской Федерации, т.е. до 01 января 2001 года. В настоящее время налогообложение добавленной стоимости регулируется главой 21 НК РФ.

Многие отечественные исследователи, анализируя развитие нормативно-правового регулирования НДС в Российской Федерации отмечают, что возможное воздействие данного налога на национальную экономику было спрогнозировано неверно, поскольку принципиально различными оказываются фактические воздействия сопоставимых по нормативному содержанию моделей правовых механизмов налогообложения добавленной стоимости в социально-экономическом пространстве стран индустриального ядра и сырьевой периферии капиталистической системы производства.

При этом резко падает положительное значение правового механизма НДС при низком уровне экономики, где сужаются способности к созданию добавленной стоимости в размерах, обеспечивающих финансирование социальных нужд. В этих условиях теряется социально-регулятивный смысл введения НДС, и он превращается в еще один налог на бедных.

Правовой механизм НДС доказывает свою эффективность при высоком уровне стабильного экономического развития с равномерным распространением финансовых ресурсов, предполагающем достаточные возможности изъятия добавленной стоимости и перераспределения ее на социальные цели [5, с. 29].

Иначе говоря, на уровне финансово-правового регулирования и практики социально-экономической жизни необходимо сглаживание отрицательных последствий влияния НДС — таковое осуществляется посредством активного вмешательства государства в процесс перераспределения материальных благ, когда значительная часть бюджетных средств, полученных в результате взимания НДС, направляется на социальные нужды, что вполне справедливо — налогообложение добавленной стоимости фактически прямо увеличивает «стоимость жизни», соответственно, существенная доля финансовых ресурсов, полученных из «карманов налогоплательщиков», должна направляться на поддержку социально уязвимых слоев населения.

Развитие нормативно-правового регулирования НДС в России, когда правовое регулирование налогообложения добавленной стоимости подчинено исключительно фискальному наполнению бюджета, потенциально положительные качества и возможности правового механизма НДС как института переходного периода оказались не востребованы.

Напротив, в российских условиях его специфика проявилась в дополняющем разрушительном действии на социально-экономические структуры:

- уничтожение базовых отраслей национального хозяйства, производящих средства производства;
- расширение коррупции и криминальной экономики [8, с. 219].

В целом, подводя итоги трем десятилетиям становления и развития нормативно-правового регулирования налога на добавленную стоимость можно отметить, что сложившееся правовое регулирование налогообложения добавленной стоимости противоречит приоритетным задачам социально-экономического развития Российской Федерации.

С одной стороны, правовой механизм НДС «давит» на отрасли материального производства, которые должны работать в свободном рынке и быть максимально конкурентны, с другой — представляет наибольшее налоговое благоприятствование сырьевому комплексу и работающему с ним в tandem торгово-финансовому капиталу [4, с. 319].

Иными словами, здесь предусмотренный действующим законодательством порядок налогообложения добавленной стоимости рассматривается как инструментальный воздействия на различные отрасли экономики, и критикуется с точки зрения того, что оказывает наибольшее благоприятствование сырьевой отрасли, которая и без того развита хорошо, в то время как режим НДС в первую очередь необходимо использовать для поддержки товарного производства.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая, от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. — 1998. — № 148–149.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть вторая, от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Российская газета. — 2000. — № 153–154.

3. Закон РФ от 06.12.1991 № 1992-1 «О налоге на добавленную стоимость» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ.— 1991.— № 52.— Ст. 1871.
4. Бачурин Д. Г. Правовой механизм налогообложения добавленной стоимости в Российской Федерации / Д. Г. Бачурин: диссерт. докт. юр. наук.— М., 2018.— 561 с.
5. Бачурин Д. Г. Постклассическое право и трансформация юридического регулирования в сфере налогового контроля НДС / Д. Г. Бачурин // *Налоги*.— 2017.— № 6.— С. 27–31.
6. Джафарова З. К. Предпосылки возникновения и эволюции НДС в Российской Федерации / З. К. Джафарова // *Индустриальная экономика*.— 2021.— № 6.— С. 109–114.
7. Цибульских И. В. НДС: история возникновения, сущность, плательщики / И. В. Цибульских // *Налоги и налогообложение*.— 2020.— № 4.— С. 174–178.
8. Щербакова И. Г. Проблемы налогового администрирования НДС и пути их решения / И. Г. Щербакова // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*.— 2020.— № 7.— С. 217–222.

Классификация сделок по видам и формам

Штейникова Людмила Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В настоящей статье рассматриваются виды и формы сделок с точки зрения Гражданского кодекса Российской Федерации, а также с учетом нормативно-правовых актов, регулирующих рассматриваемую область права. В статье описана классификация сделок по их основным видам и формам.

Ключевые слова: гражданское право, сделки, виды сделок, форма сделок.

Classification of transactions by types and forms

Shteynikova Lyudmila Vladimirovna, student master's degree
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

This article discusses the types and forms of transactions from the point of view of the Civil Code of the Russian Federation, as well as taking into account the legal acts governing the area of law under consideration. The article describes the classification of transactions according to their main types and forms.

Keywords: civil law, transactions, types of transactions, form of transactions.

В процессе обычной хозяйственной деятельности, как юридические лица, так и граждане совершают действия по передаче гражданских прав или обязанностей иному лицу (лицам). При этом имеет большое значение для правоприменительной практики нормативное закрепление сделок.

Сделки в гражданском праве представляют собой одну из основных форм осуществления гражданско-правовых отношений наряду с договором. Данные понятия нетождественные, они отличаются по своим основным признакам.

Сделка представляет собой более широкое понятие, а договор является понятием частным по отношению к сделке. Сделки также являются понятием универсальным, которое употребляется во многих отраслях права. Они отвечают принципам диспозитивности: именно в сделках субъекты права могут проявить большую юридическую свободу выбора различных вариантов своего поведения, а также принимать решения, которые бы в полной мере соответствовали условиям заключенной сделки.

Понятие сделки законодателем закреплено в статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)

и подразумевает под собой «действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [1].

Из данного определения следует, что сделки являются разновидностью юридического факта — конкретного жизненного обстоятельства, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [6].

Исходя из приведенного определения, мы можем выделить основные признаки сделки, которыми являются:

1. Целенаправленность. Сделки совершаются с определенной целью, направленной на изменение гражданских прав и обязанностей между субъектами права.

2. Сделки совершаются как гражданами, так и юридическими лицами. Таким образом, сделки не обладают признаком эксклюзивности, они могут совершаться вне зависимости от лица, их совершающего.

3. Процесс действия. Сделки обладают характером действия, согласно которому субъекты права предпринимают определенные

шаги для достижения цели. Исходя из данного признака, совершение сделки возможно исходя из активного действия сторон.

4. Правомерность. Сделки представляют собой правоммерное действие, которое отвечает условиям российского законодательства. Таким образом, неправоммерные действия лиц завуалированные под тип сделки, сделками являться не будут, так как они не отвечают признаку правоммерности сделок.

Чтобы квалифицировать сделку, нужно учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки).

Данное положение закреплено в пункте 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2]. Отношения, порождаемые различными договорами, регулируются различными нормами, закрепленными в разных отраслях российского законодательства. Таким образом, данные отношения имеют разную правовую природу, что и обуславливает квалификацию сделок в российском законодательстве.

Начать следует с того, что сделки могут быть классифицированы по виду и формам, прежде всего в соответствии с положениями § 1 главы 9 ГК РФ [1].

Следует отметить, что в действующем законодательстве при заключении ряда сделок предусматривается обязательное соблюдение той или иной формы.

Форма сделки представляет собой способ выражения действий одного или нескольких лиц для достижения необходимого результата и его фиксации.

В соответствии со статьей 158 ГК РФ предусмотрено, что сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной) [1].

Сделка в устной форме может быть заключена, если законом или соглашением сторон не установлена письменная (простая или нотариальная) форма (п. 1 ст. 159 ГК РФ) [1].

Фактически устной сделкой можно назвать любые действия лиц, которыми изменяют или прекращают гражданские права и обязанности. Примерами устных форм сделок могут быть простейшие сделки купли-продажи, сделки на небольшие суммы денег. В том случае, если устная форма сделки невозможна в силу физиологических особенностей сторон, тогда может использоваться язык жестов.

Сделка в письменной форме совершается путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного сторонами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами.

Письменная форма сделок представляет собой письменное волеизъявление сторон сделки. Сделка считается выраженной на письме, если были соблюдены следующие условия:

1. Стороны сделки выразили свою волю на письменном носителе.
2. Стороны зафиксировали свою волю своими личными подписями.

Законодатель не предусмотрел порядка составления письменного документа, который отражает содержание сделки. Таким образом, документ может быть написанным от руки, напечатанным или зафиксированным иным образом.

При заключении сделки в простой письменной форме в случае спора у стороны будет иметься документальное подтверждение заключения сделки и ее условий. Таким образом, простая письменная форма сделки является более безопасным способом изменения гражданских прав и обязанностей, чем сделка, совершенная в устной форме. Но законом могут быть установлены дополнительные требования, которым должна соответствовать форма сделки, например, совершенная на определенном бланке, скреплена печатью и далее, и предусмотрены последствия несоблюдения этих требований.

Если такие последствия не предусмотрены, применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки (п. 1 ст. 162 ГК РФ) [1].

При этом заключение сделки в устной форме не несет дополнительных расходов, и заключается быстро и просто.

В соответствии с п. 1 ст. 158 ГК РФ установлена простая и нотариальная форма письменных сделок [1].

В простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения, заключаются: сделки юридических лиц между собой и с гражданами, а также сделки граждан между собой на сумму, превышающую десять тысяч рублей, а в случаях, предусмотренных законом, — независимо от суммы сделки (п. 1 ст. 161 ГК РФ) [1].

Так, действующим законодательством обязательная нотариальная форма сделок предусмотрена для договоров ренты (ст. 584 ГК РФ), сделок, связанных с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки и сделок по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину или гражданину, признанному ограниченно дееспособным (ст. 54 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») [1, 4].

Кроме того, соблюсти нотариальную форму письменной сделки будет необходимо при заключении договора залога доли или части доли в уставном капитале общества (п. 2 ст. 22 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») [3].

Таким образом, сделки заключенные в устной форме не требуют дополнительных материальных и иных затрат в отличие от сделок заключенных в письменной форме, но при этом являются менее безопасным способом для фиксации своих действий для достижения необходимого результата.

Исходя из того, что сделки представляют собой важнейший институт гражданского права, существует множество оснований для их классификации. Однако единой классификации, которая в полной мере охватывала бы все сделки в российской гражданской науке нет. Классифицирующими признаками могут выступать такие параметры, как: количество сторон в сделке, имущественный интерес, который ложится в основу сделки, момент совершения сделки, период действия сделки. Для того, чтобы в полной мере изучить виды сделок, необходимо рассмотреть приведенные классифицирующие признаки [7].

Первым квалифицирующим признаком выступает количество сторон в сделке.

Сделки в отличие от договоров могут быть односторонними, то есть для совершения сделки необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. Основным признаком односторонней сделки выступает наличие обязанностей только для одной стороны, для других лиц обязанности могут наступать в случаях имеющегося соглашения с этими лицами или условий, установленных в законе. Например, в случае оформления завещания изъявление воли завещателя является основным признаком. Также необходимо отметить, что, хотя в односторонней сделке основой является волеизъявление одной стороны, эта сторона может быть представлена несколькими лицами.

Примерами односторонней сделки могут выступать

1. Доверенность.
2. Завещание.
3. Организация публичного конкурса.

Также сделки могут быть двусторонними. В этом случае затрагивается воля двух сторон, что порождает обязанности у обеих сторон. Таким образом, воля сторон должна быть согласованной, так как оба субъекта сделки должны быть удовлетворены результатом сделки. Примерами таких сделок могут выступать различные договоры, указанные в ГК РФ. Например, договор найма. В данном договоре удовлетворяются интересы наймодателя и нанимателя.

Многосторонние сделки также входят в группу сделок по количеству сторон. Как следует из названия, сторон у данных сделок больше двух. В данных сделках выражается воля трех и более сторон, которые представляют свои собственные интересы. Примерами данных сделок может выступать учредительный договор, согласно которому несколько участников данного договора создают юридическое лицо, определяют порядок совместной деятельности данного лица, указывают свои обязанности и деятельность в данном лице [8].

Таким образом, по числу лиц, участвующих в сделке, сделки могут быть:

1. Односторонними.
2. Двусторонними.
3. Многосторонними.

Наиболее распространенными и совершаемыми практически ежедневно являются двухсторонние сделки. Каждый гражданин практически ежедневно заключает сделки по покупке продуктов питания в продовольственных магазинах, оплате коммунальных услуг, услуг ателье. При этом невозможно однозначно выделить, какие сделки чаще совершает юридическое лицо.

— Следующим классифицирующим признаком выступает имущественный интерес сторон сделки. Согласно данному признаку сделки делятся на возмездные и безвозмездные.

Возмездная сделка — это сделка, в которой одна сторона предоставляет встречное исполнение другой стороне в зависимости от условий сделки. Встречное предоставление в возмездной сделке может выражаться, как в денежной, так и в натуральной форме оплаты. При этом, возмездность сделки не во всех случаях сопоставима с ее реальной стоимостью.

Следует учесть, даже если в договоре не оговорено встречное удовлетворение, это не означает, что договор является безвозмездным. В этом случае размер встречного предоставления определяется исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги (п. 3 ст. 424 ГК РФ) [1].

Безвозмездные сделки — сделки, в которых одна сторона представляет другой стороне без получения платы или иного встречного исполнения. Данные сделки встречаются редко (договор дарения, безвозмездного пользования, договор поручения).

Как для гражданина, так и для юридического лица подавляющее число сделок являются возмездными: приобретение товара в магазине или выполнение работ, за которые исполнитель получает деньги.

— В зависимости от момента, с которого сделка считается заключенной, различают реальные и консенсуальные сделки.

Дифференциация сделок по данному принципу уходит корнями в древность. Еще в Древнем Риме выделялось три вида сделок: вербальные сделки (которые заключались устно, не требуя записи), литеральные (сделки, которые записывались на носитель) и реальные (которые заключались в момент передачи вещи). Данная классификация видоизменялась с течением времени и, таким образом, преобразовалась в консенсуальные и реальные сделки [9].

Консенсуальные сделки считаются заключенными с того момента, когда стороны достигли соглашения по всем существенным условиям договора. [5, стр. 136] Так, при приобретении бытовой техники момент заключения и исполнения договора может не совпадать, например, при приобретении крупногабаритной техники: когда дата доставки товара позднее, чем дата оплата за товар.

Реальные сделки считаются заключенными, если стороны достигли соглашения по всем существенным условиям договора, и произошла передача вещей. [5, стр. 136] То есть в данных сделках передача товара является заключением сделки, а не исполнением. К числу реальных сделок относятся договор перевозки грузов, договор хранения, договор безвозмездного пользования имуществом и другие.

В рамках своей деятельности юридическое лицо не делит сделки на реальные и консенсуальные при необходимости заключения договора на доставку груза будет заключен договор грузоперевозок, а для выполнения каких-либо работ договор подряда.

— В зависимости от влияния основания сделки на ее действительность сделки могут быть каузальными и абстрактными.

Каузальная сделка — это сделка, исполнение которой непосредственно связано с ее содержанием. При заключении сделки без намерения на исполнения ее условий (продажа транспортного средства без фактической передачи транспортного средства покупателю) может быть признана мнимой (ничтожной).

Абстрактная сделка — это сделка, правовая цель которой из ее содержания не видна и ее осуществление (неосуществление) не влияет на действительность сделки. По действующему законодательству сделки по выдаче и передаче ценных бумаг отнесены к абстрактным сделкам.

Большинство сделок, заключаемых как юридическим лицом, так и гражданином, являются каузальными.

Касаемо периода действия сделок выделяются срочные сделки и бессрочные. Срочной будет сделка, в которой точно определены время вступления сделки в силу и момент ее прекращения. Основным свойством срочной сделки является обязательность наступления срока сделки. Также существует такое понятие как разумный срок. Разумным называется срок исполнения обязательства, который логически обоснован для совершения данного обязательства. Разумный срок является оценочным термином, таким образом разумность срока остается на усмотрение суда.

Также существуют бессрочные сделки. Бессрочными называются сделки без определенного срока вступления в силу, а также без определенного момента прекращения сделки. Примеров бессрочной сделки в российском гражданском законодательстве не так уж и много, однако можно выделить договор поручения, согласно которому лицо может поручить другому лицу как-либо свою вещь без определенного срока поручения.

— В зависимости от того, связываются ли юридические последствия совершения сделки с обстоятельством, которое может наступить или не наступить, выделяют сделки обычные и условные.

В обычных сделках наступление прав и возникновение обязанностей происходят в порядке и в сроки, определенные законом или соглашением сторон.

В сделках, совершаемых под условием (условных сделках), возникновение или прекращение прав и обязанностей сторон поставлено в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит (ст. 157 ГК РФ) [1].

Действующее законодательство различает два вида условий: отлагательное и отменительное.

Сделка считается совершенной под отлагательным условием, если стороны поставили возникновение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит (п. 1 ст. 157 ГК РФ) [1]. Примером сделки, заключенной под отлагательным условием, является заключение договора аренды жилого поме-

щения, в соответствии с которым права и обязанности арендатора возникнут только в том случае, если супруг арендатора будет выписан из больницы в течение двух месяцев.

Сделка считается совершенной под отменительным условием, если стороны поставили прекращение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит (п. 2 ст. 157 ГК РФ) [1]. В качестве примера сделки, заключенной под отменительным условием, можно привести договор аренды, в соответствии с которым арендатору предоставлено право пользования жилым помещением, принадлежащим арендодателю сроком на один год, при условии, что права и обязанности арендатора прекратятся, если в течение установленного срока арендодатель возвратится из зарубежной командировки.

Обычные и условные сделки, вне зависимости от вида условия, могут быть заключены как гражданами, так и организациями. При этом, совершая данный вид сделки, стороны сделки преследуют цель в виде создания желаемых правовых последствий, а не в виде совершить сделку данного вида классификации.

Хотелось бы выделить такие виды сделок как ничтожные и недействительные (оспоримые). Нормативно-правовое обоснование данных видов сделок раскрыто в ст. 166 ГК РФ [1]. В отличие от вышеперечисленных видов сделок, разделение сделок на ничтожные и недействительные производится на основании признания законности таких сделок. Недействительной сделка считается, если ее законность проверена судом, и в результате такой проверки сделка признана недействительной. Ничтожная сделка является недействительной вне зависимости от решения суда. При этом, для того чтобы применить последствия ничтожной сделки, то есть привести положения сторон сделки в первоначальное положение, необходимо получить судебное решение.

Подводя итог, можно сделать вывод, что как юридическим лицом, так и гражданином ежедневно заключаются те или иные сделки. Выделить определенный вид сделки, совершаемый наиболее часто, невозможно. При этом классификация сделок, установленная Гражданским кодексом РФ, в настоящий момент не является исчерпывающей. Следовательно, с учетом правоприменительной практики классификация сделок будет расширяться.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. N32. Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета». N140. 30.06.2015.
3. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 N14-ФЗ // 17.02.1998, Российская газета — Федеральный выпуск № 30.
4. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 N218-ФЗ // 17.07.2015, Российская газета — Федеральный выпуск № 156(6727).
5. Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: общая часть: [16+] / А.И. Иванчак; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2018. — 272 с.
6. Наиболее обстоятельное исследование о юридических фактах предпринято О. А. Красавчиковым (Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: Избранные труды. В 2 т. М., 2005. Т. 2).

7. Егоров Ю. П. Классификация сделок // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3. С. 100–111.
8. Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 7. С. 30–34
9. Серкова Ю. А. К вопросу о юридической конструкции консенсуального и реального договора // Russian Journal of Economics and Law. 2013. № 3 (27). С. 181–186.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 5 (452) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 15.02.2023. Дата выхода в свет: 22.02.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.